

**Центр системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК РГУ и ИСПИ РАН**

**Южнороссийское обозрение
Выпуск 22**

**ИРАНСКИЙ МИР И ЮГ РОССИИ:
ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных статей

Ответственный редактор

В.В. Черноус

**Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ
2004**

ББК

И

Редакционная коллегия серии: Акаев В.Х., Арухов З.С., Волков Ю.Г., Добаев И.П.
(зам.отв.ред.), Попов А.В., Черноус В.В. (отв.ред.),
Ненашева А.В. (отв.секретарь)

Рецензенты: Смирнов В.Н., д.и.н., профессор СКАГС,
Гасанов М.Р., д.и.н., профессор ДГПУ

И Иранский мир Юг России: прошлое и современные перспективы. Отв. ред.
В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных
исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 22. Ростов-
на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004. с.

В сборнике раскрываются исторические и культурные связи народов Юга России с иранским миром: скифами, сарматами, аланами, Персидской империей. Показано влияние иранской культуры на формирование духовных ценностей народов Северного Кавказа. Вторая часть сборника освящает состояние и перспективы российско-иранского сотрудничества и его роли в геополитической реструктуризации Каспийско-Черноморского региона. Авторы придерживаются различных научных и политических парадигм, но являются убежденными сторонниками углубления отношений между Ираном и Россией.

Адресована социологам, политологам, конфликтологам, студентам-регионоведам, всем, кто интересуется проблемами российско-иранских отношений.

Д-01(03) 2003 Без объявл.

ISBN 5-87872-141-4

© Центр системных региональных
исследований и прогнозирования
ИППК РГУ и ИСПИ РАН
2004

Сведения об авторах

Алибекова Патимат Магомедовна – к.ф.н., доцент кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета, старший научный сотрудник отдела литературы Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН

Белкина Ксения – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Вдовченков Евгений Викторович – ассистент Ростовского Института Сервиса при Южно-российском государственном университете экономики и сервиса

Веркин Вячеслав Сергеевич – соискатель ИППК РГУ

Дегтярев Александр Константинович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Добаев Игорь Прокопьевич – д.ф.н., зам. директора Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

Дургарян Юлия Левоновна – юрист-международник (г. Ереван)

Дьячук Игорь Алексеевич – к.с.н., начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Емельянова Надежда Михайловна – к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Лихошерстов Евгений Николаевич – к.пед.н., доцент, начальник Новочеркасского военного института связи

Малышева Дина Борисовна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (г. Москва)

Пацев Александр – студент 4 курса отд. «Регионоведение»

Погосян Марина – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Суслов Дмитрий Вячеславович – аспирант Института США и Канады РАН, международный корреспондент «Независимой газеты» (г. Москва)

Туаллагов Алан Ахсарбекович – д.и.н., ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (г. Владикавказ)

Ханбабаев Каflan Муслимович – к.ф.н., доцент, заместитель Председателя Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религий (г. Махачкала)

Черноус Виктор Владимирович – *к.полит.н., доцент, директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН*

Чугунова Юлия – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Шевелев Владимир Николаевич – д.филол.н., профессор, зам. директора ИППК при РГУ по учебной работе

Содержание

В.В. Черноус

Иранский след в истории Юга России

РАЗДЕЛ 1. ИРАН И ЮГ РОССИИ В ПРОШЛОМ

А.А. Туаллагов

Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников

Е.В. Вдовченков

Миграция носителей сарматской археологической культуры из Подонья на территорию Среднего Дуная в I в. до н. э. – I в. н. э.

Н.М. Емельянова

Иран в истории Осетии

П.М. Алибекова

Персидский язык и литература в Дагестане

К.М. Ханбабаев

Из истории дагестано-иранских культурных связей

И.П. Добаев

Роль и место неправительственных религиозно-политических организаций в экспорте Ираном «исламской революции» в 80-х гг. XX в.

РАЗДЕЛ 2. ЮГ РОССИИ И ИРАН В XXI В.

Д.В. Суслов

«Иранский вопрос» в мировой политике XXI века и его возможное решение

Е.Н. Лихошерстов, И.А. Дьячук, В.С. Веркин

Геополитический аспект российско-иранских отношений

В.Н. Шевелев

Внешняя политика современного Ирана: геополитические интересы на Кавказе и Юге России

Д.Б. Малышева

Каспийский вектор ирано-российского взаимодействия

Ю.Р. Чугунова

Правовой статус Каспия: ресурс или барьер в межрегиональном сотрудничестве и российско-иранских взаимоотношениях

А.К. ДЕГТЯРЕВ

ОБРАЗ ИРАНА В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ НАЦИОНАЛИЗМА

Ю.Л. Дургарян

Армяно-иранские отношения и разрешение карабахского конфликта

**Материалы «КАВКАЗОВЕДЧЕСКОГО СЕМИНАРА» на тему
«Иран и Россия в геополитике Каспийско-Черноморского региона»**

К. Белкина

Сотрудничество в ядерной области России и Ирана: история и современность

А. Пацев

Иран в геополитической конструкции И.И. Дусинского

М. Погосян

Перспективы торгово-экономического сотрудничества Ирана и России

Иранский след в истории Юга России

Территория современного Юга России с древнейших времен неразрывно связана историко-культурными корнями, интересами с ираноязычным миром. Северный Кавказ – одна из областей первичного заселения России древнейшим человеком, одна из областей сапиентации – формирования человека современного вида. В каменном веке ученые предполагают на основе единства археологических культур, антропологического родства народов возникновение кавказского субстрата, который лег в основу формирования северокавказской языковой семьи. В IV – III тыс. до н.э. палеокавказская культурная общность распалась на три этнических общности – западную (абхазо-адыгскую), восточную (нахско-дагестанскую) и южную (картвельскую).

Однако первыми обитателями Северного Кавказа, название которых сохранили письменные источники (ассиро-вавилонские и древнегреческие), были ираноязычные киммерийцы («гимирри»). На рубеже II – I тыс. до н.э. киммерийцы из южнорусских степей проникают на Северный Кавказ и объединяют племена на территории современного Юга России в культурную общность. В IX – VIII в. до н.э. киммерийцы, оказав заметное влияние на племена Северного Кавказа, были оттеснены в Малую Азию еще более мощной волной ираноязычных кочевников – скифов. Скифские союзы племен контролировали огромные пространства Евразии, включая Кавказ, Крым, южнорусские степи, а местные племена на протяжении пяти веков находились в сфере их влияния. Скифы изменили антропологические характеристики народов Северного Кавказа, обогатили их лексику, мифологию, включая нартский эпос, материальную культуру, оставили значительный след в местной топонимике.

В III в. до н.э. новая волна – сарматы (савроматы, аорсы, сираки) еще более усиливают роль ираноязычной культуры на Кавказе, степях Прикаспия и Приазовья в результате смешения и ассимиляции пришельцев аборигенами. Еще более заметную роль в этногенезе и политогенезе народа Северного Кавказа и Прикавказья сыграла третья волна расселения ираноязычных племен – аланы.

История Юга России связана не только с волнами ираноязычных кочевников, но и тесным взаимодействием с древнеиранскими государствами. Часть Восточного Кавказа (Прикаспий) входила в состав Закавказской сатрапии Персидского царства Ахеменидов (VI – IV в. до н.э.), а после его крушения поддерживала связи с эллинистическими государствами.

Важная роль в истории и культуре Дагестана принадлежит сопернику Рима – сасанидскому Ирану, который при Шапуре I (III в. н.э.) устанавливает контроль над Южным Дагестаном. Сасанидам принадлежит инициатива строительства оборонительного комплекса в районе Дербента для охраны Кавказских проходов. Строительство растянулось на многие десятилетия, в него было втянуто население Южного Дагестана, испытывавшее сильное влияние иранской культуры в материальной и духовной сферах. В частности получили распространение зороастризм, пехлевийская письменность, была заимствована социальная терминология.

Вхождение Ирана в состав Арабского Халифата (VIII – IX вв.) превратило его в канал распространения ислама в Дагестане и на Северном Кавказе, что включало местные народы в исламский культурный круг.

На рубеже IX – X вв. аланский племенной союз переходит к ранней государственности, объединив многие народы Северного Кавказа, способствовал распространению христианства и укреплению связей с Закавказьем и Русью в домонгольский период. В это же время Иран, попавший под власть династии сельджуков, продолжал оказывать сильное влияние на Восточный Кавказ, прежде всего, Дагестан: ираноязычная литература, архитектура, декоративное искусство (в частности знаменитое искусство Кубачи). Не прерывались эти связи в период существования государства Хулагуидов (XIII – XIV вв.) и империи Тимура, несмотря на сопутствовавшие им опустошительные завоевательные походы, в ходе которых Алания была сокрушена.

В XVI – XVII вв. Северный Кавказ становится ареной борьбы между крупнейшими империями Востока – сефевидским Ираном и Османской империей, в противостояние которых постепенно начинает втягиваться Московское царство. Оно оказывало, в соответствии с собственными интересами, помощь и поддержку народам Северного Кавказа, что постепенно укрепляло их пророссийскую ориентацию. Важным ресурсом политики Московского царства на Северном Кавказе было южнороссийское казачество.

Несмотря на тяжелые войны, культурные связи с иранским миром народов Северного Кавказа не прерывались, роль восточного канала развития культуры оставалась определяющей в регионе.

С каспийского похода (1722) Петра I начинается вытеснение Персидской империи с Кавказа. Попытки «грозы вселенной» шаха Надира восстановить влияние Персии завершилось в 40-е годы XVIII, несмотря на предельную жестокость завоевателей, военными неудачами. Последующие русско-иранские войны (1804 – 1813, 1826 – 1828 гг.) привели по Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1828) мирным договорам к признанию Ираном присоединения к России его кавказских владений.

Со второй половины XIX в. отношения между Ираном и Российской империей нормализовались, геополитические противоречия практически отсутствовали, но обостряются противоречия с Англией и Германией в борьбе за влияние в Иране.

Классовый характер внешней политики Советского Союза отодвигал естественные геополитические интересы в отношениях с Ираном на второй план.

Политическая нестабильность в самом Иране, преимущественно прозападная ориентация иранских режимов делали советско-иранские взаимоотношения неустойчивыми. Не улучшила этих взаимоотношений исламская революция в Иране (1978), отрицавшая претензии на гегемонию, как США, так и Советского Союза. Тем не менее, отношения Советского Союза и Ирана по основным геополитическим и геоэкономическим проблемам, прежде всего связанным с Каспийским морем, в правовом отношении были урегулированы. Политические проблемы возникали как резонанс на противоречивое развитие социально-политической ситуации в Иране в XX в и взаимных реальных угроз для обеих стран не представляли.

Глобализация и геополитическая переструктуризация актуализировали российско-иранские отношения. Возрос интерес к историческому сознанию, общим с Ираном корням культуры большинства народов Северного Кавказа и особенно ираноязычных – осетин, татов, курдов, а также армян. Распад СССР создал сложный комплекс проблем во взаимоотношениях России, Ирана и ННГ Каспийского региона. Сотрудничество России и Ирана – необходимое условие региональной стабильности, что перевешивает значение всех спорных проблем между ведущими державами региона. Дестабилизирующую роль в Каспийском регионе играют США, которые постоянно демонизируют Иран и стремятся удерживать его в международной изоляции, как и в случае и Ираком, не гнушаясь откровенными, но хорошо спланированными фальсификациями и провокациями. Политическая мобильность шиитов позволяет нынешней администрации США пугать европейского и российского обывателя, а иногда экспертов «иранской угрозой», связями Ирана с международным терроризмом. Провал американской политики в Ираке делает вполне возможным сценарий распространения агрессии США и их сателлитов против Ирана. Реанимация мифа о противоборстве «Севера» и «Юга» как главного противоречия XXI в. – удачная идеологическая находка для оправдания сохранения и расширения НАТО, а фактически является условием консервации агрессивных, но крайне неэффективных претензий США на мировое лидерство. В российском обществе нет консенсуса по вопросу о стабилизирующей или конфликтогенной роли США и НАТО в мире и каспийско-черноморском регионе. Тем более, что события последних лет подтверждают истинность максимы русского геополитика начала XX в. А.Е. Вандама «Плохо иметь англосакса [англичан и американцев – В.Ч.] врагом, но не дай Бог иметь его другом».

Правящая элита усердно уговаривает себя и общество поверить в радужные перспективы сотрудничества с США по проблемам безопасности и борьбы с терроризмом, а население приграничных регионов все сильнее испытывает на себе не только вызовы, но и прямые угрозы национальной безопасности. Соответственно с разных позиций видится в системе геополитических отношений и роль Ирана, российско-иранских отношений. Для одних (к их числу себя относит и автор) – современный Иран естественный союзник России, один из гарантов стабильности в регионе, для других, считающих глобализацию по-американски безальтернативной, самобытный и суверенный Иран является вызовом новому миропорядку.

Столь разные подходы читатель обнаружит в статьях данного сборника. В историко-культурных статьях, составивших первую часть сборника, освещаются некоторые проблемы скифской эпохи на Дону и Северном Кавказе (Туаллагов А.А., Вдовченков Е.В.), культурного взаимодействия Ирана и народов Юга России (Алибекова П.М., Емельянова Н.М., Ханбабаев К.М.), роли неправительственных организаций Ирана в экспорте «исламской революции» (Добаев И.П.). Во вторую часть вошли статьи, посвященные современным российско-иранским отношениям. Д.В. Суслов предлагает взгляд на Иранский вопрос с позиций признания американского лидерства и веры в стремление США нести народам мира идеи демократии и свободы. В парадигме

геополитического подхода анализируются российско-иранские отношения в статьях Лихошерстова Е.Н., Дьячука И.А., Веркина В.С. и Шевелева В.Н. Малышева Д.Б. и Чугунова Ю.Р. – освещают некоторые проблемы отношений Ирана, России и других держав по спорным вопросам использования ресурсов Каспийского моря. Роль Ирана в поиске путей урегулирования карабахского кризиса раскрывается в статье Ю.Л. Даргарян. По традиции сборник завершается материалами «Кавказоведческого семинара», на котором студенты высказали свое видение некоторых аспектов отношений Ирана и России.

В.В. Черноус

Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников

По сведениям Диодора Сицилийского, чьи сведения восходят к более ранним ионийским источникам (73, с. 115-116), пришельцы-скифы приобрели себе страну «в горах до Кавказа». Не исключено, что она сопоставима с закавказской Сакасенной или Сиракеной (Strabo. II. I. 14, XI. VII. 2, VIII. 4, XIV. 4, Ptol. III. 12. 9, Plin. NH. VI. 29, Arr. Anab. III. 8. 4). Скифские владения на равнине, судя по всему, помещались на Северо-Западном Кавказе (Diod. Sic. II. 43. 2-5). Возможно, данное положение отмечал Сократ (Xen. Memorab. II. 1. 10), указывающий на подчинение скифам меотов, обитавших на Северо-Западном Кавказе. Эсхил помещал скифов вокруг Меотийского озера и на Кавказе (Aesch. Prom. vinct. 1-2, 427-440). Гелланик (Fr. 92) упоминает выше синдов меотов скифов (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 321). Меотов называют скифами Евстафий Фессалоникский и Стефан Византийский (Eustath. ad Dionys. perieg. 417-419; Steph. Byz. s. v. Μαιωται). Возможно, в связи с Кавказом упоминает о скифах Софокл (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 284, Hecat. Fr. 187). Позднейшие сообщения западноевропейских авторов о скифах на Северном Кавказе связаны с иной этнической историей (78, с. 167-170) и поэтому не могут привлекаться для освещения истории собственно скифов.

Царство скифов («страна Ишкуза»), упомянутое в середине VII в. до н. э. в запросе царя Асархаддона к оракулу бога Шамаша, исследователи обычно помещают к югу от Главного Кавказского хребта. Учитывая сложности археологического порядка и малочисленность сведений клинописных источников для помещения в то время царства на территории Азербайджана, предполагается его локализация в степях Прикубанья и Северного Кавказа (65, с. 229-230; 66, с. 95-97; 64, с. 47; 59, с. 103). Однако собственно ассирийский источник такой локализации не дает, да и не может дать. Отмечают и хронологические несоответствия с приведенными северокавказскими скифскими материалами (3; 4, с. 23). В. Б. Виноградов (14, с. 29-31) помещает места обитания скифов во время их закавказских походов в Северном Причерноморье. Но приводимые автором свидетельства Гомера, Гесиода, Алкея и Геродота не могут подтвердить такого вывода, поскольку спор о галактофагах (киммерийцы или скифы), начатый еще древними авторами, не нашел своего решения и у современных ученых.

В пророчестве Иеремии 594/593 г. до н. э. против Вавилона (Ier. LI. 11, 27-28) призываются царства Мидии, Араратские, Минийские и Азкенасские. Само окружение царства скифов свидетельствует о его близости к указанным образованиям. Считается, что здесь представлено воспроизведение более древнего оракула: Не исключено, что упомянутое царство скифов, находилось в подчинении Мидии и соответствует истории Геродота об отряде скифов у Киаксара (14, с. 28). Но в самом библейском тексте все три царства, включая Аскенасское, упоминаются отдельно от Мидии. С учетом использования

другого оракула, здесь может воспроизводиться более ранняя ситуация, но переносится она на последующие события.

Таргум к «Первой книге Моисеева. Бытие» и к «Летописям/Первой книге Паралипоменон», Талмуд и Мидраш отождествляют Ашкеназ с Азией, т.е. римской провинцией, включающей лидийскую, фригийскую и карийскую области. Таргум Иерушалми видит в Ашкеназ Адиабену (область Ассирии), к которой Талмуд и Мидраш присоединяли и древний Рифат. В Таргуме к интересующему нас месту из Иеремии отрывок об Арарате, Мини и Ашкеназ перефразирован в Курдистан, Армению и Адиабену. Адиабена отождествляется и с Рифатом (41, с. 486; 42, с. 574). Видимо, в самой иудейской традиции Ашкеназ не сопоставим с северокавказским регионом. Намечающаяся связь Рифата с Кавказом (44, с. 13, 60, 67) не позволяет без дополнительных оснований помещать его к северу от Главного Кавказского хребта.

Г.В. Цулая (84, с.31), изучая сведения Леонти Мровели о «нашествии хазаров», пришел к выводу, что они могут быть сопоставлены с вайнахскими сказаниями о борьбе местных героев с нарт-орстхойцами, заменяемыми в абхазских сказаниях об Абрскиле голубоглазыми и светловолосыми людьми. Показательно, что в отмеченных фольклорных памятниках мы имеем дело с описанием столкновений местных кавказских народов с иноплеменниками, что вполне соответствует истории скифов на Северном Кавказе. Но образ врагов северокавказских автохтонов, судя по всему, не ограничивается только воспоминаниями об исторических скифах и включает в себя обобщающий образ кочевников, например, алан (79, с. 86), представлявших собой близких в этнокультурном плане кочевников.

С историей скифов на Северном Кавказе исследователи связывают рассказ, приписываемый Леонти Мровели, из «Жизни картлийских царей», включенной в свод хроник «Жизнь Картли». Автор этого средневекового (XI в.) произведения считает народы Кавказа потомками семи из наиболее славных сыновей Таргамоса. Земли Северного Кавказа вплоть до Волги были в его времена безлюдны. Поэтому он отдал их двум из своих сыновей: Лекану – земли от Каспийского моря до Терека, а Кавкаосу – от Терека до оконечности Северо-Западного Кавказа. Старшим над братьями оставался Гаос, прародитель армян. Позднее на Северный Кавказ, где над сыновьями Кавкаоса правил Дурдзук, сын Тирета, произошло вторжение хазаров. Объединившиеся Таргамосиане перешли через Кавказ, покорили Хаза-рети, воздвигнув на его подступах города, и удалились. Тогда хазары избрали себе царя, прошли через Дербентский проход и разгромили владения Армении и «Севера», но не смогли взять часть владений Картли. Освоив пути через Дербентский и Дарьяльский проходы, хазары часто нападали и сделали Таргамосианов своими данниками. Часть страны Кавкаоса и пленников из Армении и Картли хазарский царь отдал своему сыну Уобосу, потомками которого являются овсы. Дурдзук, самый знаменитый среди сынов Кавкаоса, ушел в горную теснину, дав ей свое имя Дурдзукети, и тоже стал данником хазар. Своему двоюродному брату хазарский царь отдал удел Лекана и пленников из Рани и Мовакана. Самый знаменитый из рода Лекана

Хозоних также ушел в горную теснину и воздвиг там город Хозо-нихети (древнеаварский Серир). С тех пор в течение долгого времени все эти народы были данниками хазар.

В армянском переводе («История Врац»), в целом, сохраняются сведения архиепископа Руисского. На первом этапе борьбы земли племени Хазрацов, боровшегося с родом Лекаца и Ковкаса, было захвачено Торгомами руками Дуцука, которой и призвал их на помощь. Затем, хазары вторглись в земли Армении, а вот сведения о «Севере» оказываются опущены. Из сохранившихся владений исключается и Тухариси (Самцхе) в Южной Грузии. После успешных набегов на Торгомамов, венценосец Хазрац выдал своему сыну Уовбосу (Робос, Ро-убос) некоторую часть Ковкаса с пленными армянами и картлийцами (Овсэт), которую он застроил со своим родом, а своему брату – часть Лекана с пленниками из Рана и Мовкана. Дердзук, один из знатных сынов Ковкаса, ушел на одинокую гору (Дурдзукэт) и платил дань. Ушел в горные теснины и сын Лекана Хузуних.

Повествование Леонти Мровели использовал в своей работе «Описание царства грузинского» в XVIII в. н. э. Вахушти Багратиони, внесший некоторые коррективы. Царь хазар отдает владения Лекана своему двоюродному брату с пленниками Рана и Мовакана. Благороднейший потомок Лекана Хозоних ушел в горы и платил дань. Страну Кавкасоса, по имени которого гора называлась Кавкас, а равнина – Оси (что составляло окончание имени Кавкасос), царь хазар отдал своему сыну Урбаносу с картлийско-армянскими пленниками. Урбанос перебил потомков Кавкасоса и поселился здесь на равнине со своими людьми и пленниками из Рана и Армении. Благороднейший из потомков Кавкасоса Дзурдзукос, сын, Тинениса, убежал внутрь Кавказа. Поэтому эти территории на восток от Терека до Лекети стали называться Дзурдзукетией, а на запад от Терека Дуалетией, как назвал ее Урбанос. С их жителей Урбанос получал дань. Вахушти Багратиони несколько далее вновь возвращается к этой истории. Он отмечает, что ущелья к востоку от Хеви получили название Дурдзукети, а к западу – Кавказ или Дуалети. Во втором регионе поселились сыновья и потомки Кавкасоса. Все они повиновались Дзурдзукоосу.

Трудно точно судить о том, какие именно источники использовались Леонти Мровели при создании им первоначальной истории Кавказа, хотя сам автор заявляет о знакомстве с греческими, армянскими, грузинскими и персидскими произведениями. С точки зрения возможности осмысления человеческой истории в то время для Грузии был единственный путь – обращение к данным Библии. Учитывая отдание приоритета в изначальной истории перво-предку армян, следует полагать, что большое влияние имела, прежде всего, армянская традиция. Показательно, что Леонти Мровели никак не использует первую переработку библейских данных, проведенную Иосифом Флавием, в которой иберы названы потомками Тувала (Joseph. Ant. Jud. I. 6). Мовсес Каганкатвацци («История агван». II) называл иберов потомками Таршиса.

Именно в части о древнейшей истории Кавказа Леонти Мровели, несомненно, использует произведение Мовсеса Хоренаци, писавшего в V в. н.э. У армянского епископа (Мовсес Хоренаци. «История Армении». V, X, XII) прародитель армян Хайк представлен потомком линии Иафет-Гамер-Тирас-Торгом. Армяне называли Гамирк Каппадокию.

Данное название в первую очередь привлекалось для толкования Библии и осознавалась его связь с Гамером. Мовсес Хоренаци («История Армении». XXI) называл первым армянским венценосцем сына Скайорди Паруйра. Мовсес Каганкатвацци («История агван». XV) отмечал коронацию Скай-орди. Гр. Капанцян (48, с. 147-153) указывал, что имя этого участника разгрома Ассирии («сын сака» или «скифа») сходно с именем скифского предводителя Партатуа. Исследователь отмечал, что скифы оставили особый след в топонимике, в антропонимике аристократических домов, в фольклоре Армении. Постулируется представление о смешении скифов с армянами. Поэтому и армянский писатель Корюн в «Житие Маштоца» называл армян «аска-назским родом». И. М. Дьяконов (39, с. 252, 313, 354) допускал при условии наличия эпико-исторической основы легенды о Паруйре, что тот мог быть армянским вождем скифского происхождения и, возможно, потомком Партатуа. Приводились и дополнительные аргументы в пользу идентификации Паруйра и Партатуа (75, с. 34-36). Согласны с предлагаемой этимологией имени Скайорди и другие исследователи, дополняющие его значением «сын сака» или «сын великана/исполина», последнее из которых возводится к названию саков или персидскому *kaī* «великан/исполин» (70, с. 126; 89, р. 426; 47, с. 158). Данные Корнелия Непота подтверждают влияние на историю царских домов Малой Азии скифов (Nepot. Datames. I. 3, II. 3-4). Некоторые дополнительные наблюдения приводит К. Мазетти (57, с. 23). Не исключено, что на представления о родстве армян со скифами повлияло пребывание в Армении саков и сираков. Но логичнее усматривать в нем более ранние, тесные контакты предков армян со скифами. Тем более, население Сакасны и Сиракены вполне адекватно воспринималось ими как иноэтничное. Возможно, свой след оставил и союз киммерийцев с мушками, в которых видят фригийцев или родственников им протоармян.

В IX в. был создан труд Иованнеса Драсханакертци «История Армении». Автор производил братьев Асканаза, Рифата и Торгома от Фираса, по имени которого управляемая им страна стала называться Фракией. От Асканаза произошли сарматы, от Рифата – савроматы, Торгома – армяне. Но ранее страна армян называлась Асканазовой, поскольку он был старшим из сыновей, но потом, согласно пророку Иеремии, Торгом соблаговолил назвать ее своим именем. Скайорди же назван одним из захвативших некогда власть в Армении (Ио-ваннес Драсханакертци. «История Армении». I, II). Мовсес Каганкатвацци («История агван». II) также производит сарматов от Асканаза, а армян – от Торгома, в то же время причисляя их к сынам Асханаза. В произведении армянского католикоса использованы как сведения самой Библии, так и произведение Мовсеса Хоренаци (ему он обязан признанием Фираса четвертым от Ноя, а не седьмым, как в Библии) и «Книг происхождений», типа произведения Цензорина (Lib. Gen. 4. 19), в котором сарматы и савроматы производятся от Асханаза и Рифата. Исследователи отмечают знакомство армян с «Хроникой» Ипполита Антипапы III в. н. э., содержавшей подобные сведения. Она была переведена на армянский язык в VII в. н. э. Причем, к сарматам первоисточника были прибавлены и аланы (83, с. 182-183). Следовательно, в армянской традиции существовали достаточно устойчивые представления об

этнокультурном родстве скифов, сарматов и алан и при всем признании собственной связи со скифами осознавалось и явное отличие от них, что могло привести к признанию Скайорди внешним захватчиком Армянского царства.

Средневековые церковные толкования Библии нередко переносили имя скифов, например, на германские или тюркские народы. Киракос Гандзакеци («История Армении»). I) называет скифами неких варваров, которые угрожали Армении после арабов. Но сразу отмечает, что они отличны от «эллинизированных скифов», под которыми подразумевает древних скифов Северного Причерноморья. Следовательно, армянские авторы продолжали хранить представления своих предков о тех скифах, с которыми в древности их свела судьба, и не смешивали их, подобно европейским писателям, с иными народами.

Леонти Мровели, используя армянские источники, внес в них значительные изменения, руководствуясь интересами истории собственного государства. Сохраняя положение о первенстве предка армян на Кавказе, он добавляет к нему родоначальника грузин Картлоса. Приоритет армянской традиции сказывается в сохранении повествования о борьбе с Небротом даже вопреки сложившейся традиции возведения родословной первых христианских царей Картли к Ниброду. Поскольку церковная версия о происхождении скифов и этнически родственных им народов противоречила известным в Грузии историческим реалиям и никак не сочеталась с идеей изначального братства кавказских народов, то скифы полностью элиминируются из повествования. Предки осетин, которые были связаны с миром кочевников Северного Кавказа, никак не могли стоять у истоков общекавказского братства, т. к. представляли собой пришельцев. Известно, что и хазары считали своим прародителем Тогарму (письмо хазарского кагана Иосифа к Хасдаю Ибн-Шафруту, придворному кордовского халифа Абдаррахмана III). Поскольку хазары исповедовали иудаизм, то их обращение к Библии было вполне естественным и должно было быть хорошо известно окружающим. Но Леонти Мровели и им отказывает в такой привилегии по понятным причинам.

Л.А. Ельницкий (45, с. 128, 177, сн. 40) полагал, что прародитель скифов Таргитай Геродота перекликается с родоначальником кавказских народов Таргамосом Леонти Мровели, и задавался вопросом о скифском первоисточнике грузинского образа. Данное предположение, особо отмечаемое некоторыми исследователями (17, с. 213), нашло поддержку со стороны Ю. А. Дзицойты (34, с. 49-52; 35, с. 248-249; 36, с. 187-188), подобравшего соответствующую иранскую этимологию. Исследователь полагает, что Леонти Мровели вольно или невольно связал историю своего народа с киммерийцами и скифами, а вместе с именем Таргитая в Переднюю Азию мог проникнуть и миф о происхождении скифов, который контаминировался с библейскими мифами, а затем оформился в известных произведениях армян и грузин. Более чем сложно согласиться с предложенным решением. Библейский Тагорма сопоставим с ассирийскими названиями города Тильгаримму и хеттской областью Тегарма, Тагарама (следует помнить, что древнееврейскому Тогарма в Септуагинте соответствует Тогарма, Тергама, Торгома). Таргум Псевдо-Иерушалми считает его просто Барбарией. По Мидрашу, он сопоставим с

Германией, хотя здесь не исключено и чтение «Армения». Предполагалось усматривать в нем область Германикию в Сирии возле горы Амана или кельтских гроков/грокменов, обитавших в Галатии и в Каппадокии (43, с. 894). Без дополнительных исторических обоснований нет абсолютно никакой возможности предполагать какое-либо влияние скифских традиций. Леонти Мровели никоим образом не связал свой народ с киммерийцами и скифами. Наоборот, на фоне явного обращения армянских авторов к сведениям о своих скифских истоках, он демонстрирует полное игнорирование подобных построений. В конечном итоге, в собственно библейской традиции лишь Гамер и Ашкеназ напрямую связаны с воспоминаниями об исторических киммерийцах и скифах. В то же время средневековая традиция перенесения имени скифов на различные народы северных областей Евразии могла дать основание грузинскому автору использовать наиболее хорошо известный в предшествующей истории Северного Кавказа образ хазаров. Собственно Тагорма никак не претендует на эту роль.

Я.С. Вагапов (12, с. 93) усматривал в именах Таргитая и Таргамоса вайнахское Таргам – «наблюдение», «просмотр». Сближает, без упоминания своих предшественников, имена Таргамоса и Таргитая Н. Д. Кодзоев (53, с. 92-94). Автор ставит в один ряд с ними название поселения в горах Ингушетии Таргим/Таргам. Для выяснения этимологии указанных «однокоренных слов» он привлекает ингушское тарг/терг в значении «обмен», «продажа», сопоставляя его с русским «торг». Вопросы исторического, лингвистического и семантического обоснований для предлагаемых названий и образов остаются без ответа, чем полностью сами себя отрицают.

Свою лепту в решение затрагиваемого вопроса внесли и сторонники тюркоязычности скифов. М.А. Хабишев (81, с. 130) считал, что в «Картлис Цховреба» скифами названы хазары и резко выступал против сторонников ираноязычности скифов, усматривающих в упоминании хазаров анахронизм. В Таргитае же автор усматривал тюркское божество вселенной Тиргимтая (варианты: гуннский Тангрихан, хазарский Тагарма, далее Тегри, Танъара, Тенре, Тейри, Тенгрикай и т. д.). О полной поддержке подобной интерпретации заявил М.Ч. Джур-тубаев (33, с. 172-173). И.М. Мизиев (62, с. 43-44), отмечая отсутствие надежной этимологии для имени Таргитая, указывает на очень созвучные имена аварского посла 583 г. к императору Маврикию Таргитай, тюркского вождя Таргицай, сына хана Хулагу Тарагай. В целом, имя скифского родоначальника переводится как «народ Тарги» и, может быть, Тургу, Турку. Соответственно имя Таргитай сближается с именем родоначальника хазар Тагарма и всех кавказцев Тагармос с небольшой метатезой Татар – Тарга и характерным окончанием «ма», «тай», «мое», подчеркивающим принадлежность к Тагару-Таргу. Для перестановки «р» используется наблюдение В. И. Абаева, что для скифского языка характерен его переход в группе из двух согласных со второго места на первое. Тагарма с позиций тюркского языка переводится как «татар Я», а скифо-тюркская параллель подтверждается данными Библии о Тагарме, Аскеназе и Рифате, сыновьях Гомера. В связи с именем Таргитай предлагается учесть, что слово тарх/тарг на тюркских языках означает «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник». В совместной работе с К.Т. Лайпановым (55, с. 59, 61,

83, 85-86) автор приведенной гипотезы дополнительно сопоставляет Таргитая с тюркским верховным божеством Тейри. Далее вновь следуют сопоставления с Таргитием Феофилакты Симокаты, Таргапуя Константина Багрянородного и Тарагая. Для окончания «тай» кроме предполагаемого значения принадлежности к чему-либо отмечается и мнение о его восхождении к древнетюркскому «тан» – «река», «вода». С учетом передачи греческой γ звуков «г», «гъ» и особенно «нг», как в слове «фаланга» получает дополнительное подтверждение перехода «Тагры/Тангри» в «Таргы». Авторы не забывают отметить и чье-то мнение о связи имени Таргитая с тюркскими тарга/таруге – «здоровый», «шустрый», «ловкий», «подвижный», «поворотливый» или торага – «хищная птица» и тай – «подобный».

Насколько справедливы и точны представленные разработки сторонников тюркоязычно-скифов? М.А. Хабишев изначально запутался в сведениях «Картлис Цховреба», в которых не хазары называются скифами, а скифы – хазарами. Сопоставления автора и его сторонников скифского Таргитая с верховным тюркским божеством Тенгри не возможно в силу явного различия семантики данных образов. Если Тенгри олицетворяет верховное небесное начало, о чем четко свидетельствует его имя – «Небо», то Таргитай (Нер. IV. 5) является порождением верховного небесного божества Зевса («Небо») и дочери реки Борисфен, олицетворяющей хтонический мир. Тем самым, Таргитай выступает олицетворением среднего мира (сравни с Большой надписью Кюль-Тегина начала 30-х гг. IX в.н.э. о появлении между небом и землей людей (72, с.214, сн.5)), а в легенде о его рождении представлен космогонический миф создания, трехчастной вселенской вертикали. Прямыми аналогами скифского Таргитая являются Трита «Ригведы», Тразтаона «Авесты» и Феридун «Шахнаме». Наиболее прозрачно видна основа имени индийского Триты – порядковое числительное «третий», что подтверждает справедливость указанного решения.

Мовсес Каганкатваци («История агван». Хб) зафиксировал у гуннов южного Дагестана культ огненного божества Куара и Тангрихана (Аспандиара/Аспандиата). Ему, как у масса-гетов (Нер. I. 216) и сарматов (Равс. I. 215), приносились в жертву кони. С солнцем связывали образ коня саки Приаралья и население савроматского времени Среднего Поволжья (87, с. 61-62). Армянский поэт Фрик упоминал «алана, сына Солнца». О существовании у сарматов в римское время солнечного божества свидетельствуют археологические материалы (26, с. 71). Первое из имен представляет собой иран. x\уаг – «солнце», лежавшее в основе имени Хур правителя аланского государства в Приаралье, а второе – «Конный бог» – напоминает об именах аланского правителя Боспора Аспурга («Мощноконный») и его сторонников аспургиан. Вероятно, Куар оставался божеством у местных алан, а у гуннов его образ слился с образом Тенгри (67, с. 145-146; 54, с. 284; 51, с. 86). Такое положение вполне оправданно, т. к. в источнике сообщается о дагестанских гуннах, проживавших вместе с аланами-маскутами (массагетами). В плане нашего анализа следует отметить, что приведенные наблюдения за образом гуннского Тангрихана дополнительно отрицают его связь со скифским Таргитаем. Что касается хазарского

Тогарма, то его имя взято непосредственно из Библии, поскольку хазары исповедовали иудаизм, не имеющий никакого отношения к тюркской религии.

В одной из своих работ (79) я достаточно подробно, как и многие мои предшественники, останавливался на анализе скифской генеалогической легенды, в которой фигурирует Таргитай. В ней приведены и параллели с тюркскими сказаниями. Однако у нас нет никаких оснований связывать образ и имя Таргитая с тюркским миром. Представляется вполне справедливым замечание Д.С. Раевского (71, с. 27), что некоторые авторы ограничиваются лишь поиском созвучий, совершенно игнорируя как лингвистическую обоснованность таких созвучий, так и вопрос о реальных этногенетических связях. Мне приходилось приводить и гораздо более широкий круг созвучий, отмечавшихся исследователями для имени Таргитая и скромно опускаемый М.А. Хабицевым, М.Ч. Джуртубаевым, И.М. Мизиевым. Забыли они, например, и «открытое» ими сопоставление имени Таргитая с именем аварского посла, предложенное М.Ф. Болтенко (10, с. 40), или решение Н.Я. Марра (58, с. 41), усмотревшего в имени скифского первопредка «главу таргов», т.е. черкесов.

Дело, действительно, осложняется отсутствием четкого решения по этимологии имени Таргитая (91, с. 262-265). При уверенном возведении имени Тразтаона к θrita остается открытым вопрос о его образовании. Но осознаваемые исследователями трудности, тем не менее, позволяют им наметить возможные варианты решения (63, с. 624-625; 1, с. 158; 27, с. 122; 71, с. 61; 30, с. 219-221). Приведем только частные замечания, касающиеся методов доказательств сторонников тюркоязычности скифов. Указанная форма «Тагармос» отсутствует в грузинском источнике. Станным представляется апеллирование И.М. Мизиева к наблюдениям В.И. Абаева. В.И. Абаев вел речь о языке осетин и скифов, т.е. иранской группы, а И.М. Мизиев использует его разработки для собственных построений на базе тюркских языков, чтобы столь невероятным способом перевести форму «тагры» в форму «таргы». Затем делается «открытие» о передаче греческой γ звука «нг», чем окончательно достигается сопоставление скифского «Таргитай» с тюркским «Тенгри». Но греческая γ дает произношение «н» перед заднеязычными (γ, κ, χ, ξ), но никогда сама не произносится как «нг». Только уже эти три частных замечания, демонстрирующие три лингвистических подлога, полностью отрицают указанные этимологические построения, взятые даже вне их связи с семантической стороной известных образов. Еще раз повторим, что подобные этимологические решения основываются на элементарной и абсолютной ненаучной «сирене созвучий». Порой авторы идут и на подлог, в том числе уже в области тюркской лингвистики. Так, они выдают за строго установленное значение древнетюркского «тан» – «река», «вода», служащее им и для спора с иранскими этимологиями названия Дона, Днепра, Днестра и т.д. На самом деле, речь идет о тюркском «тана» – «тихий», «спокойный», которому без всяких доказательств и приписывается значение «вода», «река».

Вне всякого сомнения, «хазары» грузинской летописи, прежде всего, связаны с реальными хазарами средневековья. Они достаточно долгое время были ведущей

политической силой на Северном Кавказе. Ко времени Леонти Мровели история хазар практически завершилась. Именно в XI в. они в последний раз упоминаются в одной из русских летописей. Поэтому образ некогда могущественных, но уже исчезнувших кочевников, хорошо знакомый на протяжении многих предшествующих поколений, практически идеально подходил рассказчику и живо воспринимался читателем. Возможно, на выбор образа хазаров повлияли и сведения, сохраненные, например, арабским путешественником Ибн-Хаукалем (977-978 гг.), что язык «чистых хазар» не похож ни на турецкий, ни на один из языков современных народов (49, с. 113). Такая языковая, а, следовательно, этническая атрибуция собственно хазар, отличавшая их от всех современных народов, могла быть преобразована в рассказ именно о древнем народе.

Вполне прав Л.М. Меликсет-Бек (60, с. 116-117), что разрушительные вторжения хазар в Албанию, Армению и Грузию нашли свое отражение в грузинском повествовании. Исключение ряда грузинских пунктов из жертв агрессии, например, может напомнить о неудачной осаде хазарами Тбилиси. Наложение дани на северокавказское население отвечает и известное подчинение хазарам (22, с. 16). Мотив совместного вторжения Таргамосиан на Северный Кавказ, когда им удалось покорить Хазарию, конечно, не имеет никакого объективного основания. Однако именно в истории хазаров мы находим источник такой трактовки. Во время продолжительных и кровопролитных арабо-хазарских войн не только хазары сталкивались в Закавказье и на Северном Кавказе с рвущимися через кавказские перевалы арабами. Именно арабы в борьбе с хазарами порой предпринимали далекие и достаточно успешные военные рейды вплоть до Волги. Не исключено, что действия арабов и были приписаны Таргамосианам, т.к. иных столь крупномасштабных вторжений из Закавказья история не знает. Борьба хазаров с персами, которые и ранее вели достаточно активную политику в Закавказье, упоминания об отдельных вторжениях грузин или армян на Северный Кавказ не идут ни в какое сравнение со столь масштабной картиной противостояния на Северном Кавказе, нарисованной Леонти Мровели. Но они также могли повлиять на создание указанного эпизода.

Нельзя исключать из рассмотрения и влияние событий, связанных с вторжениями иных кочевых народов, например, различных тюркских племен, гуннов, алан. Пожалуй, из их числа следует исключить савроматов и сарматов. В целом, достаточно корректно решение, усматривающее в «нападениях хазаров» мифологизированную память о древних миграциях через Кавказ или попытку объяснить причину давнишнего присутствия на Северном Кавказе народов некавказского происхождения (5, с. 406-407). К. Патканов (68, с. 246-247) полагал, что невозможно установить к какому из многих вторгавшихся кочевых народов следует приложить эти сведения. Исследователь считал их не имеющими никакого значения, отмечал отсутствие соответствующих источников для написания подобного рассказа, сомневался в решении Ю. Клапрота об использовании устного предания о вторжении Мадия.

Прежде всего, отметим, что история хазаров связывается Леонти Мровели с происхождением осетин, с которыми грузины были знакомы задолго до появления на

Северном Кавказе собственно хазаров, о чем свидетельствуют их письменные источники. Следовательно, Леонти Мровели вполне отдавал себе отчет в том, что, используя пару «хазары-овсы» переносит время «хазарской экспансии» намного ранее реальной истории хазар. Если проследить конкретное упоминание овсов в грузинской традиции, то оно оказывается связано с периодом пребывания на Северном Кавказе даже не алан, а сарматов, чем в свою очередь подчеркивается практическая их неразличимость и этнокультурная преемственность в глазах древнегрузинского населения. Однако сарматы, если исключить спорный в трактовке Тацита эпизод об их участии в закавказских событиях 35 г. н.э., никогда не совершали подобных военных рейдов. Поэтому строго отождествлять хазаров со скифами, а овсов – с сарматами (13, с. 139) нельзя. Явная этнокультурная близость алан, сарматов и скифов с большим и даже крайне чрезмерным хронологическим углублением самим Леонти Мровели описываемых событий (1647 г. до н.э.), вполне дает нам право усматривать в его рассказе, в том числе, и воспоминания о скифских вторжениях в Закавказье, с которыми связана изначальная история овсов.

Общие рассуждения К. Патканова, поставившего под сомнение всякую историчность рассказа источника, встретили справедливые возражения со стороны В.Ф. Миллера (63, с. 513-521). Г.А. Меликишвили (60, с. 34) полагает, что Леонти Мровели в рассказе о потомках Картлоса опирался на произведение Мовсеса Хоренаци, который мог использовать устную народную традицию или письменную. Рассказ мог возникнуть на библейско-книжной основе и не имеет какой-либо исторической ценности. Ю. Клапрот (50, с. 234), с решением которого связана критика К. Патканова, усматривал в рассказе о вторжении хазар в Закавказье отражение скифского похода под руководством Мадия. С решением об отражении в свидетельстве Леонти Мровели закавказских походов скифов согласны и многие современные исследователи (60, с. 35; 16, с. 122-124, 166; 13, с. 136-138; 14, с. 38-40; 52; 82, с. 51; 84, с. 22-35; 64, с. 41-42; 29, с. 309-309; 21, с. 104). Недавно к старой критике К. Патканова присоединился Р. Д. Арсанукаев (8, с. 112), считающий маловероятным сохранение в памяти народа походов скифов за 16-17 столетий до составления «Картлис Цховреба». О том, что оставалось в народной памяти, традиции, судить очень сложно, т. к. устные предания остаются нам неизвестными, если только они не получили своей фиксации со стороны граматеев. Ранее уже отмечалось, что, например, Киракос Гандзакци упоминал эллинизированных скифов древности, чем свидетельствовал о хорошем знании армянских просвещенных кругов об истории скифов Северного Причерноморья. Бесспорное использование Леонти Мровели произведения другого армянского автора Мовсеса Хоренаци напоминает о свидетельстве последнего («История Армении». П. 13): «...и не перенес столь тяжелых испытаний Дарий при бегстве от скифов...». Упоминание о столкновении персидского царя Дария со скифами подтверждает хорошее знакомство в просвещенной Армении с историей причерноморских скифов. Наиболее полно скифо-персидская война изложена у Геродота. «Отец истории» указывает и ее причину - месть за прошлое вторжение скифов в Мидию. Причем, Геродот здесь же отсылает к своему рассказу о тех событиях (Her. IV. 4, 118-143). Следовательно, армяне вполне могли знать об истории скифских походов через Кавказ.

Через них или непосредственно из западноевропейских письменных источников об этом мог знать Леонти Мровели и другие образованные грузины. Г.В. Цулая не исключает сохранение сведений о древних событиях в народной памяти древневайнахских и древнеабхазских племен.

Учитывая всю относительность приводимых в грузинских источниках сведений, попытаемся в целом определиться с приводимыми в них фактами. Первыми поселенцами на Северном Кавказе оказываются Лекан и Кавкасос. Первый из них выступает предком древнедагестанских народов. Его имя в более узком значении сопоставимо с известными из греческих и грузинских источников легами/леками, локализуемыми в Албании. Имя Кавкасоса, бесспорно, связано с названием Кавказа и не несет в себе сколь-нибудь явной этнической нагрузки. Впоследствии мы узнаем, что одним из его потомком являлся Дурдзук, в лице которого представлены древненахские народы. Вполне справедливо замечание, что упоминание имени его отца Тирета свидетельствует о значительной роли древненахских народов в регионе (82, с. 54). Сведения восходят к периоду разделения дагестано-нахской этнической общности, что позволило не только рассматривать древнедагестанские и древненахские народы как различные этнические миры, но даже выводить их от разных, хоть и родственных предков. Возможно, имя Тирета связано с именем библейского Фираса/Тираса, и тогда оно представляет завуалированную попытку некоторого отделения древненахских народов от истории Таргамосиан. Показательно властвование Дурдзука над «сыновьями» Кавкасоса, к которым он не мог относиться, имея собственного отца. Сопоставления имени Тирета/Тинета с переданным через алан названием живших до вайнахов тиндов (24, с. 706) или с названием аула Теретого, основанного Тертом (86, с. 42), нуждаются в дополнительной, если она только возможна, аргументации.

Обращает на себя внимание и факт отсутствия в источнике упоминания сванов и абхазов в Закавказье, как и народов древнеадыгского мира на Северном Кавказе. Во втором случае следует полагать собирательное значение имени Кавкасоса и названия кавкасиан, когда на первый план выходит территориально-географический принцип. В начале своего рассказа Леонти Мровели представляет пары народов, имеющих общее происхождение, что нарушено в армянском переводе. Г.В. Цулая (82, с. 40) справедливо отмечает отражение в группировке народов либо политической общности, либо генетического родства. Но кавкасиане объединяются в пару с мегрелами, признаваемыми всеми исследователями особой группой картвельских племен. Следовательно, под именем кавкасиан могли скрываться не только древненахские племена. Именно отсутствие упоминания племен Западного Кавказа дало повод считать, что под термином Эгриси (производным от грузинского эгри и является название мегрел) подразумевались в том числе и абхазо-адыгские народы (60, с. 63; 11, с. 89). Г. В. Цулая ограничивает значение этнонима мегрелы мегрело-чанской подгруппой картвельских племен, исходя из данных, использовавшихся в генеалогической таблице Леонти Мровели. Но исследователь (82, с. 43-44) противоречит сам себе, т. к. далее, доказывая собирательный характер названия кавкасиан, он вновь апеллирует к источникам генеалогической таблицы грузинского

архиепископа, в которых кавказианам соответствуют сарматы, савроматы и аланы. Однако у самого Мровели кавказианы резко противопоставляются им, т. е. автор недвусмысленно демонстрирует коренную переработку сведений своих источников. Овсы, действительно, исходя из прямого понимания текста, исключаются из числа коренных кавказских народов. Попытка видеть обратное (85, с. 26-27) не имеет никакого основания.

С другой стороны, отмеченное многоэтничное содержание термина «кавказиане» не позволяет согласиться с решением, ограничивающим его обозначением только сугубо древне-нахских народов (60, с. 294; 23, с. 22-28; 76, с. 245; 37, с. 36). Интересно, что у Леонти Мровели Дурдзук, являясь потомком Кавкасоса, владевшего землями к западу от Терека, уйдя в горы, занимает территорию к востоку от реки, т. к. Дурдзукетия, основанная им, всегда помещалась именно там. Вахушти еще более конкретен, указывая на поселение Дзурдзукоса к востоку от Терека до границ Лекана. Таким образом, древненахский этнический элемент, несмотря на свою предполагаемую первоначальную локализацию, оказывается отделен от массива кавказиан, что не заметили исследователи. Возможно, первоначальная локализация дурдзуков к западу от Терека была вызвана необходимостью наглядного отделения древненахских народов от древнедагестанских. Все без исключения письменные источники знают дурдзуков только в горных районах к востоку от Терека. Горные территории у Леонти Мровели к западу от Терека тогда оказываются без конкретной этнической истории. Такое развитие вновь предполагает полиэтничный характер термина «кавказиане» и выделение древненахского элемента в автономную группу. Вахушти горную территорию к западу от Терека отводит бежавшим кавказианам, основавшим здесь Кавказ или Дуалетию. Первое название нового образования лишь повторяет имя прародителя. Со вторым связано современное название южных осетин туалов.

В.Н. Гамрекели (23, с. 15-28) видит в двалах генетически связанное с дзурдзуками древненахское население, гораздо позднее ассимилированное переселившимися осетинами. Ю.С. Гаглойти (20, с. 151-152) отстаивает изначальную связь двалов с осетинским этносом. М. Ч. Джуртубаев (33, с. 250-251) усмотрел в названии двалов название библейского Тубала, которое посчитал иранским. Приведенные наблюдения позволяют поставить под сомнение постулируемую неперенную, прямую связь древних двалов с древненахским или осетинским этносами. Обычно в подтверждение своих гипотез исследователи прибегают к данным самих письменных источников и топонимики с территории Двалетии, выделяя в ней нахские и осетинские примеры. Однако собственно топонимика сама по себе не дает точного указания на время появления того или иного названия и его причин. Не может она в нашем случае послужить и окончательным доказательством в пользу приведенных решений или отвергнуть их. На интересующей нас территории представлены и названия, которые не поддаются осмыслению с нахских или осетинского языков. В последнее время предпринимаются попытки этимологизации некоторых названий не на основе нахских, а на основе индоевропейских реалий (36, с. 196-197). В.И. Абаев (2, с. 326), считая двалов местной кавказской этнической группой,

воздержался от выяснения этимологии их названия. Ю.Д. Дешериев (31, с. 55-56) предполагает в двалах предшественников нахских племен и дает соответствующую этимологию для их названия. Исследователь подчеркивает, что высказанные им соображения нуждаются в дополнительном обосновании и подтверждении данными истории, археологии и этнографии. Основой для своего решения он считает решение В. Н. Гамрекели, причислившего двалов к чечено-ингушским племенам. Но решение последнего представляется достаточно спорным. Согласился с выводом о причислении двалов к чечено-ингушским племенам И.М. Сигаури (74, с. 151-152), отметивший в данной связи ингушское предание о проживавших до ингушей на территории высокогорного Хамхинского общества дэвов (двий). Автор указывает, что ингуши называют двалов этим именем, а соседние мялхи называют их дува. Мы не можем принять указанных сопоставлений, поскольку под дэвами в ингушских рассказах подразумевались жрецы из рода Маго, распоряжавшиеся костями святого Вампола в храме Тхабаерды. Их образ тесно связан с историей алан (79, с. 86, 224, 250, 258). Недавно было предложено решение об иранском или индоевропейском происхождении названия двалов (69, с. 103-105). Игнорировать данное направление исследований рискованно, т.к. наличие индоевропейского этнического элемента на Северном Кавказе с древности имеет свое научное обоснование. Поэтому вопрос об этнической принадлежности древних двалов, их отнесение к нахоязычным, ираноязычным или иным индоевропейским группам пока остается открытым.

Первоначальное столкновение хазаров с племенами леков и кавкасиан указывает на ограничение экспансии пришельцев территорией Северного Кавказа и участие в противостоянии уже различных местных народов. Власть же Дурдзука над сыновьями Кавкасоса определяет основного и наиболее сильного соперника для вторгавшихся. Если, по Ленти Мровели, сумели отбить первую агрессию совместные силы Таргамосиан, то в армянском переводе этот успех отнесен непосредственно к Дуцуку. Видимо, армянская традиция более исходит из признания тех событий сугубо северокавказским делом.

Наконец, объединение хазаров под единым руководством царя отмечает новый этап во внутрехазарской истории, ознаменовавшийся созданием единого иерархического общества, что неприминуло сказаться в успехе второго наступления хазаров на Кавказ. Именно на втором этапе начинаются массированные вторжения уже в закавказский регион. С этим этапом связано и появление на Северном Кавказе овсов. Олицетворение овсов в лице сына хазарского царя может указывать на определенный хронологический разрыв между двумя волнами вторжений, которые, например, постулируются некоторыми исследователями для скифских походов в Закавказье. Но, учитывая явное территориальное различие двух вторжений, по грузинскому источнику, они прилагаются отдельно к Северному Кавказу и Закавказью. Образование овского государства на втором этапе может соотноситься с укреплением скифской доминанты на Северном Кавказе именно в период проведения ими закавказских вторжений.

Последующий уход Дурдзука в горы свидетельствует о признании дифференциации этнических историй овсов и древненахского населения с одной стороны, а с другой –

указывает на концентрацию нового этнического населения на Северном Кавказе к северу от самих горных районов. Такое положение достаточно четко фиксирует Вахушти, чьи этимологические выкладки, конечно, достаточно наивны и не могут приниматься в расчет. Некоторые исследователи полагают, что источник свидетельствует о значительной роли кавказского субстрата в древнеосетинских племенах (76, с. 247; 82, с. 55). Однако, кроме ушедшего от победителей древневнахского населения, остальные народы остаются вне конкретного обозначения своего этнического лица, тем самым не позволяя сколь-нибудь обоснованно судить об их роли и в последующем процессе. По Вахушти, Урбанос вообще перебил на захваченной территории потомков Кавкасоса, другие же ушли в горы к западу от Терека, подобно Дурдзуку. Вряд ли именно в данном случае, как полагают (17, с. 218), географический термин «кавказиане» с момента появления на Северном Кавказе осетин стал включать в себя и последних. Если в грузинском первоисточнике Дурдзук рассматривается как владыка и самый знаменитый среди сынов Кавкасоса, то в древнеармянском переводе его владычество не обозначено, и он просто назван знаменитым персонажем. Не исключено, что армянская традиция не была склонна преувеличивать роль этого героя на Северном Кавказе. Также следует допустить, что выделение в грузинском источнике роли древневнахских народов было обусловлено их непосредственной территориальной близостью с древнегрузинскими народами, что делало их важной силой именно в собственной истории. Эту важность дурдзукам «перенесли» и на Северный Кавказ, куда уходила другая территория их обитания. Утверждение о признании древними авторами нахов-кавказиан, алан и сарматов одним народом (53, с. 93) является бездоказательным и чисто субъективным выводом.

Включение в местный субстрат древнеосетинского населения пленных из Армении и Картли представляется большой натяжкой. Показательно, что мотив пленения ранов и моваканов никто из исследователей не трактовал в качестве особой роли древних албанов в этногенезе древнедагестанских народов. Пленный, т.е. раб, и сам его образ мало пригодны для создания истории происхождения народа. Вспомним историю происхождения потомства от скифянок и рабов, закончившуюся его изгнанием из Скифии (Her. IV. 1-4). Еще долгие столетия клеймо рабского происхождения потомков присутствует в произведениях западноевропейских авторов (Plin. NH. IV. 80, Val. Flacc. IV. 85). Отношение кочевников к рабам при значительном ограничении рабского труда в их обществе не позволяет принять такую трактовку. Возможно, мотив появления пленников армян и грузин в царстве овсов преследовало другую цель. Учитывая изначальную некоторую изолированность образа Дурдзука от Тарга-мосиан и последующее его удаление с прежних владений, северокавказские территории к западу от Терека становились свободны от влияния истории Таргамосиан, как на заре человеческой истории. Видимо, образ армян и картлийцев и должен был в какой-то мере не допустить образования такого вакуума на тех землях, а для XI в. было важно протянуть даже тонкую ниточку исторической общности к государству овсов, ставшим наиболее могущественным на Северном Кавказе. Вахушти во втором отрывке о происхождении овсов вместо картлийцев приписывает им пленных из албанов, тем самым, определяя неважность

подобных связей между Грузией и Осетией в его время и вероятную относительность самого образа пленных. Поводом для появления соответствующего эпизода могла послужить и древняя традиция, переданная Диодором Сицилийским, о приводе скифами савроматов из Мидии, тем более, что маршрут такого привода мог пролегать только через Кавказ.

К востоку от Терека были поселены пленные из албанских народов, т.е. сохраняется представление о продолжении проживания потомков Таргамосиан и в горах и на равнине. Брат хазарского царя, получивший во владения эти территории, более никак не обозначается. Поэтому роль какого-либо нового этнического элемента становится плохо распознаваема, а, следовательно, несущественна. Родственная связь первопретка овсов с новым владельцем земель к востоку от Терека позволяет лишь говорить об их ослабленном влиянии в соседнем регионе.

Территориальное размежевание овсов и кавкасиан наиболее выпукло представлено в работе Вахушти. Грузинский царевич указывает на занятие Кавкасосом земель к западу от Лекала, в связи с чем гора получила название Кавкас, а равнина – Оси, что составляло окончание имени. Р.Д. Арсанукаев (8, с. 112-114) настаивает, что данный отрывок свидетельствует об изначальном проживании овсов и о существовании Овсэти на северокавказской равнине. Для названия Оси, поскольку отсутствует его этимологизация на основе иранских языков, предлагается нахское «аса» – «полоса ровной части земли», «долина», «равнина», «долина реки». Утверждается отсутствие сведений о приходе овсов в регион извне, хотя Уобос связан с хазарами, но сами хазары не поселяются в уделе Кавкасоса. Подтверждением такой трактовки автор считает указание Леонти Мровели, что овсы с «рождения» связаны с частью удела Кавкасоса. Для доказательства такого положения Р.Д. Арсанукаев трактует предложение «Это и есть Овсэти, что была частью (удела) Кавкаса» как указание на наличие Овсэти до прихода хазаров. Затем владения Кавкасоса разделились на горы – Дурдзукети и равнину – Овсэти.

Начнем с отрывка из произведения Леонтия Мровели. Р.Д. Арсанукаев некорректен, обвиняя своих предшественников в изолированном рассмотрении и вольной интерпретации приводимой им цитаты. На самом деле, он сам пытается исходить из еще более ограниченного отрывка. Если не пытаться всеми силами выжать из сообщения необходимый автору вывод, то, учитывая приведенный выше анализ, мы можем определить следующее. Овсы, несомненно, представляются пришельцами на Северный Кавказ, в результате вторжений сюда кочевых народов. Отсутствие реальной этнической связи между овсами и хазарами, историческое несовпадение собственно хазарских владений и овских, включение в образ овсов представителей различных волн кочевников, далеко выходящих за хронологические рамки хазарского владычества в регионе, что было хорошо известно грузинским источникам, вполне позволяют рассматривать сообщение как общую историю создания овских владений на Северном Кавказе. Она была связана именно с вторжением иноэтничных для Кавказа элементов. Предложение, на которое делает ставку автор, не говорит об изначальном включении Овсэти во владения Кавкасоса. Прямое указание на более поздний приход Уобоса и расположение его на

части (удела) Кавкасоса свидетельствует, что овсы заняли именно часть владений Кавкасоса, о возникновении которых рассказывалось ранее. Не исключено, что имеется в виду прежнее владение («были») Кавкасосом этой частью. Отмечается и попытка некоторого пролонгирования присутствия Таргамосиан на данной земле.

Р.Д. Арсанукаев вполне прав, отмечая вероятное географическое разделение горной и равнинной частей Северного Кавказа к западу от Терека между овсами и кавкасианами. Однако подразумевать во втором случае дурдзуков, как мы видели, нет оснований. В отношении сообщения Вахушти следует высказать следующие соображения. Его разделение горной и равнинной части строится на ложноэтимологической попытке объяснения происхождения названия Оси из окончания имени Кавкасоса. Безосновательность таких построений хорошо видна на примерах его объяснений названий Дуалетии и Осетии из русского языка. Ю.С. Гаглойти (20, с. 153) усматривает в этом отнесение грузинским царевичем осетин к славянам и вообще к народам северного происхождения. Но, вероятнее, в такой трактовке сказалась личная судьба Вахушти, который вместе с его отцом и его окружением в 1722 г. эмигрировал в Россию, где прожил до самой своей кончины в 1745 г.

Заявка же об отсутствии иранской этимологии названия «оси» является полнейшей выдумкой. Данное название напрямую связано с названием одной из частей алан – асы, которое рассматривалось лингвистами именно на базе данных иранских языков (90, s. 33). Г.С. Ахв-ледиани указывал, что грузинское «а» передает осетинское «ое» и наоборот. Ближайшим к осетинскому «а» является грузинское «о», которое и появляется в грузинском заимствовании ос- (<âs). Сложнее объяснить вставку «в» после «о». Во-первых, трудно доказать первичность «овс», т. к. древние источники дают чтение и ос-. Если допустить первичность овс-, то еще труднее объяснить выпадение «в». Исследователь отмечает наличие в грузинском языке слова «аси» – «сто», которое могло совпадать с этническим названием «аси», что требовало своего устранения. Поэтому был использован и усилен переходный билабиал, появившийся после грузинского «о» и ставший дентилабиальным спирантом «в» (9, с. 29-32). Таким образом, исследователь сумел определить путь создания грузинских форм «оси» и «овей» от заимствованного этнического названия ас.

Чтобы окончательно убедиться в искусственности построений Вахушти, а, следовательно, и предлагаемых на их основе решений, следует разобраться с самой формой имени Кавкасос. У Вахушти мы находим и формы Дурдзукос, Таргамос. Однако их окончания почему-то не привлекают внимание автора. Первоисточником этих имен, несомненно, являлся Леонти Мровели, в произведении которого мы находим имена Таргамос, Картлос, Бардос, Эрос, Эгрос, Мцхетос, Гардабос, Кахос, Кухос, Гачиос и др. В окончаниях данных имен невозможно даже представить себе некий нахский или осетинский корень. Показательно, что в армянском переводе данное окончание в имени Ковкас отсутствует. Генеральная линия представлений этих героев связана с библейской генеалогией. Сама же Библия пришла на Кавказ, и в частности, к армянам и грузинам, в виде греческой Септуагинты. Из нее и был взят образ родоначальника кавказских народов

Таргамоса, связанный с библейским Таргомом. В Септуагинте имена прародителей народов не содержат интересующего нас окончания. Но его постоянное присутствие в окончаниях имен героев грузинских авторов, учитывая отсутствие такой формы словообразования у местных народов, позволяет рассматривать его как греческое тематическое окончание. Оно могло появиться в результате придания авторами особой значимости греческому языку, через который и получались сведения о древней истории. Тем самым, как бы, удостоверялась особая правдивость сообщаемых сведений и, возможно, собственная профессиональная компетентность.

Выше мы высказали некоторые соображения по поводу эпизода о передаче хазарским царем Уобосу пленных армян, картлийцев или албанов, которые остаются в силе. Ю. Клапрот (50, с. 234) сопоставил его со сведениями Диодора Сицилийского о приводе скифами колонии мидийцев в Сарматия, страну на севере Кавказа. От нее и происходят современные осетины. О мидийском происхождении савроматов упоминали и другие источники (Plin. NH. VI. 19, Solin. XV. 18). Со своей стороны, осторожно сопоставим сведения Диодора Сицилийского с ингушскими преданиями о доингушском населении, среди которого упоминаются некие миды (25, с. 209).

В.Б. Виноградов (15, с. 22-25) сопоставил со сведениями Диодора Сицилийского сведения Страбона (Strabo. XI. V. 1-2) о приводе амазонками на Кавказ из Малой Азии гаргареев, за которыми усматривает мифологизированное изложение подлинных событий взаимоотношений аборигенов-горцев (предки вайнахов) и савроматов. Страбон передает свидетельство Метродора Скепсийского и Гипсикрата, упоминая, что, по мнению Феофана, партнерами амазонок были гелы и леги. Поэтому невозможно делать вывод о строго установленном участии во взаимоотношениях предков нахов, а не иных этнических групп, которые могут быть связаны с представителями самого скифского мира. Вероятнее, что легенда имела отношение к малоазийским гаргареям и связана с легендой о происхождении савроматов от брака амазонок со скифами, переданной Геродотом (45, с. 52-53; 79, с. 120, 127, 129). В упоминаемых Страбоном гаргареях некоторые исследователи, исходя из названия ингушей *ḡalḡai*, усматривали древненахские племена. Однако была установлена неправомерность такого возведения, а современное название ингушей означает «житель крепости (башни)». Обращает на себя внимание нахский термин «гаргар/гергар», означающий «близкий», «родственный», который в данном значении используется в языках некоторых горно-дагестанских народов (аварский, рутульский, цахурский). Скорее всего, термин происходит из времени существования протонахо-дагестанского единства.

Р.Д. Арсанукаев (8, с. 120-124) подверг критике предположение Ю. Клапрота и предложил иную трактовку. Автор указывает на отнесение мидийского языка к юго-западной группе иранских языков, а осетинского и «скифо-сарматского (и аланского)» к северо-восточной, на сомнительность иранства всех сарматов, на вероятное существование на территории Мидии древних носителей хуррито-урартских языков, родственных нахо-дагестанским, на возможное включение в число сарматов и скифов адыгейско-чеченско-лезгинских племен, родственных грузинам, на объединение, по

данным Страбона, кавказцев и сарматов, на родство горных иберов с сарматами и скифами и т.д.

Мы могли убедиться, что упоминание пленных картлийцев, армян и албанов нельзя напрямую связывать с этногенезом овсов (эти данные иногда пытаются (56, с. 233) использовать даже в околonaучных построениях). Действительно, Диодор Сицилийский (Diod. Sic. II. 43. 6-7) сообщает о приводе вернувшихся из походов скифами покоренного племени из Мидии, которое называется савроматами, впоследствии усиливается и наносит поражение самим скифам. Источник, упоминая о покорении и переселении скифами многих племен, выделяет только собственно савроматов и какое-то другое племя, переселенное на земли между Пафлагонией и Понтом. Второе переселение связано с общими представлениями о господстве киммерийцев и скифов в Малой Азии. Что же касается савроматов, то обращает на себя внимание переселение именно целого племени, а не отдельных пленных, как в случае с сообщением грузинских источников. Кроме того, савроматы выступают сразу как отдельная от скифов этническая единица. Сообщение Диодора Сицилийского о происхождении народа не является единственным. Тот же Геродот (Her. IV. 110-117) сообщает и иную историю, также тесно связанную с малоазийским регионом. Именно она получит наибольшее признание в западноевропейских источниках, вполне соответствуя идее генетического родства скифов и савроматов, подтверждаемой данными археологии. Единственный исторический вывод, который можно сделать на основе указанных сообщений, это тесная связь савроматов с начальной историей скифов с периода закавказских походов последних.

Научно установленное отнесение языков "скифо-сарматов" и мидийцев к различным группам иранских языков не может отрицать самого факта их родства в рамках иранской группы и такого восприятия древними авторами. При всей сложности определения этнической принадлежности населения Приурмийского района накануне создания Мидийского царства, бесспорным остается факт, что к VII в. до н. э. здесь присутствовала значительная прослойка родственного скифам ираноязычного населения (27, с. 335). Для периода создания западноевропейских произведений, в которых фигурируют мидийцы, скифы и савроматы, мидийцы выступают ираноязычным народом и воспринимаются таковым в реальной жизни, а в несуществующей в то время научной лингвистике. Видимо, автор пытается усмотреть в появлении сарматов процесс оттока из Мидии неиранского элемента. Но такое утверждение нуждается в строгом обосновании, хотя оно вряд ли возможно, учитывая только хронологию столь разновременных событий, которые пытаются свести вместе, не говоря уже о вопиющем диссонансе с данными археологии.

Следует разобраться и с самим восприятием мидийцев в древних источниках. Р.Д. Арсанукаев апеллирует к данным источников, отмеченным И. Алиевым, что на территории Мидии и соседних областей проживали многочисленные неираноязычные племена. Но уже в первых же сведениях о мидийцах, оставленных Геродотом (Her. I. 101), круг собственно мидийцев ограничен только шестью племенами. Половина из названий этих племен практически всеми исследователями признается иранскими. Представлены и попытки этимологизации всех шести названий с иранского. Одни исследователи полагают

при этом, что несмотря на них следует считать мидийцев смесью иранских и неиранских народов (80, с. 109), другие, приводя вполне объективные обоснования, отстаивают иранские этимологии, а следовательно и ираноязычную принадлежность, отмеченных Геродотом племен и мидийцев в целом (27, с. 181-182). Геродот (Her. I. ПО, 122) приводит имя кормилицы Кира Спако, объясняя ее через мидийское слово «собака», что вполне четко говорит об иранской принадлежности мидийского языка. И. М. Дьяконов (39, с. 278) отмечал исключительную близость скифо-сакских и мидийских собственных имен. Поэтому отсылка Р.Д. Арсанукаева к работе И. Алиева не может служить указанием на строго установленную неиранскую принадлежность мидийцев, которых Геродот (Her. VII. 62) называл ариями. Тем более, что последующие исследования привели И. Алиева к выводу, что в Приурмийском районе до мидийского завоевания был значительный ираноязычный элемент, а само завоевание усилило иранизацию, которую несли мидийцы (7, с. 8-33). Геродот Галикарнасский, будучи мало-азиатским греком, должен был хорошо разбираться в этнической принадлежности мидийцев, что, в принципе, он и демонстрирует. Страбон, другой выходец из малоазийских греков, в произведении которого использовались многочисленные данные, включает в Ариану части Персии, Мидии, бактрийцев и согдийцев, т. к. все эти народы говорят почти на одном языке только с незначительной разницей (81габо. XV. И. 8). Безусловно, речь идет об ираноязычных народах.

Геродот (Her. V. 9) упоминает в Центральной Европе народ сигиннов, не находя объяснения их мидийскому происхождению. Такое затруднение, с точки зрения знания «отцом истории» этнического происхождения мидийцев, вполне понятно. Однако последние исследования позволили связать сигиннов с одним из продвинувшихся далее на запад скифским подразделением (88, р. 246-248). Э.А. Грантовский (27, с. 181) указал, что для названия одного из мидийских племен будиев не только легко подобрать иранскую этимологию, но и подкрепить ее параллелью из иранской этнонимии в лице будинов, помещаемых Геродотом (Her. IV. 21, 108-109) к северу от савроматов. Хотя у Геродота представлена явно путаная картина в определении этнической принадлежности будинов, но археологические данные свидетельствуют в пользу сезонного или круглогодичного проживания в лесостепной чести Среднего Дона скисав, а не указанных Геродотом народов (28, с. 102).

Попытки выделения среди сарматов некоего значимого или подавляющего кавказского элемента никогда не имели строго научного обоснования. Об этом давно было заявлено именно по поводу исследований Г.А. Меликишвили (38, с. 91-92), в которых указанное утверждение просто переносилось из одной работы в другую. В принципе, не трудно выяснить «путеводитель» Р.Д. Арсанукаева. Сам Г.А. Меликишвили (60, с. 97, 119-120, 220-221), не имея собственных доказательств для выдвигаемого им положения, ссылаясь на И.А. Джавахишвили, дескать, показавшего включение в число сарматов не только ираноязычного элемента, но и иберийско-кавказской группы, включавшей в себя адыгейско-чечено-лезгинские племена. Точно так ссылаясь на разработку И.А. Джавахишвили и И. Алиев (6, с. 101, 102). Р.Д. Арсанукаев и прибегает к

последовательному цитированию высказываний И.А. Джавахишвили и Г.А. Меликишвили, создающих иллюзию двух разработок по желанию автором заключению. Однако абсолютной фикцией является утверждение Г.А. Меликишвили об обоснованности подобного подхода И.А. Джавахишвили (32), обращение к статье которого в настоящее время интересно только с точки зрения историографии.

И.А. Джавахишвили (32, с. 31-44) указывал на наличие среди имен, зафиксированных эпиграфикой Северного Причерноморья, явно иранского облика, что, дескать, обходится молчанием сторонниками ираноязычности сарматов. Исследователь отмечает приведение иранских этимологии В.Ф. Миллером для меньшей части из известного общего списка имен. Однако сам такой подход некорректен, поскольку не только В.Ф. Миллер, но и многие другие исследователи вплоть до наших дней, обращались к фонду не «сарматских имен», а «варварских (негреческих) имен», зафиксированных в надписях из Северного Причерноморья. Поэтому сторонники иранского происхождения сарматов сами подменяют понятия «варварские имена» на «сарматские имена». Сам В.Ф. Миллер отмечал несарматское, «местное» происхождение неэтимологизированных им имен. Бесспорно, фонд ономастики из городов Северного Причерноморья не ограничивается собственно иранскими именами, среди которых, кстати, выделяются не только сарматские. Среди варварских имен отмечаются фракийские, еврейские, малоазийские, смешанные и др. Сами методы доказательств И.А. Джавахишвили вызывают недоумение. Так, например, исследователь заявляет о негреческом происхождении окончания *ος*, причисляет *-ο* к корню, а к окончанию только *ς*. На каком основании для надписей, составленных по-гречески, отрицаются правила греческого языка остается загадкой. Далее автор переходит к подбору известных ему адыгских имен и слов, не задаваясь вопросом о правомерности сопоставлений современных лексем с древними именами. Для раскрытия структуры имени Сармат, которое он бездоказательно расчленяет (38, с. 92), автор обращается к названию Нахчаматеане из «Ашхарацуйц», абсолютно произвольно допуская наличие в оригинале, которым пользовался Ананий Ширакаци, греческого *Ναζαματαί*. Но хорошо известно, что Ананий Ширакаци использовал труд Птолемея, в списках которого есть только формы *‘Ιαεαματαί* и *‘Ιεααματαί*. Далее идет произвольный подбор созвучных для «первой части» названия «сармат» кавказских названий. Название нахча-матеан, действительно, сопоставимо с названием нахов «нахчо», что свидетельствует о хорошем знании армянского автора северокавказской этногеографии (46, с. 404). Однако за этим стоит не этническое родство нахов и яксаматов, которому противоречат все известные данные нарративных и археологических источников, а осмысление автором древнего этнонима через современный ему.

Исходя из этнической истории, например, Азиатского Боспора, вполне допустимо наличие в северопричерноморской ономастике имен, происходивших из меотского (в данном случае, предки абхазо-адыгов) этнического круга. Но их выявление должно основываться на строгой научной базе. Поэтому апелляция к трудам Г.И. Меликишвили и И.А. Джавахишвили остается лишь видимостью «открытия» некоего иного направления в

изучении истории сарматов. Автора не настораживают даже устаревшие представления по истории языков кавказских народов (40, с. 16).

Ссылка на свидетельство Страбона о том, что у кавказцев большая часть относится к сарматскому племени, комментируется на основании сравнения с другим эпизодом у географа о схожести в образе жизни горных иберов с сарматами и скифами, являющимися соседями и родственниками. Р.Д. Арсанукаев на этом основании решает, что термин "овс" в "Картлис Цховреба" является нарицательным для всего Центрального Кавказа и не противопоставляется дурдзукам. Прежде всего отметим, что мы имеем дело с необоснованной подменой данных «Картлис Цховреба» данными Страбона. Выше приведенный анализ достаточно наглядно демонстрирует очень четкое различие между овсами и дурдзуками в произведении Леонти Мровели. У Страбона также нет намека о каком-то изначальном родстве иберов с сарматами и скифами. Сарматы включаются в число кавкасиан именно по географическому принципу. Их сближение с горными иберами говорит о тесных контактах между двумя разными этническими мирами. Причем, фигурирование здесь и скифов, которые уже сошли с исторической арены на Северном Кавказе, указывает на некоторую условность в восприятии кочевого населения. Подтверждает различие иберийского и сарматского миров тот же факт, что сближаются с сарматами не все иберы, а только горные, которые могли территориально контактировать с северными соседями. Автор умалчивает о том, что аналогичную ситуацию во взаимоотношениях с сарматами Страбон отмечает и для албаров (Strabo. XI. IV. 5), тем самым не оставляя сомнений в описании межэтнических взаимодействий. В конечном итоге, эти наблюдения Страбона никак не могут сочетаться с появлением Овсэти к западу от Терека. Подводя итог рассмотренному вопросу, отметим, что утверждение Ю. Клапрота трудно как безоговорочно поддержать, так и опровергнуть. Возможно, Леонти Мровели и использовал мотив появления савроматов по Диодору Сицилийскому и ввел его с учетом других задач своего произведения. Однако считать это окончательно установленным фактом, а не гипотезой нет оснований без дополнительных исследований.

Попытка опровергнуть скифскую трактовку сообщения Леонти Мровели была предпринята и сторонниками тюркоязычности скифов в лице И.М. Мизиева (62, с. 57-66). Автор недоумевает по поводу сравнения Ю. Клапрота сведений о пленных у овсов со сведениями Диодора Сицилийского о скифских пленниках из Мидии. Ранее я уже касался данного сопоставления. Примечательно, что И.М. Мизиев, цитируя Диодора Сицилийского, убирает из текста сообщение о савроматах и создает у читателя впечатление, что позднее Скифию опустошили переселенцы в Малую Азию. Таким образом, автор совершает источниковедческий подлог. Далее он приводит ряд возражений, по его мнению, полностью сводящие на нет всякую историческую ценность труда Мровели.

Автор полагает, что сообщение Юстина о среднем положении языка парфов между скифским и мидийским, представляющем их смесь, доказывает различие скифского и мидийского языков и полностью опровергает сопоставление Ю. Клапрота. Заметим, что никто и никогда не говорил об идентичности скифского и мидийского языков. В

отношении савроматов еще Геродот отмечал искаженный характер их языка по сравнению со скифским, что не выходит за рамки восприятия различий скифского и савроматского языков как диалектального. В принципе, такое же различие следует подозревать в отношении языка парфов. Даже у современных осетин при наличии двух основных диалектов дигорского и иронского наблюдаются примеры создания особых говоров (например, уалагкомского), в результате скрещения форм двух основных диалектов.

И.М. Мизиев полагает, что Леонти Мровели, хорошо зная письменные источники, в которых скифы должны были точно отличаться от хазар и скифами назывались различные кочевые народы вплоть до гуннов, хазар и половцев, делает прямо обратное - называет скифов хазарами. Во-первых, автор, сам того не замечая, отмечает использование термина "скифы" в предшествующих письменных источниках для определения этнически различных народов. Стоит напомнить, что к числу "скифов" причислялись и германские и славянские народы. В каждом случае следует отдельно разбираться с содержанием самого понятия "скифы" в том или ином источнике, а не сводить все сведения к единому восприятию. В частности, давно и неоднократно на конкретных примерах было показано, что начиная с раннего средневековья, когда собственно скифы уже сошли с исторической арены, название "скифы" прилагалось ко многим кочевым народам, своим образом жизни напомиавшим предшествовавшее на определенной территории население.

И.М. Мизиев указывает на нелогичность использования образа хазаров при наличии современных автору половцев. Но именно хорошее знание о половцах-современниках препятствовало использованию их образа, тогда как некогда могущественные хазары уже сошли с исторической арены, но память о них была еще достаточно свежа. Отрицание справедливости сведений о поражении «хазаров» от кавказских народов, указание на отсутствие подобных данных у Геродота не представляются достойными аргументами. О столкновениях скифов с кавказскими автохтонами свидетельствуют археологические данные и материалы фольклора последних. Там представлены и мотивы побед местных героев над чужаками, что могло отражать вполне реальные исторические эпизоды. У Геродота вообще нет сведений о Центральном Предкавказье, но представлен мотив уничтожения скифов на пиру мидийским правителем Киаксаром. Противоречие между сведениями о скифском царе Мадии и отсутствием у хазаров царя при первом вторжении достаточно условно. В.Б. Ковалевская (52, с. 64-65) справедливо отметила, что эпизод об избрании хазарами царя может быть связан с появлением титула царя по отношению к скифским вождям в Передней Азии. Исследователи неоднократно обращали внимание на тот факт, что если первоначально скифы упоминаются там под руководством некоего Ишпакая, то спустя определенное время, они уже возглавляются царями Партатуа и Мадием. Не исключается возможность, что в ассирийских источниках зафиксировано появление двух разных волн скифов, что мы бы могли соотнести с двумя волнами хазаров на Кавказе, когда именно со второй волной было связано появление института царя у вторгавшихся. Отрицание наличия скифского государства между Тереком и Кубанью не только противоречит сведениям письменных источников об обитании скифов на

Северном Кавказе, но и полностью опровергается данными археологии. Утверждение же о противоречии сведений грузинского источника о хазарских городах и крепостях у Дербента с отсутствием реальных скифских поселений полностью является выдумкой автора. У Леонти Мровели вообще нет подобных сведений. В связи с хазарами он сообщает о строительстве городов Таргамосианами на подступах к Хазарети. Возле Дербентского прохода строят крепость не хазара, а Афридон, что соответствует истории персов.

Констатация определения Волги и Кубани как Великой и Малой рек Хазаретии при отсутствии названия-ига скифскими реками, видимо, дает пищу для размышлений только самому автору и может послужить с его стороны укором составителям древних трудов за нечеткость в своих описаниях. В противном случае, они бы не ограничивались просто упоминанием скифов на Кавказе, возле Волги, за которой начиналась Азиатская Скифия, а четко бы назвали, например, Волгу «Великой рекой Скифии». Попытки И.М. Мизиева пожонглировать сведениями о пленных армянах и картлийцах в связи с историей овсов оставляем без комментариев, т.к. уже высказывались непосредственно по данному мотиву ранее. Оценить возражение оппонента можно бы было только в случае представления им собственного анализа данного мотива.

Исследователь указывает на мнение (82, с. 87-89), что под названием «овсы» в «Жизни Вахтанга Горгасала» подразумевались гунны, о походе которых писал Приск. Во-первых, мнение, что данное произведение принадлежит Леонти Мровели, а не Джуаншеру («Кодекс царицы Анны», «Кодекс царицы Марии»), не является строго установленным научным фактом. Абсолютно фантастические сведения о деятельности Горгасала ставят под большое сомнение значимость произведения как исторического источника. Во-вторых, проведенный Ю.С. Гаглойты (19, с. 185-191) анализ интересующего нас сообщения позволяет предполагать участие в походе гуннов, называемых Приском «царскими скифами», и алан. Исследователь обратил внимание на специфичное восприятие Приском этих «скифов», легко изучавших гуннский и готский языки, что, по крайней мере, свидетельствует об изначальном наличии в гуннской орде и иных этнических элементов. Кроме того, наблюдается хронологический разрыв между гуннским походом, осуществленным не позднее 448 г., и царствованием Вахтанга Горгасала, обычно относимым ко второй половине V в. На царствование Горгасала падает нашествие сарагуров в 60-х гг. V в. Вполне прав Ю.С. Гаглойти, что описание вторжения овсов в грузинском источнике не согласуется с описаниями реальных вторжений кочевников, зафиксированных Приском. Поэтому, признавать за сведениями «Жизни Вахтанга Горгасала» адекватное отражение реальных исторических событий представляется весьма спорным.

И.М. Мизиев недоумевает по поводу названия противников Вахтанга овсов «безбожниками» и «неверными», тогда как аланы, с которыми отождествляют овсов, уже около пяти веков до времени Леонти Мровели и Джуаншера были христианами. Во-первых, подобной характеристики овсов в источнике нет. Речь идет о влиянии в Картли огнепоклонства персов. Возможно, огнепоклонство приписывается и овсам, что вполне

отвечает языческим представлениям алан. Вопреки И.М. Мизиеву, аланы не могли быть христианами с VI в., т.к. надежно установлено только начало достаточно ограниченного проникновения христианства в Аланию с VI в., но официальное принятие христианства в качестве государственной религии произошло лишь в X в. Для времени же Вахтанга Горгасала аланы действительно были язычниками.

Наш критик указывает, что во «вставке» в произведение Леонти Мровели, произведенной под руководством Вахтанга VI «комиссией ученых мужей» в XVIII в., вытекающей из основного текста, представлены скифы, хазары и овсы в отдельности. Для справки отметим, что данную комиссию возглавлял Бэри Эгнаташвили, и большая часть вставок («чанарти»), приписываемых этой комиссии, присутствует в предшествующих списках «Картлис Цхов-реба». На чем основано мнение И.М. Мизиева, что указанная «вставка» вытекает из основного текста остается загадкой. На самом деле, содержание «вставки» легендарно и связано с политическими тенденциями в Грузии в период деятельности Леонти Мровели (82, с. 69).

В интересующей нас вставке речь идет о легендарной проповеди апостолов среди варварского населения. Распространение христианского вероучения среди алан, согласно церковной традиции, начинается в 40 г. н.э. с проповеднической деятельности апостола Андрея, охватившей прилегающие к Черному морю районы. О ней различной полноты сведения с III в. появляются в трудах Оригена, Евсевия Памфила, епископа Тирского св. Дорофея, епископа Епифания Кипрского, епископа Ипполита, Сафрония, Праксейса, Никиты Давида Пафлагонского, Арсения Керкирского, патриарха Никифора Каллиста, иерусалимского иеромонаха Епифания и др. Труд иеромонаха «Хождения Андрея» является сводом существовавших до него преданий и лег в основу грузинского и славянского вариантов. Сокращенное и несколько переделанное изложение труда Епифания было произведено Симеоном Метаф-растом и вошло в греческие Минеи. О путешествии св. Андрея повествуют русские православные Четьи Минеи. О давнем миссионерстве свидетельствует коптская литература. У абхазов и осетин сохранились предания о посещении апостолом их земель. Подобные легенды бытовали по всему побережью Черного моря, во многих городах и местностях стояли церкви в честь апостола, хранились иконы с его изображением.

В связи с проблемой миссионерской деятельности св. Андрея в Осетии интересно вспомнить о «скифском» жребии апостола, впервые упомянутым Евсевием Кесарийским. Развитие «скифской легенды» отмечается в списках апостолов и учеников, самым ранним из которых является Псевдо-Епифаний. Его истоком считают список, родственник версии Псевдо-Ипполита, который лег в основу смешанных списков. В нем указывается на проповедь среди «скифов, согдиан и саков», что отражает тенденцию расширения поля деятельности на все родственные скифам ираноязычные кочевые народы. Так сарматы появляются на месте саков в Эскуриальской рукописи «Жития» монаха Епифания.

Историки достаточно критически относятся к правдивости апокрифических сказаний, отмечая поздний характер известных версий, невозможность их научной проверки. При всей сложности научного анализа известных сведений следует признать их

направленность на локализацию легендарных событий в рамках реальной географии и на увязывание с известными уже христианскими центрами. Маршрут путешествия, представленный во «вставке», свидетельствует, что речь идет об Алании, располагавшейся на Кубани, где позднее находился центр Аланской епархии. В первоначальной редакции «Картлис Цховреба» (и его армянской версии) и «Житиях святых» Георгия Мтацминдели, составленных в XI в., сведения о посещении Андреем Моцикули Алании-Овсетии отсутствуют, что явно противоречит христианской традиции, зафиксированной, например, в V в. Епифанием Кипрским. Налицо стремление грузинской стороны не только претендовать на автокефалию, но и утвердить свой приоритет в распространении христианства, духовного и политического руководства у алан, о чем будут повествовать ее письменные источники. Из всех предлагавшихся идентификаций овсетского города Фостапор/Постапор/Боспор наиболее обоснованным представляется его соотнесение с Боспором (18, с. 185-187; 77, с. 60-63). Следует полагать, что появление в грузинском источнике овсетского Боспора было, с одной стороны, логичным отражением действительного положения в прошлом в крымском государстве, а с другой, в русле прежней политики оставляло в стороне историю северокавказской Алании.

Как мы видим, во «вставке» используется церковная легендарная традиция о миссионерстве апостола Андрея, которая и дала сведения о «земле Овсетской» и «Скифии». Характер использования этих сведений не дает никакого основания для столь критических высказываний, которые предлагает И.М. Мизиев. Кроме того, во «вставке» не упоминаются собственно скифы и овсы, а о хазарах или Хазарии вообще нет ни одного слова.

Подводя итог настоящей статьи, необходимо отметить следующее. Сведения письменных источников позволяют констатировать вхождение северокавказского региона в места непосредственного обитания скифов. Данные Леонти Мровели и кавказского фольклора указывают на пришлый и завоевательный характер истории скифов к северу от Главного Кавказского хребта. Они же связывают появление осетин с историей скифов. Но насколько данное положение соответствует историческим реалиям, может быть уточнено лишь на основании археологических исследований.

Примечания

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996. Т. III.
3. Алексеев А. Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? // Северная Евразия от древности до средневековья. Спб., 1992.
4. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии (УН-ГУ вв. до н. э.): Автореф. ... докт. ист. наук. Спб., 1996.
5. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
6. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. Т. I.
7. Алиев И. Очерк истории Антропатены. Баку, 1989.

8. Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002.
9. Ахвледиани Г.С. *Ossetica-Georgica* // ИСОНИИ. 1960. Т. XXII. Вып. I.
10. Болтенко М.Ф. *Herodoteanea* // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса. 1960. Вип. 3.
11. Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуц». Сухум, 2001.
12. Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990.
13. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа//ТЧИНИИ. 1963. Т. VI.
14. Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // ТЧИНИИ. 1964. Т. IX.
15. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII –IV вв. до н. э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенез). Грозный, 1972.
16. Гаглоев Ю.С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ. 1962. Вып. XI.
17. Гаглойти Ю. С. Алано-георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Составление, введение и комментарии // Дарьял. 1992. № 1.
18. Гаглойти Ю.С. Алано-георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Составление, введение и комментарии // Дарьял. 1992. № 2.
19. Гаглойти Ю.С. Алано-георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Составление, введение и комментарии // Дарьял. 1993. № 1.
20. Гаглойти Ю.С. Алано-георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Составление, введение и комментарии // Дарьял. 1995. № 4.
21. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996.
22. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. Спб., 1974.
23. Гамрекелли В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.
24. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ. Л., 1930. Т. V.
25. Гольдштейн А. Ф. Башни в горах. М., 1977.
26. Граков Б. Н. Пережитки скифских религий и эпоса у сарматов // ВДИ. 1969. №3.
27. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
28. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. 1995. № 4.
29. Давудов О. М. Материальная культура Дагестана в албанское время (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Махачкала, 1996.
30. Дарчиев А. О Таргитае - прародителе скифов // Дарьял. 2001. № 1.
31. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
32. Джавахишвили И.А. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939. № 4.
33. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
34. Дзиццойты Ю.А. Таргитай на Кавказе // Материалы I Международной конференции «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991.

35. Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
36. Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
37. Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси, 1983.
38. Дьяконов И. М. Г. А. Меликишвили. Научно-популярный очерк по истории предков грузинского народа. Тбилиси, 1951 (на груз, языке); Он же. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952, 52 стр., тираж 8000 экз, цена 1 руб. // ВДИ. 1954. № 3.
39. Дьяконов И.М. История Мидии. М.-Л., 1956.
40. Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Владикавказ, 1989.
41. Еврейская энциклопедия. Спб. Т. I.
42. Еврейская энциклопедия. Спб. Т. III.
43. Еврейская энциклопедия. Спб. Т. XIV.
44. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
45. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
46. Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. VIII.
47. Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII веках до н. э. М., 1996.
48. Капанцян Гр. Хайаса - колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947.
49. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. С прилож. карты // СМОМПК. 1908. Вып. 38.
50. Клапрот Ю. Доклад, в котором доказывалась идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан // Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992.
51. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. Спб., 1994.
52. Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН ГрузССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1975. № 3.
53. Кодзоев Н.Д. Легендарный прародитель кавказских народов Таргамос // Материалы научной конференции, посвященной культуре и истории ингушского народа. Назрань, 2002. Вып.
54. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
55. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
56. Льянов М. Башни эти - гордость моя // Возвращение к истокам. История Ингушетии в фактах и лицах. Саратов, 2000.
57. Мазетти К. Конец Ассирийской державы и ассиро-скифские отношения // ВДИ. 1979. № 4.
58. Марр Н.Я. Термин «скиф» // Избранные работы. М.-Л., 1935. Т. V.

59. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
60. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
61. Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960.
62. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
63. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
64. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
65. Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. Рец. на кн.: Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. - М.: Наука, 1984 // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1985. №3.
66. Мурзин В.Ю., Черненко Е. В. О локализации «царства Ишкуза» // Областная конференция «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». ТД. Запорожье, 1989.
67. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
68. Патканов К. Ванскія надписи и изначеніе ихъ для исторіи Передней Азіи // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXX.
69. Пахалина Т.Н. Скифо-осетинские этимологии // Nartamongae. Vladikavkaz / Dzaewdzyqaew – Paris, 2002. Vol.1. № 1.
70. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
71. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
72. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
73. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
74. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997.
75. Тер-Мартirosов Ф.И. Скифское царство в Передней Азии и «царь Армении Паруйр» // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989.
76. Тогошвили Г.Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
77. Туаллагов А.А. Алания (Осетия) и миссионерская деятельность св. Андрея // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
78. Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э.-I в. н. э. Владикавказ, 2001.
79. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
80. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
81. Хабичев М.А. К гидронимике Карачая и Бал карий. Нальчик, 1982.
82. Цулая Г.В. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии. М., 1979.

83. Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI века Леонтия Мровели (Этнокультурный аспект) // ИСССР. 1987. № 4.
84. Цулая Г.В. Грузинское летописное предание о «Нашествии хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5.
85. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1992.
86. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
87. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
88. Chochorowski J. Ekspansja kimmerijska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993.
89. Szemerényi O. Iranica III // W.B. Henning memorial Volume. London, 1970.
90. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I: Die Iranier in Sudrusland. Leipzig, 1923.
91. Zgusta L. Die Personennamen griechische Stämme der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Е.В. Вдовченко

**Миграция носителей сарматской археологической культуры из Подонья на
территорию Среднего Дуная в I в. до н. э. – I в. н. э.**

С I в. н. э. на территории Карпатского бассейна фиксируются памятники, оставленные носителями сарматской археологической культуры. До этого на территории Карпатского бассейна бытовала земплинская археологическая культура, носителями которой считается кельто-дакийское население [1, с. 80].

Самый большой массив археологических памятников сарматской культуры Карпатского бассейна составляют погребальные комплексы. Самые первые погребальные комплексы сарматской археологической культуры трудно выделить по ряду причин. Во-первых, большая часть погребений сарматской культуры не очень выразительна. Погребальный обряд в бедных захоронениях оставался в общих чертах неизменным на протяжении всего сарматского периода [2, с. 93-94]. Во-вторых, найти ранние комплексы и точно определить их датировку мешает плохая сохранность сарматских комплексов Карпатского бассейна. Помимо этого, следует учесть еще одно обстоятельство. После миграции на территорию Карпатского бассейна должно было пройти какое-то количество времени, прежде чем у мигрантов установилась бы надежно фиксируемая традиция совершения погребений [3, с. 208].

Вопрос о том, когда носители сарматской археологической культуры появились на территории Карпатского бассейна, давно интересовал исследователей, особенно венгерских ученых. Некоторые венгерские исследователи, опираясь, с одной стороны, на данные античной традиции, а с другой, на датировки каменных укреплений в Аквинке на Дунае, датировали проникновение сарматов на территорию Карпатского бассейна первыми десятилетиями нашей эры [4; 5]. Что касается каменных укреплений в Аквинке,

о возведении которых сообщалось в строительной надписи, то считалось, что они возведены в 17-20 гг. н. э. Позднее выяснилось, что надпись относится ко времени Веспасиана, и строительство, таким образом, следует отнести к 73-76 гг. н. э. [6, с. 133; 7, 1977, с. 439; 8, с. 76].

Самые ранние погребальные комплексы, относящиеся к сарматской культуре, надежно фиксируются только с конца I в. н. э. [5, с. 115; 9, 1982-1983; 3, с. 205]. Ранними комплексами, по мнению А. Мочи, следует считать комплексы без фибул и с золотыми ювелирными украшениями северопричерноморского происхождения. М.Б. Щукин отметил категорию находок, которую можно относительно точно продатировать. Это маленькие подковообразные подвески из благородных металлов, среди которых встречаются предметы со вставками голубой эмали на концах. Самые ранние такие подвески относятся к 70-м гг. I в. н.э. [8, с. 76]. В дальнейшем они получают широкое распространение по всему Средиземноморью во II – III вв. н.э. Венгерская исследовательница А. Вадаи указывает на наличие еще одной категории находок, характерной для раннесарматских погребений – золотых гривен, поскольку в дальнейшем в комплексах сарматской культуры Карпатского бассейна встречаются серебряные и бронзовые гривны [9, с. 172]. В целом следует сказать, что в I – начале II в. н.э. торговля с римскими провинциальными центрами еще не была налажена, поэтому продукция из античных центров встречается относительно редко, что затрудняет датировку самых ранних сарматских комплексов [9, с. 167].

Подводя итог исследованиям, посвященным выделению ранних комплексов сарматской археологической культуры Карпатского бассейна, можно выделить следующие предметы, позволяющие датировать ранние комплексы сарматской археологической культуры на рассматриваемой территории:

1) Фибулы, распространенные в I в. н.э. (такие, как Ауцисса) и фибулы II в. н.э., которые можно отнести к материалам начала II в. н.э. (например, провинциальные коленчатые и фибулы с эмалью из западных римских провинций);

2) Зеркала, относящиеся к I в. н.э.;

3) Керамика дакийского происхождения с узором, выдавленным пальцем, которую можно отнести к I в. н.э. Дакийские и кельтские формы керамики являются наследием земплинской культуры, носителем которой было кельто-дакийское население. Поэтому дакийская и кельтская керамика в одном комплексе с типично сарматскими находками тоже может указывать на раннее происхождение комплексов;

4) Керамика из римских провинций, датированная I в. н.э.;

5) Подковообразные подвески из благородных металлов со вставками эмали или зернью на концах, которые можно отнести к концу I – первой половине II в. н.э., а также другие украшения из золота;

6) Золотые гривны.

Согласно этим категориям датирующего материала, можно выделить следующие комплексы, относящиеся к самым ранним комплексам сарматской культуры на территории Среднего Дуная.

Могильник Сегед-Фельшепустасер, погребения № 1, 15, 17, 20, 23, 29, 37; могильник Сонград-Эндре, погребения № 2, 3; могильник Кишкереш-Вагохиди Шерегели, погребения № 3, 7, 16, 17, 18; могильник Ходмезовархели-Фехерто, погребения № 2, 3, 7, 13, 17, 22; Эрвень, случайные находки; Надькерю; могильник Кишкереш-Чукашто Ракут, погребения № 7, 8; могильник Сентеш-Киштоке: погребение 145; Mezocsat-Horcsogos, погребения № 58, 62, 63; Siedlung, погребения № 1, 2 – [4, 9, 10, 11].

Таким образом, во второй половине – конце I в. н.э. на территории Карпатского бассейна появляются и надежно фиксируются комплексы сарматской археологической культуры. Для того чтобы найти исходные районы миграции, необходимо проанализировать погребальный обряд и материальную культуру ранних сарматских комплексов Карпатского бассейна.

Все ранние погребения на территории Карпатского относятся к одному типу погребального сооружения – это грунтовые могильники. Курганные погребения, в целом, не характерны для сарматов Карпатского бассейна. Первые курганы с комплексами сарматской археологической культуры известны в Карпатском бассейне с конца II в. н.э. [2, с. 96].

В публикациях не отмечен тип могильной ямы рассматриваемых памятников – подбой, катакомба, простое подпрямоугольные ямы или ямы с заплечиками. Можно с высокой долей вероятности предположить, что отсутствие информации говорит о том, что погребение было обычным, без катакомбы и подбоя, с могильной ямой подпрямоугольной или овальной формы, потому что в противном случае, скорее всего, была бы известна определенная информация по этому поводу [12, с. 189]. В. Кульчар сообщает, что основным типом могильной ямы на территории Карпатского бассейна являются ямы овальной или подпрямоугольной формы.

Положение тела погребенного и его ориентация – это один из самых устойчивых элементов погребальной традиции. Во всех рассматриваемых погребениях характерно вытянутое положение тела на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища или сложенными в районе таза (погребение № 2 могильника Сонград-Эндре). Практически для всех погребений характерна ориентировка в южный сектор. Для рассматриваемых нами комплексов другие варианты ориентировки погребений очень редки – это погребение № 3 из могильника Кишкереш-Вагохиди и Mezocsat-Horcsogos, погребения № 58 и № 63. Традиция ориентировки в южный сектор в сарматской археологической культуре на Среднем Дунае отличает этот регион от других районов, поскольку в землях к востоку от Карпат южная ориентировка сменяется северной, и уже во второй половине I в. н.э. северная ориентировка преобладает [13]. Самым распространенным типом погребального инвентаря является керамика, которая встречается в 83 % исследованных могил сарматской культуры на территории Карпатского бассейна [2, с. 99]. Как правило, в сарматских погребениях Карпатского бассейна находится один сосуд, стоящий в ногах погребенного. Для ранних погребений в целом характерно расположение сосуда в ногах костяка, хотя встречаются погребения с сосудом в районе головы. Бусы и бисер также

являются одной из самых распространенных категорий находок. В 42% рассматриваемых погребениях встречаются пряслица.

Еще одной характерной чертой рассматриваемых комплексов является отсутствие в них оружия. Эта черта и в дальнейшем достаточно характерна для сарматских комплексов Среднего Дуная, в которых оружие – редкая находка, в отличие от комплексов Восточной Европы. Известно по письменным источникам, что сарматы на рассматриваемой территории регулярно участвовали в военных действиях – против даков и римлян, поэтому оружие должно было присутствовать у сарматов рассматриваемого региона. Вероятным объяснением этого явления служит тот факт, что большинство известных нам ранних погребений – это женские погребения. Судя по инвентарю (например, наличию пряслиц и бус, типичных для женских погребений), среди ранних погребений сарматской культуры Карпатского бассейна женских погребений намного больше, чем мужских.

В чем причины этого явления? Можно предложить два возможных объяснения: мужчин и женщин хоронили отдельно или же женщин было меньше, чем мужчин [9, с. 179]. Но второе утверждение выглядит неправдоподобным, если учесть активную военно-политическую деятельность сарматов-мигрантов в рассматриваемом регионе. Вероятнее предположение о том, что нам в настоящее время из ранних погребений известны женские комплексы.

При исследовании сарматской археологической культуры Карпатского бассейна возникает вопрос о том, к какой сарматской культуре отнести рассмотренные погребения, к раннесарматской или среднесарматской. Если воспользоваться общепринятой схемой Б.Н. Гракова и его периодизацией, то хронологически ранние памятники Среднего Дуная (вторая половина I – II вв. н.э.) относятся к среднесарматской (сусловской) археологической культуре.

Однако схема Б.Н. Гракова подвергалась неоднократным исправлениям и детализации. К.Ф. Смирнов уточнил датировку среднесарматского периода – I в. до н.э. – II в. н.э. [14, с. 199]. В последнее время эта схема подверглась дальнейшей детализации [15; 16, 17].

А.С. Скрипкин, проанализировав материалы с территории Поволжья и Приуралья, пришел к выводу, что временем бытования сформировавшейся раннесарматской культуры следует считать III в. до н.э. – I в. до н.э., а временем среднесарматской (сусловской) археологической культуры – I в. н.э. – первая половина II в. н.э. В свое время Б.Н. Граков датировал конец раннесарматской (прохоровской) археологической культуры II в. до н.э., опираясь на датировку начала среднесарматской археологической культуры. Но в последнее время общая система датировки подверглась существенной корректировке в сторону омоложения и А.С. Скрипкин убедительно доказал, что граница между культурами приходится на рубеж эр [17, с. 87].

Для решения вопроса о принадлежности памятников Карпатского бассейна среднесарматской или раннесарматской культуре следует соотнести погребальный обряд и погребальный инвентарь сарматских памятников Карпатского бассейна с раннесарматскими и среднесарматскими комплексами. При этом, по нашему мнению,

погребальный обряд несет в себе более ценную информацию, поскольку погребальный обряд, ориентация костяка, тип могильного сооружения и положение вещей, как правило, более консервативны, чем предметы материальной культуры, которые могут со временем эволюционировать в более развитые формы независимо от этнокультурной среды и этнических традиций. Инвентарь в течение определенного времени может меняться; зеркала, пряжки, фибулы, бусы, оружие изменяют со временем свои формы, что может быть отражением не частных, а общесарматских культурных тенденций и культурных заимствований.

А.С. Скрипкин выделил позднюю группу раннесарматской археологической культуры, для которой характерны впускные погребения с узкими ямами с подбоем или без, ориентированные преимущественно в южный сектор [18, с. 12]. Он рассмотрел выборку из 40 погребальных комплексов II-I вв. до н.э., найденных на территории Поволжья и Волго-Донского региона [19, с. 143-144]. По мнению А.С. Скрипкина, основная часть этой выборки относится ко второй половине II-I вв. до н.э. Для этой выборки характерны признаки, по которым эти комплексы можно сближать с ранними комплексами Карпатского бассейна (погребения являются впускными в насыпи курганов, распространенная форма погребальных ям – прямоугольные и подбойные, преобладает ориентировка в южный сектор, схожий погребальный инвентарь). Погребальный обряд и материальная культура позволяют говорить нам о том, что погребальные сооружения сарматских комплексов Карпатского бассейна все же ближе раннесарматскому погребальному обряду.

Есть некоторые характерные моменты, отличающие комплексы Карпатского бассейна от классических комплексов раннесарматской археологической культуры. Это отсутствие впускных погребений в курганы, отсутствие оружия и ряда признаков, возможно не отмеченных при раскопках (таких, например, как наличие костей животных в погребениях). Также в качестве отличительной чертой погребений сарматской культуры Карпатского бассейна выступает использование местных форм керамики. Причины этих изменений очевидны – это миграционные трансформации материальной культуры мигрантов.

Традиционное объяснение появления сарматских памятников на территории Карпатского бассейна состоит в том, что произошла миграция носителей сарматской археологической культуры. Чтобы удостовериться в том, что именно миграция действительно имела место (а не культурные заимствования), необходимо проверить критерии, которые устанавливают наличие этой миграции. Ирвинг Рауз предложил пять критериев, которые надежно фиксируют миграцию [20, с. 60]:

- 1) идентифицировать мигрировавший народ как вторгнувшуюся общность в районе, где он оказался;
- 2) проследить эту общность до родины;
- 3) удостовериться, что все проявления этой общности одновременны;
- 4) установить наличие благоприятствующих условий для миграции

5)показать, что другие гипотезы (диффузия признаков или самостоятельное изобретение культурного явления) не лучше удовлетворяют настоящему положению дел.

Привлечение антропологических данных, картографирование находок и привлечение данных других дисциплин окончательно может подтвердить достоверность миграции. На самом деле многие перечисленные критерии могут не подтвердиться в результате исследования какой-либо конкретной миграции, в то время как миграция будет надежно зафиксирована [20, с. 60]. Но для формирования полной картины миграции и большей достоверности исследования лучше использовать все эти критерии.

Чтобы представить расположение исследуемых могильников на территории Среднего Дуная, эти могильники были выведены на карте № 1 Приложения. Как видно по карте № 1 Приложения, комплексы концентрируются вдоль среднего течения Тисы и в средней части междуречья Тисы и Дуная.

Общность, мигрировавшая на территорию Карпатского бассейна, идентифицируется как общность носителей раннесарматской культуры. Родиной этой общности мигрантов следует считать степные районы от Карпат до Приуралья, где в это же время господствовали носители сарматской культуры. О том, что эти комплексы принадлежат выходцам с восточных территорий, уверенно свидетельствуют данные антропологических исследований [21], согласно которым появление в Карпатском бассейне этих комплексов можно объяснить только миграцией.

Общий исходный район миграции может быть определен как степи Северного Причерноморья и Поволжья, где отмечены комплексы со сходным обрядом [22, 12, 19]. Эти комплексы относятся ко II-I вв. до н.э., что удовлетворяет третьему критерию, то есть относительной одновременности этих комплексов.

В качестве возможной причины миграции на территорию Карпатского бассейна следует указать давление племен с востока, что привело к изменениям культуры в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. [13].

Гипотезы диффузии или культурного заимствования не способны объяснить следующих фактов: появление погребений с раннесарматским погребальным обрядом; наличие антропологических материалов, свидетельствующих о присутствии выходцев с восточных территорий и, наконец, четырехсотлетнюю историю господства сарматской археологической культуры на территории Карпатского бассейна. Все это неоспоримо свидетельствует о том, что приблизительно в середине I в. н.э. на территорию Карпатского бассейна мигрировали носители сарматской археологической культуры.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о том, что рассматриваемые комплексы оставлены носителями раннесарматской археологической культуры; на рассматриваемой территории раннесарматская культура появилась в результате миграции ее носителей с востока; в ходе миграции облик культуры этой общности претерпел существенные изменения.

В ходе поиска истоков миграции были исследованы комплексы, близкие ранним памятникам Карпатского бассейна: комплексы Молдавии и Западной Украины; Приднепровья и района Подонья - Северского Донца.

В результате проделанной работы среди комплексов Северо-Западного Причерноморья выделено 37 погребений. При отборе этих комплексов учитывался в первую очередь такой признак, как ориентировка в южный сектор, характерная для самых ранних сарматских комплексов региона. Примерно с середины I в. н.э. на территории Западной Украины и Молдавии преобладает ориентировка погребений в северный сектор, что позволяет отделить самые ранние южноориентированные погребения от поздних погребений. Также в подборку включены самые ранние погребения региона, ориентировка которых неизвестна, поскольку инвентарь и датировка этих комплексов позволяют сблизить их с комплексами Карпатского бассейна.

В эту подборку вошли грунтовые погребения, найденные в грунтовых могильниках:

могильник Холмское (погребения № 4, 22) [23, с. 8-10]; могильник Селиште [Гросу В.И. 1982, с. 13-14]; разрушенный комплекс Скаяны [24, с. 43]; погребения из Островец-Вертеба (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9) [13, с. 39]; Киселев (погребения № 5, 6, 7, 8, 9, 10) [25]; Безены [13, с. 38].

Также в рассматриваемом регионе много впускных погребений, найденных в следующих курганных могильниках: курганный могильник Огородное (курганный группа I, в кургане 1 погребения № 12, 13, курганный группа II, в кургане 1 погребения № 4, 7, 12) [26]; Глубокое (курган 2, погребение № 3) [27]; впускные погребения у Старых Дубоссар (курган 2, погребения № 9, 30) [28]; впускные погребения из Островец-Олеччина (№ 1, 2, 3) [13, с. 39]; Беляевка (погребения № 15, 18) [29, 13, с. 38]; Маяки (курган 5, погребение № 3) [13, с. 46]; Новые Костешты (курган 1, погребение № 2) [13, с. 41 - 42]; Тараклия I (курган 1, погребение № 3) [13, с. 41]; Вишневое [30].

Кардинальные изменения раннесарматского погребального обряда происходят только с середины I в. н.э. Новые памятники с ориентировкой в северный сектор появляются на этой территории с середины I в. н.э. и сразу вытесняют комплексы с ориентировкой в южный сектор на территорию Карпатского бассейна [13].

Следующая группа комплексов, близкая рассматриваемым комплексам с территории Среднего Дуная, группируется в низовьях Днепра и прилегающих районах. Всего в этом районе найден 21 комплекс, соответствующих хронологическому критерию и погребальной обрядности.

Всего подобрано 21 погребение. Хронологический разлет комплексов относительно широк – от II в. до н.э. до первой половины II в. н.э. Ориентировка в рассматриваемых комплексах – в южный сектор, что отличает их от преобладающего большинства комплексов раннесарматской археологической культуры, у которых прослеживается ориентировка в северный сектор.

Тот факт, что в Поднепровье найдено столь малое количество раннесарматских комплексов, соответствующих комплексам Карпатского бассейна, говорит нам о том, что население, оставившее их, при миграции на запад практически не задержалось в Приднепровье.

В районе Подонья и Северского Донца найдено 148 комплексов, удовлетворяющих выделенным нами критериям. Эти комплексы появились на Дону в самом конце III –

начале II в. до н.э. Комплексы IV – III вв. до н.э. относятся к другой археологической культуре [31, с. 162].

Эти комплексы располагаются преимущественно на левом берегу Нижнего Дона, но в дальнейшем они появляются на правом берегу Дона и в бассейне реки Северский Донец:

Ясырев I (курган 8, погребение № 9); Ясырев III (курган 1, погребения № 1, 2, 4, 6, 7) [32]; Попов (курган 58/26, погребение № 9, 10) [33, с. 44-45]; Донской (курган 5, погребение № 10, 17, 23) [33, с. 43]; Кадамовский [33, с. 44]; Дубенцовский (курганная группа III, курган 1, погребение № 4, 6, 7) [33, с. 45]; Алитуб (курган 3, погребение № 20) [33, с. 47]; Маныч (курган 2, погребение № 6) [33, с. 47]; Балабинский (курган 27, погребение № 25) [33, с. 46]; Койсуг (курган 4, погребения № 3, 6, 11, 19, 28, 32; курган 5, погребения № 1, 2, 15; курган 7, погребение № 6) [33, с. 48]; Высочино (курган 1, погребение № 2) [33, с. 49]; Кулешовка (курган 1, погребение № 17) [31, с. 166]; Северо-Западный I (курган 1, погребения № 3, 8, 12, 13) [34]; Фрунзе (курган 2, впускное погребение) [35, с. 90-91]; Сладковский (курган 7, погребение № 1-3) [35, с. 80-81]; Ново-Баранниково (впускное погребение) [35, с. 86-88]; курганный могильник у х. Новый [36]; Арбузовский, к. 7, п. 2; к. 8, п. 2, 3, 4, 5, 8 [36]; Криволиманский I, К. 16, п. 4, 5 [36]; Московский II, К. 1, п. 1, 2 [36]; Лиман Донской, К. 4, п. 2, 5 [36]; х. Пробуждения, к. 1, п. 11; к. 2, п. 4, 8; К. 3, п. 6 [36]; Терновский II, к. 3, п. 3; к. 13, п. 1 [37].

Все погребения относятся к раннесарматской археологической культуре. Погребения, выделенные нами, имеют ориентировку в южный сектор. Все погребения впускные в курганы. Комплексы датируются временем от конца III в. до н.э. до I в. до н.э. Прослеживается тенденция – самые ранние комплексы находятся на востоке, на левом берегу у излучины Дона. Это говорит о том, что первые мигранты подошли из Поволжья к излучине Дона, а затем вдоль левого берега дошли до устья Дона. Во второй половине II в. до н.э. – I в. до н.э. комплексы мигрантов появляются на правом берегу Дона (Донской, Кадамовский) и на Северском Донце (Фрунзе, Сладковский, Ново-Баранниково). Самые поздние комплексы этой группы – погребения могильника Северо-Западный, датированные в целом рубежом эр (плюс-минус пятьдесят лет). В целом датировка от конца III в. до н.э. до I в. до н.э. (а некоторых комплексов – до первых десятилетий нашей эры) и принадлежность раннесарматской археологической культуре вполне соответствует хронологическому критерию поиска истоков рассматриваемой нами миграции.

Количество погребений в Подонье говорит нам о том, что исходным районом миграции был, видимо, этот регион. Обращает на себя внимание меньшее количество комплексов в низовьях Днепра по сравнению с другими районами. Это может свидетельствовать о том, что мигранты, проходя район Днепра, надолго здесь не задерживались, сразу следуя в Северо-Западное Причерноморье. Возможно, конечно же, что часть носителей раннесарматской культуры, живущих в Поднепровье, принимала участие в миграции, тем более что на территории Карпатского бассейна среди ранних выделенных нами погребений встречаются два погребения с ориентацией в северный сектор.

Таким образом, на территориях к востоку от Карпат найдены два района, где зафиксировано значительное количество комплексов, сходных с комплексами сарматского бассейна – Северо-Западное Причерноморье и Подонье. В Поднепровье отмечено меньшее в сравнении с двумя другими районами количество комплексов. Поэтому для миграции носителей сарматской археологической культуры на запад следует выделить два последовательных этапа – миграция в Северо-Западное Причерноморье около рубежа эр и миграция на территорию Карпатского бассейна под давлением с востока в середине I в. н.э.

Таким образом, комплексы, близкие практически по всем выделенным нами критериям, свидетельствуют о миграции одной из групп носителей раннесарматской археологической культуры. Эта миграция может быть прослежена от левобережья Дона до территории Среднего Дуная. Эта миграция началась в самом конце I в. до н.э. или на рубеже эр и завершилась в середине I в. н.э. Для миграции можно выделить, опираясь на археологические материалы, следующие этапы.

1) Этап, предшествующий миграции - появление населения с раннесарматской культурой и южноориентированными погребениями в Подонье (II вв. до н.э.) и постепенное расселение вниз по Дону и на донское правобережье.

2) Собственно первый этап миграции – переселение носителей раннесарматской культуры в Северо-Западное Причерноморье, произошедшее ориентировочно на рубеже эр.

3) Второй этап миграции – переселение носителей раннесарматской культуры на территорию Карпатского бассейна, произошедшее, по археологическим данным, в середине-второй половине I в. н.э.

Основную массу мигрантов, исходя из сообщений античных авторов, можно идентифицировать как сарматов. Есть основания полагать, что в этой миграции ведущая роль принадлежала языгам, поскольку античные авторы упоминают языгов как на территории Среднего Дуная [Плиний Старший, Естественная история, IV, 80-81; Тацит, Анналы, XII, 29, 30; История, III, 5; Арриан, Поход Александра, I, 3, 2; Птолемей, География, III, 5, 1; III, 7, 2; Дион Кассий, 71, 7, 1-5; Иордан, Гетика, 74], так и на территории Северо-Западного Причерноморья [Овидий. Письмах с Понта. I, 2, 77; IV, 7, 9; Страбон, География, VII, II, 4; VII, III, 17] и в Северном Приазовье [Аппиан, Митридатовы войны, 69; Птолемей, География, III, 5, 7; Аммиан Марцеллин, История, XX, 8, 31]. К сожалению, объем статьи не позволяет нам рассмотреть его более подробно данные письменных источников.

Языги были ираноязычными кочевниками. Это следует из имен двух языгских вождей – Банадаспа и Зантика (*Banadaspōs; Zantikos*), которых упоминает Дион Кассий при описании событий Маркоманнских войн. Эти имена свидетельствуют об ираноязычии языгов. В.И. Абаев перевел имя Банадасп как “победоконный”, а Зантик - как “сын племени” [38]. Это позволяет нам утверждать о том, что основная масса мигрантов принадлежала к ираноязычным племенам.

Таким образом, исходя из данных античной письменной традиции и археологических материалов, можно реконструировать миграцию ираноязычного населения в I в. до н.э. - I в. н.э. из района Подонья-Приазовья в Северо-Западное Причерноморье и далее на территорию Карпатского бассейна.

Примечания

1. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий в III в. до н.э.-I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
2. Kulcsar V. 1993. A karpát-medencei szarmata Barbaricum temetkezési ritusa. Kandidatusi disszertacio. Budapest.
3. Иштванович Э., Кульчар В. Проблема “первого поколения” в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”. Самара, 2000. Вып. 2. С. 205 – 209.
4. Parducz M. 1941. Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns. B. I // АН. XXV.
5. Мочи А. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. IV. Fasc. 1-4. Budapest. 1954. С. 115-128.
6. Toth E., Vekony G. 1970. Zu Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. XXII.
7. Mocsy A. Die Einwanderung der Iazygen // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXV. Fasc. 1-4. Budapest. 1977. 439-446.
8. Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. №1. 1989. С.70 – 83.
9. Vaday A.H. 1982-1983. Das Graberfeld der Jazyges Metanastae in Mezocsat-Horcsogos // Mitteilungen des Archaeologischen institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1982/1983. 12/13. 167-188.
10. Parducz M. 1944. Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns. B. II // АН. XXVIII.
11. Parducz M. 1946-1948. Szarmta temeto Hodmezovasarhely-Feherton // АЕ. 283-290.
12. Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. ТД. Ч. 2. Самара, 2000. С. 187-203.
13. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
14. Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 195-219.
15. Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. ТД. Ч. 1. Самара, 2000. С. 150-157.

16. Скрипкин А.С. Некоторые итоги изучения хронологии сарматской культуры // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск, 1987. С. 34-35.
17. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
18. Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
19. Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II – I вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. ТД. Ч. 1. Самара, 2000. С. 137-149.
20. Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. № 1. СПб.-Кишинев-Одесса, 1999 С. 52-71.
21. Bartucz L. 1961. Anthropologische Beitrage zur I. und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. С. 157-229.
22. Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Ч. 1. Самара, 2000. С. 158-164.
23. Гудкова А.В. Фокеев Н.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I-IV вв. н.э. Киев, 1984
24. Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. 1975.
25. Винокур И.С., Вакуленко Л.В. Киселевский могильник I-II вв. н.э. // КСИА. 1967. Вып. 112.
26. Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н. М. Курганы у села Огородное Белгородского района Одесской области // МАСП. 1970. Вып. 6. С. 130-155.
27. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966) // МАСП. 1970. Вып. 6. С. 37-56.
28. Борзяк И.А., Левицкий О.Г. Исследование двух курганов в Криулянском районе // АИМ в 1984 г. Кишинев, 1989.С. 109-127.
29. Алексеева И.Л. Раскопки Беляевского кургана в 1966 г. // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 32-41.
30. Дзиговский А.Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 83-93.
31. Максименко В.Е. О времени и путях проникновения племен прохоровской культуры в Подонье – Приазовье // Проблемы сарматской археологии и истории. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. ТД. Ч. 2. Самара, 2000. С. 158-169.
32. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА. 1973. Вып. 133. с. 72-79.
33. Максименко В.Е. 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
34. Власкин М.В. Раннесарматское погребение могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 9-26.

35. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
36. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. Вып. 1.
37. Наumenко С.А. Могильник Терновский II. – В кн. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону. 1992. Вып. 1. С. 258-261.
38. Абаев В.И. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272-364.

Н.М. Емельянова

Иран в истории Осетии

Осетия имела продолжительные контакты с Ираном как доисламским, так и после того, как эта страна стала мусульманской. Взаимоотношения алан (осов) и их протоэтнос – скифов с Ираном возникли гораздо раньше начала проповеди Мухаммада. После утверждения ислама в качестве государственной религии в Иране, осетины продолжают сохранять память о родственных отношениях с персами. При проведении своей кавказской политики Иран неоднократно пытался либо привлечь осетин в качестве союзников, либо подчинить их силой оружия. Часть осетин продолжала ориентироваться на Иран даже в первые десятилетия XIX века. В связи с окончательным закреплением России в кавказском регионе, осетинско-иранские контакты постепенно были сведены к минимуму.

Осетины – единственный народ на Северном Кавказе, язык которого принадлежит к индоевропейской семье языков. По мнению выдающегося осетинского ученого В.И. Абаева «термин *allon* представляет безупречное с фонетической стороны оформление древнеиранского *вгуона* – арийский...»[1]. Сами осетины называли себя «ирон Адам» – «иронский народ», а свою страну – Иристон. Грузины называли их овси, а страну – Овсети, Осети. Черкесы называли осетин ассами, в русских летописях они известны под именами аланов и ясов [2].

Расселившись по ущельям Кавказского хребта, к XVII-XVIII вв. осетины образовали пять главных групп, отличающихся друг от друга как в бытовом укладе, так и по диалекту: дигорцы (говорят на дигорском наречии); алагирцы, куртатинцы, тагаурцы (всех их объединяет общий иронский диалект) и южные осетины.

Вполне возможно, что до принятия ислама Персия распространяла среди родственных осетин через Грузию, а также и восточный Северный Кавказ, митраизм и зороастризм. Неспроста после знакомства с исламом Пророк Мухаммад получил у осетин имя Сына Солнца (хуры фырт); так осетины называли его вплоть до конца XIX в. [3]. В своих работах, посвященных зороастризму, крупнейший осетиновед XX в. В.И. Абаев приходит к выводу, что зороастризм оказал слабое влияние на осетин-алан и их предшественников скифов. Главным аргументом в пользу этого Абаев выдвигает отсутствие в глубоких пластах осетинского языка наименований из пантеона

зороастрийских божеств. Что же касается деловых контактов протоалан и зороастрийцев, то ученый не отрицает, что «Зороастр находился в несомненном контакте со скифами» [4]. А в связи с тем, что фамильное имя Зороастра Spitama не сохранилось ни в одном из живых иранских языков, кроме осетинского (в фамильном имени Sidëmon), В.И. Абаев выдвигает гипотезу «о возможности скифского происхождения рода Зороастра» [5].

Как бы то ни было, о влиянии древних иранских религий (в том числе и зороастризма) на историю Осетии, на обрядовую погребальную практику, рассказывают сегодня учителя в средних школах на уроках религиоведения [6]. Во время экспедиции в Республику Северная Осетия-Алания в июле 2001 г. автору удалось познакомиться с довольно многочисленной группой осетин-энтузиастов, организовывающих добровольные поездки в Грузию и Азербайджан в поисках зороастрийских памятных мест. Эти люди считали себя последователями Зороастра. Причем они не имели специального религиоведческого образования, являясь в повседневной жизни простыми рабочими. Они тратили все свое свободное время и средства для того, чтобы добраться в овеянные зороастрийскими преданиями районы и совершить здесь специальные ритуальные обряды.

Арабско-персидская борьба на Кавказе и в Осетии

В начале арабских завоевательных походов Восточная Грузия, территория современного Азербайджана и большая часть Армении принадлежали сасанидскому Ирану; Западной Грузией и Западной Арменией владела Византия. Арабские завоевания VII-VIII вв. внесли изменения в расстановку политических сил на Кавказе. Арабы появились в пределах Кавказа в 639 г. Их победа над персами при Нехавенде близ Хамадана в 642 г. (21 г. хиджры) открыла для набегов арабских отрядов все подвластные Сасанидам страны. Один из таких отрядов под начальством Сураки ибн-Амру и направился в пределы Дагестана. Первый удар арабов был направлен против владетеля Дербента Шехриара. Но Шехриар вместо бесполезного сопротивления победителям предпочел вступить с ними в мирные переговоры, которые и увенчались успехом при посредничестве начальника авангарда арабского отряда Абдуррахмана-ибн-Раби.

После этого Сурака ибн-Амру сформировал несколько отрядов, из которых один под начальством Бакра ибн-Абдаллаха двинулся в Муганскую степь, другой под командой Хабиба ибн-Масламы, захватив Армению и Ширван, направился к Тифлису. Третий же, имея во главе Хафиза ибн-Асада, двинулся в нагорные части Грузии, или, как выражается арабский летописец, в горы Аланские (Джибаль-уль-Лан) [7]. Грузинские летописи говорят о сильном страхе и растущей молве о неведомых ранее завоевателях. Натиск арабов был стремителен и ошеломляющ: все князья северной Армении, Грузии и Кавказа согласились заплатить Хабибу ибн-Масламе дань, чтобы обезопасить свои страны от разрушений [8]. Между Арабским Халифатом и

Византией был подписан трактат, согласно которому часть Грузии переходила под власть халифа Муавии [9].

Вход в Дарьяльское ущелье арабами назывался Аланскими воротами (Баб-уль-Лан) [10], а смежные горы – Аланскими. Весьма вероятно предположение, что отряд Хазифа ибн-Асада направился на территорию расселения южных осетин. Вскоре командующий всеми войсками на Кавказском театре войны Сурака ибн-Амру скончался, а на его место был назначен Абдуррахман ибн-Раби, который в союзе с Шехриаром предпринял набег на Дербентскую теснину. Но это предприятие закончилось печально для арабов: они получили от хазар неожиданный отпор; в этом походе Абдуррахман ибн-Раби погиб [11].

Средневековый арабский географ Мас'уди дает подробное описание одной из неприступных крепостей-замков, которую захватил Маслама: «Между царством аланов и горами Кабх [12] есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «крепость Алан»... [13]. Далее Мас'уди сообщает, что крепость была построена древним персидским царем Исбендияром, сыном Гистапа, и что в персидской народной поэзии сохранилось предание, как Исбендияр строил этот неприступный замок. Он был воздвигнут высоко среди скал, «и не было средств захватить его и даже пройти к нему без соизволения находящихся в нем». При персах в крепости размещались стражники, в обязанности которых входила защита дороги, ведущей в Закавказье, от аланских нашествий. А «для этих народов не было иной дороги как через мост, над которым господствовал замок». В центре укрепления, на вершине скалы, бил чистый горный родник, что обеспечивало укрепление запасом питьевой воды в случае его осады, «так что эта крепость – одна из крепостей, знаменитых в целом свете по своей неприступности». Скорее всего, после персов крепость стала использоваться аланами для контроля над Дарьяльским проходом. Отвоевав эту цитадель, Маслама поставил в ней арабский гарнизон, который снабжался продовольствием из Тифлиса, находящегося в пяти днях пути от крепости [14]. Аланы были восприняты арабами как «неверные-кяфиры» и обложены подушной податью – джизьей [15]. Можно предположить, что и сборщики податей останавливались в этой крепости в Дарьяльском ущелье, поскольку «хотя бы один человек был в этой крепости, он отразил бы всех царей кяфирских, если бы они проехали у этого моста, благодаря воздушной позиции, командующей разом над дорогой, мостом и долиной» [16].

Осетины в Кавказской политике Ирана

Как правило, осетины рассматривались персами в качестве единомышленников и единоверцев. Хотя в отдельные периоды все обстояло иначе. Вооруженные вторжения иранцев в основном затрагивали восточную часть Северного Кавказа, но не оказались в стороне от персидских притязаний и его центральный и западный районы. Особенно, если учесть, что Персия по-прежнему вела борьбу за свое доминирование в Закавказье.

В XVII в. эти походы были усилены включением в состав военных отрядов персов тюркских наемных подразделений.

В начале XVII в. Грузия долго сопротивлялась попытке Ирана установить над ней свой протекторат. В 1614 г. войска правителя государства Сефевидов шаха Аббаса I [17] вторглись в Нагорный Карабах. Угрожая войной, шах Аббас потребовал от царя Кахетии Теймураза выдать ему в качестве заложников царевичей Александра и Левана, а через некоторое время и его мать Кетеван.

Теймураз согласился на эти условия, полагая, что такой ценой он избавит страну от персидского вторжения. Однако, воспользовавшись незначительным предложением, шах Аббас начал поход на Кахетинское царство.

Прежде чем начать боевые действия в Кахетию были направлены провокаторы, которые распространяли слухи, что Аббас желает лишь одного – чтобы Теймураз сдался в плен, а народу никакого вреда причинено не будет. Силой и хитростью были оккупированы Картли и Кахети. Многие города Грузии были превращены в руины. Кызылбаши («красноголовые», получили свое название за то, что имели отличительный знак – чалму с двенадцатью красными полосами) – объединения тюрков-кочевников, составлявшие главную военную силу шаха [18], угнали 30 000 пленных, среди которых были и осетины.

По дороге Чми-Кани-Карца войска шаха Аббаса вошли в Алагирское ущелье. По некоторым данным, они сумели продвинуться лишь до Зарамага, а затем вследствие сопротивления, оказанного осетинами, были вынуждены уйти в Предкавказские степи [19]. В истории Дагестана говорится, что шах Аббас не смог пройти в Кабарду из Дарьяльского прохода, поскольку «не нашел дороги» [20]. Осетинские народные предания повествуют о том, что шах Аббас побывал как в Алагирском, так и в Куртатинском ущельях: в Алагире осетины оборонялись от персидских войск в Нузале, сбрасывая с гор камни и обливая осаждающих их персов кипятком. Войска Аббаса обстреляли из пушек древний монастырь Дзивгиш на р.Фиагдон в Куртатинском ущелье, а затем подожгли его. Осетины отступили вглубь ущелья до крепости Хилак, но крепость была взята наступающими вследствие внутренней измены среди осетин [21]. В ряде мест горной Осетии на протяжении последующих веков скальные выступы носили название «шахнад» («След шаха») [22].

Аббас назначил правителем Кахети принявшего ислам двоюродного брата Теймураза Иса-хана. Для поддержки нового мусульманского правителя были оставлены отряды кызылбашей. Однако вспыхнувшее восстание смело с политической арены и самого Ису, и кызылбашей, на мечях которых держалась его власть. Угрожая стереть Кахети с лица земли, в 1616 г. шах Аббас вновь вторгся в Грузию. «Картлис цховреба» говорит, что в неравной борьбе сто тысяч грузин и их союзников пало на поле битвы, еще столько же было угнано в плен [23]. Шах Аббас приказал разрушить города, крепости, церкви и монастыри. По всей стране вырубались виноградники и фруктовые сады. Цветущая Кахетия покрылась развалинами и могилами, а население страны

сократилось на две трети. Иранцы переселяли в Кахети тюркские кочевые племена, на развалинах христианских храмов шах Аббас приказал возводить мечети.

Христианская церковь на Кавказе не была уничтожена иранцами полностью, но ее иерархи вынуждены были все свои шаги согласовывать с персидской властью, выражая всячески свое верноподданничество. Шахи давали добро на утверждение грузинских католиков. А последние, чтобы согласовать те или иные вопросы своей деятельности, направляли послания с просьбами в Персию.

Подтверждением этому служит фирман шаха Сефи (наследовавший в 1627 г. шаху Аббасу I его внук) на имя грузинского католика Захарии: после витиеватых приветствий шах Сефи сообщал, что «при дворе убежища вселенной» получены направленное от Захарии письмо с просьбой и «несколькими ястребами и несколькими выюками эдемского вина.., чем доказываете вы искреннюю и непоколебимую к нам верность и преданность...» [24]. Шах Сефи также стремился пройти через Дарьяльский проход на территорию Осетии и Кабарды, но, как сообщает Б.В. Скитский, «был остановлен дагестанскими народами» [25].

Персы и кызылбаши установили практически полный контроль над Грузией, превратив ее в лоскутное государство, угрожая отсюда и осетинским владениям. Царь Карталинии Луарсаб II был замучен в застенках «красноголовых», правитель Кахетии Теймураз и его наследники лишились трона, и он был вынужден скрываться в Имеретии. Тогда грузины обратили свое внимание на усиливающуюся в кавказских пределах единоверную Россию. «Картлис цховреба» рассказывает о том, как Теймураз решил направить своего внука, малолетнего царевича Ираклия, со свитой в Россию. На перевалах Кавказского хребта на кортеж напали абреки, они перебили почти всю свиту и забрали навьюченных поклажей лошадей. Но спасшийся Ираклий все-таки добрался до Москвы и долго жил при дворе русского царя Алексея Михайловича. Вслед за Ираклием в Россию отправился и сам Теймураз [26]. Первым из грузинских царей он просил у русского царя денежной и военной помощи. Однако Россия пока еще была слаба для того, чтобы вести большую войну с Ираном и Турцией.

Несмотря на то, что открытая военная и финансовая поддержка Теймуразу оказана не была, иранцев все больше беспокоит усиливающееся на Кавказе влияние Российской Империи. В 1652 г. правитель Ирана Шах Аббас II предписал хану Шемахи Хусреву разорить русский городок на Сунже, а затем начать наступление на Терский городок в Кабарде. Дальнейшая история буквально насыщена сведениями об осетинско-иранских взаимоотношениях под углом борьбы за Кавказ России и Персии. На протяжении еще почти ста лет Иран удерживал свое влияние на Грузию: до середины XVIII в. персидские шахи жаловали земельные наделы (мульки [27]) своим воинам [28], назначали правителей (маликов [29]) на царствование в Картли [30], Гори [31] и другие области, продолжали взимать разорительные налоги с населения [32].

До падения династии Сефевидов в 1736 г. назначаемые на царствование в Грузии малики и знатные роды, состоящие у персов на службе, получали ежегодно денежное содержание и подарки от шаха. Они имели пожалованные имения в Персии, доходы от

которых ежегодно доставлялись в Грузию. Грузинские цари обязаны были один раз в семь лет отдавать персидскому шаху семь пленных девочек и мальчиков [33]. Автору не удалось найти точных сведений, с какой целью направлялись пленники в Персию. Но можно предположить, что это были дети из знатных грузинских фамилий, которые воспитывались в Персии как аманаты и могли оказывать после своего возвращения влияние на внешнюю политику Грузии в нужном для персов направлении.

К концу правления сефевидов Грузия (а соответственно, и сопредельная Осетия) не испытывали давления в сфере религиозной жизни. Короткий период правления Османской империи, вытеснившей из Грузии персов, оказался более жестоким. Взятие большого числа пленных-рабов, ужесточившаяся налоговая система и смена всего устоявшегося строя общественной жизни были направлены на то, чтобы «Грузию обратить в магометанский закон» [34]. Но турецкое правление было недолгим. Надир-шах [35], изгнавший Османов из Грузии, признал царем Кахетии и Карталинии Александра Багратиони. Вновь были введены «порядки Персидские»: грузинские цари, князья-эриставы и чиновники получали жалованье от шаха. По приказу шаха были собраны грузинские войска для охраны государственных границ. Им выплачивалось денежное довольствие от грузинских доходов, в случае недостатка последних военная казна пополнялась из казны шаха. Надир-шах обратил внимание на то, что Грузия подвергалась частым нападениям лезгин. Для охраны от этих вторжений ежегодно из Персии стали присылать военачальника-сердара с войсками, содержащимися за счет персидской казны. Мальчики и девочки в правление Надир-шаха были взяты в качестве аманатов лишь однажды. После его смерти в 1747 г. «ослабло Персидское государство и Грузия учинилась свободною» [36].

Окончательное утверждение российского господства в Грузии в 1784–1801 гг. было встречено Ираном с большим негодованием. В момент подчинения Россией Грузии Персия обратила особое внимание на народы Северного Кавказа, в первую очередь на Осетию и Кабарду.

Осетины на линии противостояния Иран–Россия

Устанавливая свое господство на Кавказе в конце XVIII – первом десятилетии XIX в., Россия учитывала особое влияние в регионе Турции и Ирана и вовлеченности в сферу их интересов Грузии. Это был наиболее важный геополитический треугольник, поскольку «прочие же сопредельные владельцы и народы более или менее движутся влиянием помянутых трех держав» [37].

Османская империя в этот период меньше беспокоила Россию, так как была занята решением многочисленных внутренних проблем. Российский чиновник Ковалевский, направленный на Кавказ для изучения общего состояния края, в 1801 г. так характеризовал положение Турции по отношению к кавказским владениям: «в бытность мою не токмо не замечено было подсылщиков к Лезгинским и другим горским, единого исповедания народам, но и пограничные паши ее, со времени прибытия моего в Грузию, начали оказывать царству сему примерную благонамеренность и

искренность» [38]. Таким образом, в начале XIX в. Турция практически не влияла и на осетинско-русские отношения. Совсем по-другому обстояли дела с Ираном.

Тридцатилетнего правителя Персии Фатх-Али-шаха (или Баба-хана, как звали его приближенные) русские считали человеком мягким, «к великим предприятиям не способным». Однако он был окружен многочисленными советниками и наставниками, имеющими четкую линию в проведении внешней политики. Наиболее важное место среди них занимал визир Мирза-Риза-Кули; «человек молодой, гордый и жестокий» [39]. Мирза-Риза-Кули сумел собрать подробные данные о состоянии Грузии. Все говорило о том, что внутренняя стабильность в стране потеряна, среди грузинского царствующего дома произошел раскол и часть его готова выступить против России на стороне Ирана. В целом же в связи с присоединением к России царские династии Грузии были ослаблены, а ближайшими союзниками русских стали крупнопоместные феодалы – эриставы. Аналогичное явление наблюдалось в Грузии в период монгольских завоеваний.

В конце 90-х гг. XVIII в. войска Фатх-Али-шаха требовали от царя Кахетии и Карталинии Георгия XII (Ираклиевича) [40] разорвать отношения с Россией. В подтверждение требований Персия направила многотысячное войско на границу с Грузией, в страны Закавказья. Такие маневры совершались впоследствии неоднократно вплоть до начала русско-персидской войны в 1804 г. [41]. Подтверждением внутренней нестабильности в Грузии послужил переход в 1801 г. на сторону персов царевича Александра Ираклиевича, который затем долгие годы выступал на Кавказе возмутителем спокойствия для русских. Его влияние тем более усиливалось, что царевич Александр «...был весьма предан нравам и обычаям азиатских народов, а при том и почтен за храбрость и неусыпность, большую имеет поддержку во всех народах, окружающих здешнее царство» [42]. Павел I, отдавая в 1800 г. распоряжения об устройстве Грузии генерал-лейтенанту Кноррингу, требовал найти компромисс в отношениях с Александром [43]. Однако, в связи со скоропостижной смертью Павла I, проект высочайшего прощения царевича Александра так и не был реализован, и на долгие годы он остался врагом России на кавказском направлении. Да и сам генерал Кнорринг «вследствие жалоб на слабое управление» был заменен российским императором Александром I в 1803 г. генерал-лейтенантом князем Павлом Цициановым [44]. А ближайшими союзниками царевича Александра в Грузии стали царевичи Юлон и Парнаоз [45]. Осетины, проживающие на южных склонах Кавказа, «будучи подкрепляемы царевичем Юлоном, что он им даст помощь», также выступили в поддержку царевича и убили эристава Мачабели, за что генерал-майор Лазарев «отрядил подполковника Симоновича их усмирить» [46].

В мае 1803 г. к Фатх-Али-шаху прибыли делегаты от двенадцати крупных городов Закавказья с просьбой о помощи и защите от российских войск, которые «намерены все их города взять и присоединить к России» [47]. Шах обещал оказать им содействие. Из Тегерана с призывами на борьбу против русских направлялись тайные гонимые в Тифлис, Нахичевань, Ереван. Одновременно фирманы Фатх-Али-шаха

доставлялись к тагаурцам, дигорцам, южным осетинам, кабардинцам, лезгинам, чтобы «возбудить к единовременному с разных сторон содействию и окрестных владельцев извне» [48]. Фирманы возвещали о скором походе шахских войск в Грузию и «истреблении русских гяуров» [49]. Правитель Персии и те, кто им правил на самом деле, требовали от бегларбега [50] Еревана Мухаммада-хана, чтобы он выступил посредником между Персией и Россией.

Согласно полученному фирману, Мухаммад-хан должен был направить доверенного человека в ставку русских войск в Грузии и сообщить «полководцу и предводителям того вероломного племени, чтобы они убрали свою руку из иранского вилайета и вернулись на свою родину» [51]. При этом персидская сторона высказывала негодование по поводу того, что «русские, всегда занимавшиеся торговлей и коммерцией, преступили свою границу» [52]. Фатх-Али-шах требовал, чтобы русские войска были выведены из Грузии, а неповиновение этому требованию, говорилось в фирмане, станет причиной того, что свою столь древнюю державу они предадут беде, свою страну перевернут вверх дном и народ той страны сами погубят и уничтожат [53].

Готовясь к войне с Россией, Персия старалась найти себе союзников; в антирусскую коалицию пытались вовлечь Турцию и Англию. Фатх-Али-шах отправил с английским посланником через Багдад казвинского купца Хаджи-Халиля, которому было поручено доставить в Персию 300 мастеровых, искусных в построении морских судов и в подготовке всего необходимого для их вооружения. Фатх-Али-шах обещал английскому консулу, что если этот его заказ будет выполнен, то он позволит англичанам торговать в Бендер-Аббасе и шести других портах своей страны. Второе обещание, данное Фатх-Али-шахом англичанам, заключалось в том, что он не будет совершать военных походов против афганцев, которые «только одною войной с ним удерживаются от впадения в Индустан», и в таком случае афганцы смогут совершать вторжения в Индию и, ослабив ее, позволят закрепиться здесь Англии [54].

Таким образом, российско-иранское противоборство за Кавказ оказалось причиной для нового расклада на геополитической карте Ближнего и Среднего Востока.

Накануне войны, последовавшей за вводом русских войск в Гянджу, к персидским войскам присоединились 600 лезгин, а также подразделения, состоящие из тушинских, пшавских, хевсурских и осетинских войск [55]. Численность последних автору установить не удалось. 23 сентября 1804 г. грузинский архимандрит Виссарион писал ксанскому эриставу Михаилу Эристову, что царевич Парнаоз с большим войском остановился во внутренней Грузии (Мтиулетии). В составе его войск, по сообщению Виссариона, находились подразделения «из гор и равнин», в том числе и «все тагаурские князья и дворяне» [56].

Куртатинцы, которым наряду с тагаурцами направлялись высочайшие фирманы, участвовали в «чинении всяческих препятствий», а также похищении русских военных и отправке их в Закавказье и Персию. После одного из приемов у ереванского бегларбега Мухаммад-хана российскому титулярному советнику

Генцаурову стало известно, что в город доставлены двое русских пленных. Генцаурову удалось установить, что это – егеря 17-го Егерского полка Кавказской армии, попавшие в плен во время сбора груш в лесу. Они были схвачены куртатинцами, ограблены и переданы дальше для отправки в Персию [57]. Такие случаи были не редки [58]. Царевич Александр слал одно за другим письма к осетинам на южные и северные склоны Кавказа. Рассказывая о своих перемещениях и победах в составе персидских войск, он не переставал требовать от осетин оказывать всяческие препятствия продвижению противника. В одном письме, в частности, говорилось: «Теперь, как вы доселе трудились, надеемся, что и еще больше потрудитесь... Ваши дороги вы должны так охранять, чтобы никого не пропустить ни с этой, ни с той стороны хребта» [59]. Далее осетинам сообщалось, что о «всяческих милостях» им сообщит брат Александра царевич Парнаоз.

Безусловно, не все осетины разделяли симпатии к Ирану. В 1804 г. в Тегеране содержались представители «осетинского племени», которые были захвачены в плен за их выступления на стороне русских. Благодаря тагаурцев, дигорцев и черкесов за поддержку персидских войск в 1804 г., «во внимание к тому, что (они)... оказали блистательные заслуги нашей державе и, сражаясь с гяурами Русскими, разорили им пути прохода», Фатх-Али-шах давал им обещание освободить 10 пленных осетин и отправить их на родину. «Да послужит эта милость доказательством нашей к вам благосклонности...», – говорилось в фирмане шаха. Далее, обращаясь к тагаурским старшинам, Фатх-Али-шах продолжал требовать: «Будучи обнадежены нашей милостью, не переставайте продолжать неумолимые ваши сопротивления русским; старайтесь прежде всего ломать мосты и портить их дороги, так, чтобы никому из них не представлялось пути к спасению. Одним словом, не допускать их утвердиться в этих местах» [60].

В то время как Персия делала ставку на кавказские народы, в том числе на осетин и кабардинцев [61], российские военные аналитики оценивали их политическую роль в общекавказском раскладе не очень высоко: за четыре предыдущих года Россия успела достаточно сильно укрепить свое военное присутствие на Кавказе. В своей докладной записке Ковалевский писал, что «кистинцы, осетинцы, дигорцы и прочие, соединения между собой не имея, не могут быть вредны для Грузии, кроме мелочных впадений или разбоев, исключая живущих в Кавказских дефилях, где ведет дорога в Россию» [62]. Поэтому главное внимание рекомендовалось уделить тагаурским фамилиям, живущим на входе в Дарьяльское ущелье, оказывать им «всевозможные обласкивания», а по возможности назначать небольшие пенсии от имени российского государя.

Таким образом, российская власть обеспечивала себя союзниками по охране Дарьяльского прохода. Та часть тагаурцев, которая не пошла на компромисс с русскими, возможно, дольше бы оказывала сопротивление, если бы в октябре 1803 г. Тагаурия не оказалась подвержена чумной эпидемии. Болезнь в тагаурские селения привезли возвратившиеся из хаджа в Мекку мусульмане. Некоторые из жителей в страхе

покидали родные жилища и перебирались в другие общества Осетии. Другие же отказывались покидать родные места, вымирая целыми селениями. В результате «отверзто стало Тагаурское ущелье непримиримым их врагам Кистинцам и Ингушевцам...» [63]. Князь Цицианов, используя сложившийся момент, купил у тагаурского владельца Дударова его земли, расположенные на стратегически важном месте. Тагаурские земли, как и сами тагаурцы, оказались задействованы в реализации «Проекта Александра пути, или дороги, ведущей с Кавказской линии в Грузию» [64]. Так начиналось строительство Военно-Грузинской дороги.

Грузинский царевич Александр Ираклиевич еще на протяжении более чем десяти лет продолжал слать тагаурцам и дигорцам письма, надеясь на то, что сможет при поддержке кавказских народов вернуть утраченные владения. Осетины еще неоднократно поднимали восстания и выступали сторонниками персидской, а не русской политики на Кавказе [65]. Персидские шахи также направляли осетинам, кабардинцам и чеченцам [66] фирманы с обещаниями всяческих милостей и требованиями оставаться «твердыми в исламе и неизменными в служении и преданности» [67] персидскому двору. В 1825 г., на очередном витке обострения русско-иранских отношений, в мечетях Ирана муллы сопровождали свои проповеди рассказами о несчастьях угнетенных кавказских мусульман [68]. Но это уже не могло изменить политический расклад, говорящий в пользу российского доминирования на Кавказе. Линия противостояния Россия–Иран постепенно смещалась в область собственно российско-северокавказского противостояния.

По завершении Большой Кавказской войны в 1859 (на Северо-восточном Кавказе) – 1864 гг. (Северо-Западном Кавказе) часть осетин (как мусульман, так и христиан) была выселена в Турцию. Среди мусульманской части населения Осетии закрепилась суннитская правовая школа. В силу исторических причин шиитский толк ислама (т.н. «персидский ислам») осетинами не был принят.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. во Владикавказе были построены две мечети, одна из которых получила среди населения название «Суннитской», а вторая – «Шиитской», или «Персидской». Обе эти мечети сохраняются по сей день, как и память о существовавшей в Владикавказе до 1917 г. довольно многочисленной персидской общине.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1958. С. 47.
2. Поэма об Алгузе. М., 1993. С. 16.
3. Миллер Всеволод. Осетинские этюды. (Репринтное издание с Ученых записок императорского Московского университета. В. I–III. М., 1881–1887). Владикавказ, 1992. С. 422.

4. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 42.
5. Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. С. 47.
6. Для наглядности приведем небольшой отрывок из учебника по религиоведению, рекомендованного для изучения в средних школах Министерством образования РФ. “Те, кому приходилось путешествовать по Северному Кавказу, в районах, населенных осетинами и ингушами, встречали на своем пути странные города. В горах, довольно далеко от селений, раскинулись на большой площади маленькие домики, сложенные из камня, издалика напоминающие улы. Когда вы подходите ближе, убеждаетесь, что эти города пусты. В окошках домов в полутьме можно различить человеческие останки: черепа, обветренные и потемневшие кости... Эти “города мертвых” – отголоски погребального обряда очень древней религии, распространившейся в эти районы из древней Персии... Сохранившийся у них обычай хоронить умерших в таких каменных склепах, не закапывая покойника, а оставляя тело на воздухе, не связан с нынешними религиозными традициями”. См.: Кулаков А.Е. Религии мира: Пособие для учащихся. М., 1997. С. 107.
7. Баратов С. История Грузии. Тетр. III. История средних веков: от нашествия аравитян до освобождения от владычества сельджуков. СПб., 1871. С. 37.
8. Lebeau. Histoire de Bas-Empire. Tom XI. P. 335. Цит. по. Баратов С. История Грузии. Тетрадь II. СПб., 1871. С. 76.
9. Баратов С. История Грузии. Т. II. История средних веков: от принятия христианства до нашествия аравитян. СПб., 1871. С. 77.
10. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972. С. 245.
11. Туманский А.Г. Арабский язык и кавказоведение: Публичная лекция на Тифлиских высших курсах по Кавказоведению, читанная 6 ноября 1910 г. Тифлис, 1911. С. 30- 35.
12. Так арабы называли Кавказские горы.
13. Хрестоматия по истории осетинского народа. Т. I. С древнейших времен до 1877 г. Сост., предисл., примеч. И указатели Санакоева М.П. Цхинвал, 1993. С. 76.
14. Караулов Н.А. Сведения... // СМОМПК. Вып. 28. Тифлис, 1900. С. 53–54.
15. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 87.
16. Караулов Н.А. Сведения... // СМОМПК. Вып. 28. Тифлис, 1900. С. 53–54; Хрестоматия по истории осетинского народа. Т. I. С древнейших времен до 1877 г. Сост., предисл., примеч. и указатели Санакоева М.П. Цхинвал, 1993. С. 76.
17. Шах Аббас I (1571–1629) правил Персией с 1587 г.
18. Во второй половине XIX в. в Закавказье продолжали сохраняться поселения кызылбашей-шиитов. См.: Мухаммед Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Перев. с араб. А. Барабанова. Ч. II. Махачкала, 1990. С. 33.

19. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972. С. 314.
20. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958. С. 10; Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (По русским архивам). М., 1987. С. 57.
21. Пфаф Б. Материалы для истории Осетин. // ССОКГ. Вып. V. С. 96.
22. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. С. 314.
23. Григолия К. О чем поведала “Картлис цховреба”. С. 98–99.
24. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. I. Ч. I. Фирманы персидских шахов. С. 18.
25. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972. С. 314.
26. Григолия К. Указ. соч. С. 100–101.
27. Мульк (араб.) – собственность, владение, унаследованное или купленное на деньги, и другое недвижимое имущество. В персидских документах унаследованное поместье называется “мульк-и мовруси”, а купленное на деньги “мульк-и зархарид”. “Мульком” называлась земельная рента, уплачивая помещику или малику. См.: Персидские документы Матенадарана. Т. I. Указы XV – XVI вв. Сост. А.Д. Папазян. Ереван, 1956. С. 232, 234.
28. В 1749 г. Ибрахим-шах пожаловал владения Отара Мдивани своему приближенному – амиршикарбаши (от араб. “амир”, перс. “шах-и кяр” и тюрк. “баши” мы переводим как “эмиру военных наемников”) Ага беку. См.: Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. Сост. Тодуа М.А. и Шамс И.К. Тбилиси, 1989. Д. 52. С. 83.
29. Малики – собственники, владельцы мульков.
30. Тбилисская коллекция.... Т. II. Д. 23.
31. Тбилисская коллекция.... Т. II. Д. 26, 27.
32. Тбилисская коллекция.... Т. II. Д. 23. Д. 28.
33. Сведения о Грузии 1801 г. // АКАК. Т. I. С. 344.
34. Сведения о Грузии 1801 г. // АКАК. Т. I. С. 344.
35. Надир-шах Афшар (1688–1747), правил в Иране с 1736 по 1747 г.
36. Сведения о Грузии 1801 г. // АКАК. Т. I. С. 344.
37. Записка статского советника Ковалевского о Грузии // АКАК. Т. I. Д. 34. С. 111.
38. Записка с.с. Ковалевского о Грузии // АКАК. Т. I. С. 111. Д. 34.
39. Мирза-Риза-Кули отличился тем, что в сентябре 1804 г. арестовал в Эчмиадзине патриарха армянской церкви Даниила за его приверженность русским и утвердил на его место Давида. Патриарх Даниил был увезен в Персию и находился там некоторое время в заточении, а потом был вновь возвращен на эчмиадзинский престол. См.: АКАК. Т. I. С. 114.
40. Георгий XII (1746–1800), сын Ираклия II, последний царь Картли-Кахети (с 1798 г.). Просил императора Павла I принять Грузию в российское подданство.

41. Война окончилась победой русских войск, занятием ими территории Северного Азербайджана и подписанием Гюлистанского мирного договора в 1813 г.
42. 42 Замечания генерал-майора Лазарева в рассуждении всех современных обстоятельств в Грузии // АКАК. Т. I. Д. 129. С. 184–185.
43. АКАК. Т. I. Ч. II, разд. V.
44. Павел Дмитриевич Цицианов (впоследствии генерал от инфантерии) находился на должности инспектора Кавказской линии, Астраханского военного губернатора и главноуправляющего в Грузии 3 года и 5 месяцев.
45. Опальные грузинские царевичи после неудачных попыток переворота, как правило, скрывались в Дагестане. Со стороны Ирана велись переговоры с дагестанскими владельцами, снабжение их деньгами. В 1818 г. под эгидой Ирана на территории Дагестана был заключен союз трех ханств: Мехтулинского, Аварского и Казикумухского для свержения российской власти в Дагестане. См.: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2000. С. 131.
46. Письмо генерал-майора Лазарева к генерал-лейтенанту Кноррингу от 17 февраля 1802 г. // АКАК. Т. I. Д. 452. С. 350.
47. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. С. 1059.
48. Записка с.с. Ковалевского о Грузии // АКАК. Т. I. Д. 34. С. 115.
49. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. С. 1059.
50. Так назывались ханы и амиры, властвовавшие в пограничных областях или наместничествах Сефевидского Ирана. (Арабский синоним “амир ул-умара”, персидский – “мир-и миран”). Пограничные наместничества назывались бегларбекствами и были призваны во время опасности объединять вооруженные силы соседних ханств, а последние должны были подчиняться бегларбеку как главнокомандующему. См.: Персидские документы Матенадарана. Вып. I. Указы XV–XVI вв. Сост. А.Д. Папазян. Ереван, 1956. С. 226.
51. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. Д. 78. С. 112.
52. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. Д. 78. С. 112.
53. Там же.
54. Рапорт генерал-консула Скибинецкого от 1 мая 1801 г. за № 208 // АКАК. Т. I. Д. 973. С. 683.
55. Рапорт помощника Борчалинского пристава прапорщика Кананова князю Цицианову от 18 июля 1804 г., № 232 // АКАК. Т. I. Д. 222. С. 135.
56. Письмо архимандрита Виссариона к князю Михаилу Эриванскому от 23 сентября 1804 г. // АКАК. Т. I. Д. 238. С. 140.
57. Рапорт титулярного советника Генцаурова генерал-лейтенанту Кноррингу от 1 октября 1802 г. – из Памбак // АКАК. Т. I. Д. 846. С. 621.
58. Проблема похищения людей обращала на себя внимание даже самого российского императора. Александр I в рескрипте генерал-лейтенанту Кноррингу от 16 декабря 1802 г. писал: “К большому моему неудовольствию., вижу я, что весьма

- усиливаются на Линии хищничества горских народов и противу прежних времен несравненно их более случается: то не могу приписать иному, как послаблению и неисправности кордона нашего; рекомендую вам войти в исследование настоящих тому причин и, не упуская времени, предпринять нужные меры к восстановлению тишины и спокойствия на Линии...”. См.: Рескрипт от 16 декабря 1802 г. // АКАК. Т. I. Д. 1115. С. 753.
59. Письмо царевича Александра от 25 августа 1804 г. // АКАК. Т. II. Д. 311. С. 167.
60. Фирман Фетх-Али-шаха всем старшинам общества Каракал-хана, Осетин и Черкесов от шабана 1219 (1804 г.) // АКАК. Т. II. Д. 1686. С. 818.
61. В фирмане Фатх-Али-шаха ко “всему черкесскому народу” от 1804 г., в частности, говорилось: “...Дошло до нашего сведения, что все черкесские мусульмане, движимые чувством рвения к выгодам ислама и по преданности к нашему двору, загородили пути прохода этому племени (т.е. русским гяурам, как это следует из вышеизложенного текста. – Н.Е.) и произвели кровопролития между ними. А как ныне со стороны вашего общества оказались такие блистательные заслуги, то высочайшая наша воля состоит в том, чтобы удостоить вас должного за это воздаяния, а потому повелеваем отправить к нашему двору двух-трех человек из высших черкесских фамилий, дабы они, удостоясь лично здесь наших монарших милостей, всегда доводили до нашего сведения о тамошних обстоятельствах и ваших нуждах...” См.: Фирман Фетх-Али-шаха всему Черкесскому народу от рамазана 1219 (1804 г.) // АКАК. Т. II. Д. 1688. С. 819–820.
62. Записка с.с. Ковалевского... // АКАК. Т. I. С. 122.
63. Всеподданнейший рапорт князя Цицианова от 27 октября 1803 г., № 101 // АКАК. Т. II. Д. 422. С. 228.
64. Проект Александрова пути, или дороги, ведущей с Кавказской линии в Грузию // АКАК. Т. II. С. 224–225.
65. В 1810 г. южные осетины выступили на стороне Левана – сына царевича Юлона, как и отец, “прилепившегося к персам”. Представители российской власти, попытавшиеся убедить осетин помочь в поимке царевича, были обескуражены тем, что “...эти осетины, которые клялись нам быть ревностными исполнителями нашего приказания.., сами теперь сделались главнейшими мятежниками”. В связи с этим, по приказу Тормасова, взятого в плен осетина Папа Цховребашвили повесили без суда в Цхинвали, еще шесть человек казнили в соседних осетинских селениях для острастки бунтовщиков. Селения, жители которых вступали в сношения с Леваном, были разорены. См.: Предписание генерала Тормасова генерал-майору Ахвердову от 5 августа 1810 г. за № 53. – Лагерь при р. Кции // АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. Д. 640. С. 461. Через некоторое время Левану предложили убежище дигорцы, но это стало известно русским и возможность побега через Дигорию была пресечена. См.: Рапорт генерал-майора Ахвердова генералу Тормасову от 17 августа 1810 г. за № 50 // АКАК. Т. IV. Д. 147. С. 112. Тифлис, 1870.

66. В 1812 г. чеченцы-кистинцы приняли участие в Кахетинском восстании, организованном царевичем Александром. В связи с этим 4 июня 1813 г. была организована карательная экспедиция полковника Тихоновского; русская военная колонна на протяжении более чем 12 км гнала кистин вниз по Аргуну, разоряя их аулы. См.: Сведения о царевиче Александре Ираклиевиче // Терские ведомости. № 125 за 30 октября 1909 г. С. 3.
67. Фирман Фетх-Али-шаха к кабардинским, чеченским и осетинским князьям, бекам, узденям, старшинам и народу, от джемади-эс-сани 1219 (1804 г.) – перс. и русск. тексты // АКАК. Т. II. Д. 1689. С. 820–822; Воззвание Аббас-мирзы к тагаурам от 02.VIII–1810 г. // Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. II. Д. 121. С. 168–170.; Воззвание Аббас-мирзы к осетинам от 30.IX–1810 г. // Там же. Д. 123. С. 172–173.
68. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2000. С. 176.

П.М. Алибекова

Персидский язык и литература в Дагестане

Дагестан на протяжении многих столетий входил в ареал функционирования восточных культур. Дагестанская культура развивалась в сложном контексте арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной культур. Активные политические и социокультурные взаимодействия двух регионов, взаимовлияние и взаимообогащение двух культур – это те вопросы, которые всегда будут вызывать исследовательский интерес.

По решению 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2001 год был объявлен Годом диалога цивилизаций. Это предложение было выдвинуто в 1998 г. президентом Исламской Республики Иран Саййед Мухаммадом Хатами. Им была предложена новая программа культурного диалога с Западом, которая получила международное одобрение.

Как сказал президент ИРИ в докладе на I национальном конгрессе иранистов (Тегеран, 2003): «Иран, страна, открытая для диалога культур. Иранистика – это окно, открытое для того, чтобы слышать, знать и говорить. Это окно должно быть еще шире открыто перед миром»¹.

Известно, что исторические связи Дагестана и Ирана уходят в глубь веков. На протяжении многовековой истории, начиная с III в., со времен правления царей Сасанидской династии вплоть до походов Надир-шаха (1730 – 1747), Дагестан не переставал быть объектом стратегических планов иранской политики. В сферу наибольшего влияния Ирана входил Южный Дагестан, и особенно Дербент. В целях упрочения своего положения иранские шахи назначали правителями Дербента и сопредельных территорий своих ставленников, переселяли в Южный Дагестан большое

¹ Выступление президента Исламской Республики Иран С.М. Хатами на Первом национальном конгрессе иранистов в Тегеране. Иран сегодня. М., 2003. № 1. С. 2.

число семей из Ирана¹. Политика переселения иранцев на завоеванные территории и депортация местного населения в Иран, несмотря на трагизм ситуации, содержала в себе и позитивные моменты. Переселенные народы несли с собой и свою культуру, т.е. язык, литературу, обычаи, традиции, культуру быта и т.д. Происходило взаимовлияние и взаимообогащение культур. Мощным фактором, способствующим развитию культурных отношений и интеграции культуры разных народов, являются торговые отношения. Распространению персидского языка в дагестанской среде способствовали и торговые отношения дагестанских народов с Ираном. Дербент являлся узловым центром, через который шли торговые пути в Иран и другие восточные страны. В Дагестане, в частности, в Кизляре, в XVIII в. имелись поселения персидских купцов². Судя по документам, хранящимся в ЦГА РД, персидские переселенцы вели активную торговлю, имели свои лавки, магазины, придерживались национальных обычаев и традиций, проводили театрализованные представления по поводу смерти Хасана и Хосейна (шахсей-вахсей), отмечали наступление новруза и другие праздники.

Активное участие в транзитной торговле, к примеру, принимало население Казикумухского шамхальства. Казикумухцы ездили в Иран, покупали на иранских рынках шелк и изделия из шелка, продавали в Тереке, Астрахани, Кабарде, Крыму. Персидские купцы приезжали в Дербент, Астрахань, российские города со своим товаром (натуральные краски, благовония, серебро, ковровые изделия т.д.). Вся купеческая, деловая и дипломатическая переписка Дербента до середины XIX в. велась преимущественно на персидском языке³.

Иранское влияние на материальную и духовную культуру дагестанских народов носит многоаспектный характер и отличается своей многогранностью⁴. Результаты археологических исследований⁵, сохранившиеся до наших дней эпиграфические памятники⁶, свидетельствуют о степени значимости и роли персидского языка и о влиянии средневекового Ирана на культуру народов Дагестана.

Вместе с распространением ислама в Дагестан стала широко проникать восточная книжная культура. Образованию горцы придавали первостепенное значение. Почти повсеместно в селениях имелись мактабы, в наиболее крупных – медресе. По сообщениям

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1998. С.101, 108, 129, 312, 320; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала.1964. С. 25, 93.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. С. 374.

³ Часть писем на персидском языке, относящихся к XVIII, XIX вв., хранится в ЦГА РД (Центральный государственный архив республики Дагестан). Ф. 379. «Кизлярский комендант», оп.1, д. 112, 226, 289, 290, 355, 656; оп. 2, д. 232; оп. 3, д. 13а; Ф. 339. «Военная походная канцелярия генерал-лейтенанта Девица», оп. 1, д. 4, 6, 24, 26, 27, 28, 29, 47, 49.

⁴ Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 420-441.

⁵ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 65-129.

⁶ Нюберг Р.С. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. Вып. 5. № 8; Пахомов Е.А. О находке сасанидских надписей в Дербенте. Культура и письменность Востока. Кн. 4. Баку, 1929; он же. Пехлевийские надписи Дербента.-Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. Вып. 5. № 8; он же. К толкованию пехлевийских надписей Дербента.-Известия АЗГНИИ. Историко-этнографическое отделение. Баку, 1930. Т. I. Вып. 2; Нейматова М.Х. Надписи Дербента. Известия АН Аз ССР. 1955. № 11; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., Кн. I. 1966; Кн. II. 1968; Кн. III . 1980.

нарративных источников, медресе существовали в Дагестане, в частности, в Цахуре, еще в XI в.¹ Такие селения, как Ашты, Ицари, Ахты, Кубачи, Кумух. Хунзах, Обода, Согратль и многие другие, были культурно-религиозными центрами, средоточием образованности и научной мысли. Дагестанские ученые имели свои школы, куда съезжались ученики со всех концов страны. С именами таких ученых, как Шабан из Обода (ум.в 1667 г.), Мухаммад из Кудутля (ум. в 1717 г.), Дибир-кади из Хунзаха (ум. в 1817 г.), Саид из Аракани (ум. в 1834 г.), Хасан Алкадари (ум. в 1910 г.), Абусуфьян Акаев (ум. в 1931 г.) и многих, многих других связано развитие восточной рукописной традиции и создание оригинальной литературы на местных языках.

Большое распространение в Дагестане имела персидская рукописная книга. Об этом свидетельствуют описания и упоминания о частных библиотеках², мечетские книжные собрания³, персидские рукописи Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра⁴, собранные со всех концов республики. Редкая книжная коллекция не включала в себя великолепные образцы изящной словесности, как то стихи Хафиза, Саади, Низами, Джами, Камалы Ходжанди и др.

Собрание персидских рукописей, хранящихся в рукописном фонде ИИАЭ, уникально и отличается исключительным тематическим разнообразием. Здесь имеются сочинения по лексикографии, логике, поэзии, поэтике, медицине, суфизму, фикху, ритуалу, этике, письмовники, кораническая литература, Кораны с подстрочным переводом на персидский язык и т.п. Иначе говоря, представлены все жанры средневековой персидской литературы. Хронологические их границы охватывают XIV – нач. XX вв. Наибольшее количество рукописей приходится на XVII – XVIII вв. Ценный материал по истории распространения персидской книги в Дагестане дают имеющиеся на полях рукописей владельческие и дарственные надписи, оттиски печатей, вакуфные записи, комментарии.

Регион переписки, хранения и приобретения рукописей довольно обширен: Дагестан (Дербент, Ахты, Убра, Кумух, Кара, Чукна, Акуша, Алкадар, Цуруг, Кубачи, Хунзах), Азербайджан, Татария, Средняя Азия, Иран.

Надо сказать, что многие дагестанские алимь наряду с арабским и тюркским владели и персидским языком, причем настолько хорошо, что это позволяло им писать оригинальные сочинения на фарси и заниматься перепиской и переводами персидских сочинений. Потребность изучения фарси, в значительной мере, была вызвана желанием совершенствовать свои знания. В целях получения образования дагестанские ученые отправлялись как в арабские страны, так и в Иран.

¹ Шихсаидов А.Р. Книжные коллекции Дагестана. Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С. 8, 9.

² Тагирова Н.А. Библиотека Гасана Алкадари. Историко-литературное наследие Гасана Алкадари. Махачкала, 1988. С.112-120; Айтберов Т.М. Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана. Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С.144-161.

³ Козлова А.Н. Мечетские библиотеки- духовные центры ислама. Фундаментальные и прикладные вопросы естественных наук. Махачкала, 1994. Т. II. С.143.

⁴ Алибекова П.М. Каталог персидских рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2001. Вып. I; она же. Каталог персидских рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Кум (Иран), 2001 (на персидском языке).

В библиографических трудах дагестанских ученых XIX – нач. XX в. Хасана Алкадари, Али Каяева, Назира из Дургели перечисляются имена известных и малоизвестных дагестанских алимов, творивших с XVI по начало XX вв., в том числе и на языке фарси. Назовем несколько имен. Так, Дамадан, сын Якуба из Мегеба (ум. в 1724 г.), крупный ученый, автор трудов в области естественных наук, в частности, перевел с фарси на арабский «Комментарии к «Мукаддиму Улугбека»» Абдулла Али ибн Мухаммад Хусейна ал-Бурджанди¹.

Другой, не менее знаменитый алим XVIII в. – Мухаммадшафи из Хунзаха (1734-1817), известный как Дибир-кади, является автором лексикографических трудов «Маджму‘ ал-лугат» («Собрание слов») – персидско-тюркский словник; «Тибйан ал-лисан ли та‘лим ас-сибйан» («Изложение языка для обучения детей») – персидско-арабско-тюркский словник; «Джами‘ ал-лугатайн ли та‘лим ал-’ахавайн» («Собрание двух языков для обучения двух братьев») – персидско-арабско-тюркский толковый словарь. Этот труд является уникальным памятником письменной культуры, отразившим литературные традиции трех восточных языков. В словаре дана полная характеристика фонетического и грамматического строя персидского языка, персидские слова сопровождаются подробным толкованием, с указанием случаев их употребления. Все словарные статьи снабжены цитатами в прозе и в стихах, что придает большую ценность сочинению. При написании статей персидской части словаря Дибир-кади пользовался такими источниками как «Тафасир фи лугат ал-фурс» Катрана Абу Мансура Урмави (персидский толковый словарь XIV в.); «Сихах ал-‘аджам» Фахраддина Хиндушах ибн Санджар Нахичевани (персидско-тюркский словарь XIII в.; «Сихах ал-фурс» Шамсаддина Мухаммад ибн Фахраддин Хиндушах Нахичевани (персидский словарь XIV в.); «Тухфат фи-л-лугат ал-фарсиййа» Ибрахима ибн Худаи Дада аш-Шахиди (персидско-тюркский словарь в поэтической форме XVI в.); «Маджа‘ ал-фурс» Мухаммада Сурури Кашани (персидский словарь XVII в.) и др.²

Из поэтических произведений в словаре процитированы стихи Фирдоуси, Анвари, Низами Ганджеви, Джалаладдина Руми, Насираддина Туси, Фахраддина Ираки, Салмана Саваджи, Джами, Саади, Хафиза, Физули, Орфи Ширази, Мухташама Кашани, Саиба Табризи и других. В работе над словарем Дибир-кади использовал персидские исторические сочинения, комментарии и субкомментарии к поэтическим произведениям, предания, легенды, притчи, мо‘амма, устную информацию – консультации, беседы с представителями различной языковой среды. Ссылки на них даются следующим образом: «как мы слышали это из уст поэтов, писателей из стран Рума и кызылбашей»; «как нам разъяснили некоторые карабахские шейхи»; «как говорят жители Хиджаза»; как я слышал

¹ Назир ад-Дургели. Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагистан. Рук. фонд ДНЦ РАН. Ф.30, оп. 2, д. 108, с. 142; Саидов М.-С. Д. Дагестанская литература на арабском языке. М., 1960. С. 5.

² Алибекова П.М. «Джами‘ ал-лугатайн ли та‘лим ал-ахавайн» Дибир-кади из Хунзаха как памятник дагестанской лексикографии XVIII в.- Вестник Дагестанского Научного Центра. Махачкала, 2001. № 10. С.130-138.

это из уст моего брата Джамала»¹; «я слышал это из уст некоторых красноречивых персов».

Дибир-кади был талантливым поэтом, писал стихи на аварском, арабском и персидском языках. Он прекрасно знал персидскую поэзию, до наших дней сохранились переводы Дибир-кади из стихов Саади Ширази на аварский язык, а также его оригинальные стихи на персидском языке.

По сообщениям дагестанских биографических справочников, в Дагестане в XIX в. жили такие ученые, как Фируз Мухаммад Казем ад-Дарбанди, выдающийся ученый, врач, который, как отмечал Х.Алкадари, «в арабском почерке и персидском изложении не имеет себе равного», Хаджи Фейзуллах-ахунд и Хаджи Яхья-ахунд, «окончившие курс арабских и персидских наук, имеющие большое количество литературных произведений»², поэты Мирза Керим Шиайи, Мирза Мухаммад Кумри, Мир Ахмад-ахунд. В Дербенте проживал Мирза Хайдар Визиров (ум. в 1265/1848-49), автор исторического сочинения «Дарбанд-наме –йе джадид»³.

Среди дагестанских ученых XIX в. – начала XX в. яркостью таланта и многогранностью своей личности выделяется Хасан Алкадари (1834-1910).

Обладавший обширными познаниями в области истории, мусульманской юриспруденции, литературы и поэзии, Хасан Алкадари своим творчеством и практической деятельностью внес неоценимый вклад в просвещение, развитие духовной культуры народов Дагестана. Его сочинение по фикху «Джираб ал-Мамнун» и поэтический сборник «Диван ал-Мамнун» еще долго будут привлекать внимание исследователей. Для нас последний интересен тем, что включает в себя ряд стихов на персидском языке. Среди них одна касыда, пять газелей и три рубаи. Свое первое произведение, написанное на персидском языке, Хасан Алкадари посвятил иранскому поэту, автору сборника стихов «Андалиб» Саййеду Мир Таги Кашани, который проживал в Темир-Хан-Шуре. Стихи Х.Алкадари очень мелодичны, легки, красивы, являются ярким образцом поэтического мастерства.

Весьма важным и необходимым представляется подчеркнуть деловые, творческие и дружеские связи, установившиеся между Хасаном Алкадари и крупным иранским писателем, просветителем Абдуррахимом Талибовым. В «Диван ал-Мамнун» Хасан Алкадари посвящает Абдуррахиму Талибову три поэмы на арабском языке в знак благодарности, уважения и восхищения им.

Абдуррахима Талибова связывали дружеские и творческие связи с дагестанскими учеными, литераторами. В Рукописном фонде института ИАЭ, хранится письмо Исмаила из Шулани (1863-1913), известного дагестанского ученого, адресованное А.Талибову. Оно не датировано, но, учитывая обращение Исмаила из Шулани к Талибову – «хаджжи», письмо написано после возвращения его из хаджжа, т.е. после 1898 г. Содержание письма

¹ Имеется в виду Мирза Джамал Джаваншир (1773/74-1853) – политический деятель, историк, автор исторического сочинения «Карабах-наме».

² Хасан Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С.157.

³ Мирза Хайдар Визиров. Новая книга, называемая «Дербенд-наме йи джадид». (Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии А.Н.Козловой). Махачкала, 2002.

свидетельствует о продолжительных дружеских отношениях между двумя яркими творческими личностями.

Абдуррахим Талибов (1834-1911) прожил в Дагестане, Темир-Хан-Шуре, более 50 лет. Архивные документы, мемуарные записи, эпистолярные источники, хранящиеся в ЦГА РД, Рукописном фонде ДНЦ РАН, а также в местных частных коллекциях, позволяют дополнить и уточнить биографические данные Абдуррахима Талибова¹. Мы знаем из материалов Дагестанского Центрального государственного архива, что А.Талибовым были приложены огромные усилия для популяризации научных знаний участием в открытии школ нового типа и составлением учебной литературы. Он был почетным членом попечительских советов учебных заведений и благотворительных обществ г.Темир-Хан-Шуры. А. Талибов состоял постоянным членом Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области. А.Талибову принадлежит большая заслуга в открытии и в последующем материальной поддержке Темир-Хан-Шуринской женской гимназии.

Абдуррахим Талибов прожил в Дагестане большую часть своей жизни. Здесь он написал все свои произведения: художественную прозу, публицистику, стихи. В Дагестане он имел дом, семью и те условия, которые позволили ему реализовать свои творческие планы.

В Дагестане жили крупные иранские писатели, поэты, предприниматели. К примеру, Мухаммад-Хусейн Асадов, он сыграл большую роль в издании и распространении книг среди населения Дагестана и Северного Кавказа. Он имел книжный магазин «Иттихад», на открытие которого ему в 1890 г. было выдано разрешение². Мухаммад – Хусейн Асадов издавал каталоги имевшихся в его магазине книг, выпускал разнообразную книжную продукцию³.

В немалой степени распространение персидского языка и литературы в Дагестане было обусловлено появлением здесь с середины XIX в. отходников-иранцев. По официальным данным, в 1891 – 1905 гг. на Кавказе было зарегистрировано от 15 до 62 тыс. отходников из Ирана⁴. В Дагестане четверть всех рабочих в промышленности и в транспорте составляли иранцы⁵. Многие иранцы осели в Дагестане, обзавелись здесь семьями, приняли российское подданство. Дагестан стал для них второй родиной. По данным Статистического комитета Дагестанской области, персы проживали не только в городах Дербент, Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура, но и в Кайтаго-Табасаранском, Кюринском, Самурском и других округах⁶. Архивные источники предоставляют интересный материал о сфере деятельности иранцев в Дагестане. Некоторые из них занимались традиционным для своей страны садоводством и огородничеством.

¹ Алибекова П.М. Жанровые и идейно-художественные особенности романа Абдуррахима Талибова «Масалик ал-мухсинин» («Пути праведных»). Автореф. канд. дис. Махачкала, 1999.

² ЦГА РД, Ф.2, оп.2, д.165, л.9.

³ Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Сост. и автор предисловия А.А.Исаев. Махачкала, 1989. С.14.

⁴ Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С.33, 34.

⁵ История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 210.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1905. С.42.

Е.И.Козубский отмечает: «В Шуре живущие персидские подданные, арендуя землю, трудолюбием и знанием достигли хороших результатов¹. Среди иранцев можно было встретить чернорабочих, пекарей, башмачников, шапочников, часовых дел мастеров, торговцев, купцов разных гильдий, мулл, кадиев, преподавателей². Персы владели земельными наделами в Кафыр-Кумухе, Кумторкале, Чирюрте, Тарки, Дженгутае³, имели заводы, фабрики. Так, к примеру, табачная фабрика «Дагестан», кондитерская фабрика торгово-промышленного товарищества «Фирузе», кирпичные заводы в Порт-Петровске⁴, мыловаренный и кирпичный заводы в Темир-Хан-Шуре⁵ принадлежали иранцам. Иранцы имели свои школы во многих крупных населенных пунктах Дагестана. Преподавание персидского языка было введено в одном из первых светских учебных заведений в Дербенте. Оно было открыто в 1849 г., и на учебу в училище приезжали со всех концов Дагестана⁶. В Порт-Петровске в 1899 г. при персидской мечети функционировала частная персидская школа на средства мусульманского общества⁷. В Темир-Хан-Шуре была открыта новометодная русско-персидская школа «Меджидийе». Школа содержалась на частные средства местных иранцев⁸. Успешно окончивших принимали для дальнейшего обучения в городское трехклассное училище г. Темир-Хан-Шуры.

Персы преподавали и в русско-мусульманском училище им. Мелика Мешади Бабаева (персидского подданного, занимавшегося благотворительностью и весь доход от своего недвижимого имущества завещавшего училищу) в Порт-Петровск⁹. Имена иранцев иранцев можно найти в посемейных списках лиц привилегированного сословия, проживавших в Порт-Петровске, Дербенте, – тут были управители, титулярные советники, штабс-капитаны, коллежские асессоры¹⁰. Подобных примеров можно привести немало.

Наличие реалий, имеющих общие исторические корни, общность и самобытность духовных традиций – факторы, способствующие культурно-историческим интеграционным процессам.

¹ Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904, Вып. II, с.58.

² ЦГА РД. Ф. 21, оп. 5, д.20. Посемейный список г. Порт-Петровск. д.23. Посемейный список жителей г. Дербент. Ч.II, 1886.

³ Там же. Ф.21, оп.4, д. 101. Список первой группы землевладельцев, не принадлежащих к туземному населению Темир-Хан-Шурина округа.

⁴ Там же. Ф.21, оп. 4, д.100. Список имевшихся в г. Порт-Петровске контор, агентур, пароходств, торгово-промышленных предприятий и учреждений.

⁵ Там же. Ф.2, оп.2, д.183. Сведения о фабриках и заводах в Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре. 1902.

⁶ Козубский Е.И. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894, Вып.ХІХ. с. 52.

⁷ ЦГА РД. Ф.21, оп.3, д.1. Ведомость о числе учебных заведений и училищ в г. Порт-Петровске. 1899.

⁸ ЦГА РД. Ф.2, оп.2, д.148. Циркуляр наместника на Кавказе. Рапорты о положении мусульманских школ и сведения о них.1913.

⁹ Там же.

¹⁰ Алибекова П.М. К вопросу об историко-культурных связях Дагестана и Иранского Азербайджана. - Вестник молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2002, №2, с.47-50.

Из истории дагестано-иранских культурных связей

Дагестано-иранские культурные связи восходят к глубокой древности. О широком распространении среди дагестанских народов иранской культуры свидетельствуют многие письменные, археологические, эпиграфические, лексические, этнографические источники и памятники.

Многие исследователи единодушны в том, что в III-II тыс. до н.э. на территории современного Иранского Азербайджана и Курдистана жили племена, языки которых, как полагают, относились к числу нахско-дагестанских¹. Так, в «Истории Ирана» написано, что «в отдельных местах Иранского Азербайджана бытовали языки, видимо, родственные дагестанским».

В первых веках I тысячелетия до н.э. ираноязычные племена киммерийцев и скифов проникли через Кавказ в Переднюю Азию и имели там постоянные центры: киммерийцы на северо-востоке Малой Азии, скифы на западе Азербайджана южнее Куры («царство» скифов)². С того времени, как полагают исследователи, иранский этнический элемент, в том числе и культура постоянно присутствуют на территории, занимаемой носителями дагестанских, в частности, лезгинских языков. Как пишет А.А.Селимов, «можно полагать, что этногенез лезгиноязычных и некоторых ираноязычных народов (талыши, гилянцы, курды) проходил на одной территории»³.

В могильниках VII-VI вв. до н.э. на территории приморского Дагестана найдены скифские наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, поясные пряжки, нагрудные бляхи⁴.

Дарий I разделил Ахеменидскую державу на 20 сатрапий, одиннадцатой из которых была территория каспиев. Вместе с каспиями в зависимость от Ахеменидов попали и другие древнедагестанские племена. В битве с Александром Македонским при Гавгамелах (331 г. до н.э.) на стороне царя Дария III воевал албанский отряд.

На рубеже нашей эры на территории Южного Дагестана и Северного Азербайджана на побережье Каспийского моря в нижнем течении рек Куры и Аракс возникло раннерабовладельческое государство Албания⁵. Близким потомком албанов является небольшая народность – удины, живущие ныне на территории Азербайджана в селениях Нидж и Варташен. Как пишут историки Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов, «язык кавказских албанцев был явно кавказский и тесно примыкал к удинскому, а возможно был идентичен с древнеудинским... Удинский язык – это один из новоалбанских диалектов,

¹ См.: Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 23.; История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 30.

² История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 35.

³ Селимов А.А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала: ДГПУ, 2001. С. 11.

⁴ См.: Гмыря Л.Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане в IV-VII вв. автореф. канд. дисс. М., 1990.

⁵ См.: Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III-IV вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 16; Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 81..

или, что то же, албанский язык – это есть литературный язык древних удин, т.е. древнеудинский»¹. Южнее Албании было расположено государства Ахеменидов, после разгрома войсками Александра Македонского с конца IV в. до н.э. – Антропотена. Как пишет С. Ямпольский, Антропотена и Албания были населены одноименными племенами.

В III в. Сасанидский Иран захватывает Албанию, а позднее укрепляется в районе дербентского прохода. Как сообщает Мовсэс Каланкатвази, «страна Чога управлялась впоследствии», до 461 г. «марзпаном Чога»², ставленником Ирана. Как пишет Ф.Мамедова, после 488 г., в царствование царя Вачагана III, Лпиния и Чола окончательно вошли в состав Албанского государства³.

В середине V в. в Албании значительно усилилась власть сасанидского Ирана. Начался новый этап сасанидской экспансии. Дербентскому проходу сасаниды придавали огромное значение, он привлекал внимание как своим военно-стратегическим, так и торгово-экономическим положением на границе Албании и кочевых владений, на границе оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого мира. В правление Иездигерда II (439-457 гг.), т.е. в первой половине V в., были возведены первые сасанидские укрепления в проходе Чога. Царская аршакидская династия в Албании была упразднена, а сама Албания была превращена в персидскую провинцию; Чола стала как резиденцией персидских марзпанов, «так и стратегическим оплотом, политико-административной единицей Албанского государства, местом пребывания албанского католикоса (до VI в.)»⁴.

Арабская историческая и географическая литература помимо Дербента и Табасарана, упоминает о таких государственных образованиях, как Лакз, Гумик, Хайдак, Серир, Карах, Зирихгеран, Филан и другие, которые действовали в раннесредневековом Дагестане.

Особо важное значение в истории раннесредневекового Дагестана, да и всего Кавказа в целом, имел город Дербент, выступавший не только как укрепленный пункт огромного стратегического значения, но и как город, крупный политический, идеологический и экономический центр на Восточном Кавказе, столица одного из наместничеств, вошедших после 461 г. в состав державы Сасанидов, крупнейший очаг христианства, а затем крупнейший опорный пункт ислама.

Сасанидские правители придавали огромное значение укреплению города и Дербентского прохода. При Иездигерде II были возведены глиняные фортификационные сооружения, причём, «подобно каменным стенам Дербента, они сплошь перекрывали проход и тянулись от моря до вершины дербентского холма, где находилась цитадель, также возведённая из сырцового кирпича»⁵.

¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С.19. также см.: Яралиев Я.А. Алупанская (Кавказско-Албанская) письменность и лезгинский язык. Махачкала. 1995.

² Моисей Каганкатвази. История Агван / пер. К.Патканова. СПб, 1861. С. 86-87.

³ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 89.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 77.

В середине VI в., на их основе возникла грандиозная система оборонительных сооружений, возведённых из камня. Наряду с Дербентом на политической карте Дагестана появились в течение IV-VI вв. и другие государственные единицы.

Кроме Дербента персидские колонисты жили и на территории Табасарана. При Сасанидах отряды табасаранцев охраняли дербентские крепостные ворота, т. е. входили в число правительственных войск.

Происхождение названия Серира - Нагорного Дагестана связывают с легендой о золотом троне последнего Сасанидского царя Иездигерда III, будто бы отправленном им в Дагестан; поэтому якобы горные земли Дагестана стали называться землёй «Хозяина трона», т.е. «Сахиб ас-Серир». Вполне возможно, что это поздняя попытка придать термину Серир «иранскую окраску». Имеется также мнение о том, что в основе слова Серир лежит иранский *ser*, т.е. «гора», и отсюда «Горная страна»¹. Вопрос о происхождении названия до сих пор остаётся окончательно невыясненным. С влиянием персидского языка также связано название «Зирихгеран» (в переводе с персидского «бронники», «кольчугаделатели») маленькая по размерам территория, включающая несколько населённых пунктов, в том числе современные Кубачи, Ашты и другие селения.

Как пишет А.Р.Шихсаидов, «дагестано-сасанидские отношения одна из важных, но в то же время слабо разработанных проблем истории народов Дагестана. Они имеют многовековую историю, отличаются сложностью, и в итоге сыграли значительную роль в политическом, экономическом и социальном развитии дагестанского общества. В сложной внутренней и внешней обстановке эти отношения диктовались конкретной исторической обстановкой, политика дагестанских правителей определялась как трезвым политическим расчётом, так и состоянием взаимоотношений Ирана, Византии, стран Закавказья, кочевых племён Северного Кавказа. Следовательно, взаимоотношения Ирана и Дагестана нужно рассматривать во всём их многообразии. К сожалению, состояние дошедших до нас источников таково, что мы можем более или менее обстоятельно изложить только события военно-политического характера»².

К началу III в. на развалинах Парфянского царства возникло новое государство – Сасанидская империя во главе с шаханшахом. Господствующей религией в этом государстве стал зороастризм.

Сасаниды (224-652 гг.) начали обширные завоевания, образовав вскоре Сасанидскую империю, включающую, помимо собственно Ирана, часть Средней Азии, Атропатену, Месопотамию, Сирию. Сасаниды вели борьбу с Римской империей за закрепление в районе Дербентского прохода. Борьба эта осложнялась тем, что в указанное время, а также в последующем участвовали походы северокавказских кочевых племён на Закавказье через Дербентский проход. Это объяснялось и политикой закавказских правителей,

¹ См.: Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки ИВ АН СССР. М., 1939.

² См. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. история Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. С. 162; См.: Ахмедов Ш.М. К вопросу о Дагестано-сасанидских взаимоотношениях в III — VI вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала. 1976.

привлекавших кочевые племена в борьбу против сасанидской агрессии. Так, царь Армении Хосров I Аршакид (204-239 гг.), выступая против сасанидского царя Арташира (204-239 гг.), «вывел гуннов из прохода Албании». Отряды, прошедшие до Тисбона (Ктезифона), состояли из «иверцев, албан, джигбов, лпинов, каспов и других»¹, т.е. и из народов Дагестана. Другой Сасанид, «царь царей» Шапур I (242 - 273 гг.) захватил обширные земли, предпринял попытку подчинить Закавказье и район Дербента («Албанские ворота»). Но завоевательные походы Шапура I не привели к закреплению Южного Дагестана за Ираном².

На этом завершился первый этап борьбы Ирана за Дербент и Дербентский проход. При царе Шапуре II (309-379 гг.), была оказана помощь албанскому царю. Армянский царь Тигран (338-345 гг.) «заключил мир с персами, и, помогая Шапуру, освободил его от нападения северных народов, которые в течение четырёх лет, живя в Агвании, теснили Армению»³.

Албания, Армения и Иберия придерживались разной политической ориентировки - Албания тяготела к Сасанидам, Армения и Иберия в основном ориентировались на Рим.

Проиранская политика дагестанских правителей была проявлена в сражении на Дзиравском поле (371 г.), когда на стороне персов и Албании выступил «с отрядом, при котором находился храбрый Шергир, царь леков, твёрдо стоявший во главе средней его части»⁴.

В конце IV в. иранцы уже установили контроль над Дербентским проходом, и с этого времени можно датировать второй этап сасанидской экспансии на Западный Прикаспий и, прежде всего, на Дербентский проход⁵. В середине V в. район Дербента (Чора) уже управляется персидским наместником - марзпаном. В районе Чога находилась десятитысячная персидская конница. Здесь были воздвигнуты укрепления, которые часто обороняли от гуннов армянские князья, назначаемые Сасанидами⁶. В ходе восстания 451 г. эти укрепления были разрушены кочевыми племенами гуннов. В том же 451 г. дагестанские племена воевали на стороне сасанидов в битве на Аравайском поле.

В Албании в 487 г. была восстановлена царская власть.

Сасанидские правители придавали особое значение укреплению кавказских проходов. При царе сасанидской династии Каваде (488-531) было начато строительство Дербентского оборонительного комплекса⁷. Его сын Хосров Ануширван (531-579) завершил строительство Дербентского оборонительного комплекса.

Как сообщает «Дербенд-наме», Ануширван «построил в областях (навахи) Дербента много крепостей..., а до Ануширвана восстанавливал Дербент человек по имени Бахрам...

¹ Патканьян К. Опыт истории династии сасанидов // Труды восточного отделения РАО. СПб., 1869. Т. XIX. С. 12-13.

² Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III-IV вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 14.

³ Моисей Каганкатвацци. История Агван / Пер. К.Патканова. СПб, 1861. С. 22.

⁴ Моисей Хоренский. История Армении. С. 174; Ср.: Моисей Каганкатвацци. История Агван / Пер. К.Патканова. СПб., 1861. С. 23.

⁵ Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III-IV вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1981. С. 14.

⁶ История Египта Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис. 1883. С. 70.

⁷ См.: Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 65-125.

Ануширван переселил сюда их Персии много народу и построил много городов в этом вилайате»¹. Из внутренних районов Ирана сасанидские власти переселили в Дербент 3 тыс. семейств. Таким образом, к середине VI в. Дербент вошел в состав Ирана.

В Дагестане Сасаниды применяли комплексные мероприятия - построили Дербентскую оборонительную систему, ввели в город персидских воинов, привлекли местные силы для охраны дербентских стен, укрепили отношения с местными правителями через систему инвеституры. Кроме этого, несмотря на то, что Дербент был в V-VI вв. одним из христианских центров Албании, Сасаниды проявляли по отношению к местному населению определенную веротерпимость.

По свидетельству местной исторической хроники «Ахты-наме» «эмир Шахбани из рода Сасанидов, придя, по приказу Нуширвана, с шестидестью семьями из жителей Фарса и тремястами воинами (сипахи), в местность Ахты, поселился там, подчинив крепость... Он построил баню над тёплым ахтынским источником и наложил на неё харадж»². Власть сасанидского Ирана в Дербенте и близлежащих землях была прочной. Она подкреплялась силой многочисленного военного гарнизона и сохранялась до прихода войск Арабского халифата.

Государственной религией огромной средневековой империи Сасанидов, в состав которой входила и территория Дагестана, являлся зороастризм, характернейшей чертой которого является ярко выраженный дуализм.

В зороастризме особое место среди праздников занимает Ноуруз (новый день). Этот праздник приурочен к весеннему равноденствию и посвящен праведности и огню.

Сведения о религиозных воззрениях народов Кавказской Албании эпохи сасанидов принадлежат раннесредневековым армянским и грузинским историко-религиозным хроникам и в первую очередь «Истории Армении» Моисея Хоренского и «Истории Агван» Мовсеса Каганкатвацци. Каганкатвацци подробно описывает противостояние зороастризма и григорианства в Кавказской Албании³. В хрониках вардапета Егише «О войне Вардана и войне армянской» и «Об учении персидских магов» Ездника освещаются некоторые вопросы истории зороастризма в Прикаспии в эпоху Сасанидов.

Последовательное распространение имперской религии зороастризма в Кавказской Албании связано с именем сасанидского царя Шапура I. Исследователи М.Р.Курбанов и Г.М.Курбанов справедливо отмечают, что «необходима была имперская религия, которая бы обладала наднациональными чертами и предлагала устойчивые и концептуально разработанные идеи дуальности мира и возможности спасения индивидуального человека через совершенство, а также идею социального конформизма и священной царской власти. Такой религиозной системой оказался зороастризм. Существенным моментом

¹ Саидов М.С. Шихсаидов А.Р. Дербент-наме (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала. 1980. С. 26-27.

² Бакиханов А. Гулистан-Ирам. Баку, 1970. С. 42.

³ См.: Муртузалиев С.И., Ханбабаев К.М. Христианство в Дагестане в IV-XII веках // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень №1. Махачкала: Изд-во Дагпресс, 2002. С.79-94; Курбанов Г.М. Зороастризм и христианство в раннесредневековом Дагестане: история противостояния // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 2. Махачкала, 2002. С. 67-75.

принятия зороастризма было то, что он легко вписывался в древние местные верования, в основу которых было положено поклонение силам природы — солнцу, огню, воде и земле, без которых не мыслил себя человек-земледелец и скотовод»¹.

К.В. Тревер пишет, что в 40-х годах V в. вслед за возвращавшимися из персидского плена албанскими, армянскими и иберийскими князьями на территории Закавказья и Албании появились зороастрийские вероучители и маги, которые начали строить свои храмы и требовать от албанов поклонения огню и отречения от Христа². Многие знатные албанцы, в том числе правители Албании, - сын сасанидской царевны, дочери Иездегерда II - Ваче и царь Вачеган приняли зороастризм. Моисей Каганкатвацци пишет: «...Войска персидские... привели с собой 300 учителей и по повелению царя принуждают всех и говорят: «Если вы хотите принять нашу веру, то получите от него дары и почести..., а если вы этого не сделаете по своей охоте, то мы имеем приказание в городах и селах построить атурашаны, поставить в них огонь, назначить магов и магобетов законодателями страны...»³.

Сасаниды в Дербенте, Беленджере Семендере построили храмы огня (атурашаны). Они представляли собой святилища с каменными изображениями (уздесами) символов перевоплощений божеств. Мухаммед Акташи в хронике «Дербенд-наме» пишет о том, что Абу Муслим прибыл в Дербент в 733-34 году и разрушил постройку, известную под названием Сихренж (цистерна), которая была сделана раньше Ануширваном. Речь, вероятно, идет о зороастрийском храме в цитадели Нарын-Кала. В историческую литературу этот памятник вошел как «огромная цистерна». И действительно, считает профессор А.А. Кудрявцев, в позднесредневековое время здесь хранили воду. Это здание в плане представляет правильный крест. Оно находится в земле, в культурном слое. Квадратное пространство в центральной части сообщается с четырьмя айванами и перекрыт куполом. Цистерна сложена из хорошо отесанных камней на известковом растворе. А.А.Кудрявцев считает, что это сооружение является древнейшим среди архитектурных памятников цитадели, и что оно является раннесредневековой христианской церковью⁴. М.Р.Курбанов и Г.М.Курбанов же считают, что «вряд ли возможно, если учесть, что цитадель являлась резиденцией наместника сасанидского царя - марзопана и его окружения, которые были последователями зороастризма»⁵. В пользу своей версии они приводят ряд убедительных доводов: во-первых, сложная, необычная планировка «цистерны» скорее напоминает Атуран (армян. - атурашан), или храмы огня, канонизированные после III в.н.э. На западе Ирана они назывались «чортагами»⁶. В

¹ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.С. 34.

² Тревер И.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Л., 1959. С. 294; Ханбабаев К.М.Христианство в Дагестане в IV-XII вв. /начальный этап распространения// Православие в исторических судьбах Юга России. Вып. 16. Сб. ст. Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 205-224.

³ Каганкатвацци М. История агван (Первод К.патканова). СПб., 1861. С. 85.

⁴ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. С. 168.

⁵ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.С. 36.

⁶ Искусство стран Востока. М., 1986. С. 32.

переводе «чортаг» - четыре арки или четыре айвана (входные ниши) имели форму креста и были лишены дневного света, что подтверждает внутреннее исследование «цистерны» в Нарын-Кале. Архитектура храма следует символике Сасанидов, зороастрийцев, для которых вселенная являлась творением магической фигуры чортага. Во-вторых, признание «цистерны» храмом огня позволит понять смысл двух пехлевийских надписей на стенах Нарын-Калы, прочитанных Г.С. Нибергом как «атурен», - вероятнее всего, речь идет об основании здесь храма огня - Атурана. В-третьих, храмы огня действовали здесь вплоть до начала XIX в.

Археологические исследования, проведенные в Приморском Дагестане, также подтверждают факт широкого распространения обрядов и культов Солнца и Огня. В книге «История города Дербента» Е.И. Козубский описывает несколько зороастрийских погребений, обнаруженных недалеко от гор. Дербент. М.Р.Курбанов и Г.М.Курбанов считают зороастрийскими и погребения в каменных ящиках, найденных на возвышенности Мискинбулат, вблизи селения Параул; там же обнаружено культовое место в виде кострища - атуран (место горящего огня). Около атурана найдена и средневековая ритуальная посуда. Шестнадцать каменных гробниц, высеченных в скале, найдены недалеко от селения Карамахи в урочище Бега Барг. Такие же скальные склепы обнаружены недалеко от селения Усища. В урочище Бонда-Кала, недалеко от селения Гапшима, расположен могильник с каменными склепами. В одном из них найдены 19 захоронений, в которых находилось также разнообразное оружие, украшения, датируемые III – VI вв. н.э. Недалеко от селения Верхний Каранай, на возвышенности Чапчак, найден склеп VI в., предназначенный для коллективных захоронений. Астаданы обнаружены и в других населенных пунктах Дагестана. Несомненно, древние обычаи коллективных захоронений встречаются и у последователей других древних религий. Однако зороастрийцы с их строгими обрядами почитания чистоты огня, воды и земли заменили погребальные ямы каменными ящиками¹.

В раннесредневековых могильниках на территории Дагестана найдены бронзовые зеркала, пряжки, бляшки и геммы с изображением солнца и других персонажей Авесты².

С культом зороастризма связываются и обнаруженные в могильниках Большого Буйнакского кургана, в Агачкале, в Галла, на горе Зиберхо подвески в виде головы быка. В Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее за № 1264 хранится жезл иранского происхождения с бычьей головой. По преданию, жезл был вручен Шамилем чохскому наибу в знак принятия наибства. Жезл, булаву с бычьей головой обычно держит парсийский, зороастрийский священнослужитель во время посвящения его в сан, в знак вступления его в борьбу со злом.

Одним из ярких свидетельств дагестано-иранских культурных связей являются памятники сасанидской глиптики, найденные при археологических раскопках или во

¹ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.С. 38-39.

² См.: Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала. 1986. с. 16.

время этнографических исследований в различных районах Дагестана. Эти сасанидские геммы являются инталиями с отверстиями для тесьмы. Они датируются VII-X вв.

Интерес представляет изучение функционального назначения сасанидских гемм, придаваемого символического смысла изображениям на них в иной этнокультурной среде, каковой, являлся Дагестан, где эти памятники глиптики получили распространение. Как известно, резные камни по своему назначению выступали в качестве украшений, амулетов и печатей, что было связано с эстетической, религиозной и экономической жизнью древнего населения¹. Как пишет М.С.Гаджиев, исследовавший 21 сасанидскую гемму, «имеющиеся данные позволяют говорить о применении сасанидских резных камней среди населения Дагестана в роли украшений и талисманов»². Часть исследованных гемм, происходящих из некрополей Дагестана, была обнаружена вместе с другими украшениями, главным образом, бусами. А несколько гемм (№№ 14—17) из коллекции Дагестанского историко-архитектурного музея, приобретенных при сборе этнографического материала, использовались до недавнего времени как амулеты, предохраняющие от различных бед и имевшие «целебные» свойства при лечении болезней, что, впрочем, имело место и в других областях Кавказа³. Полудрагоценные камни, и в особенности сердолик, агат, халцедон, из которых изготовлены геммы, уже сами по себе считались обладающими магической силой у многих народов Кавказа⁴. Вероятно, на названные две функции указывает и то, что все описанные геммы, обнаруженные на территории Дагестана, представляют собой «рыночный» тип резных камней, которые выпускались в массовом количестве и отличались дешевизной работы и камня⁵. О практическом применении сасанидских гемм в качестве печатей у нас никаких свидетельств пока нет, хотя можно предполагать и об этом их использовании. Эта догадка основывается пока лишь на нескольких фактах использования инталий для метки раннесредневековых керамических изделий.

Намного сложнее вопрос о восприятии и осмыслении местным населением символики сасанидских гемм. Как пишет М.С.Гаджиев, «если зороастрийские эмблемы и символы, некоторые изображения с растительными, зоо- и антропоморфными сюжетами, несмотря на их условность, были понятны и привычны каждому иранцу, то местное население могло воспринимать их как загадочные, таинственные знаки, наделенные магическими, необыкновенными свойствами, истинное значение которых ему было неизвестно. Можно предположить, что местное население наделяло изобразительные мотивы сасанидских гемм новым содержанием, отражавшим местные религиозные представления. Это может относиться, в частности, к геммам с зооморфными реалистическими сюжетами»⁶.

¹ Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 5. 8.

² Гаджиев М.С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. ст. Махачкала. 1987.С. 150.

³ Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. 1929. Вып. 46. С. 233-235.

⁴ Там же. С. 213-216.

⁵ Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С.29.

⁶ Гаджиев М.С. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. ст. Махачкала. 1987.С. 150.

Как известно, большинство изображаемых на сасанидских резных камнях животных широко почитались на Кавказе, в том числе и Дагестане. Бык, конь, олень, чьи изображения, отличающиеся условностью и стилизацией, имеются на рассмотренных геммах, являлись объектами культового почитания древним населением Дагестана. Вероятно, что местное население, пользовавшееся сасанидскими геммами, видело в изображениях на них объекты своих местных культов, а не персонажей Авесты.

М.С.Гаджиев приходит к справедливому выводу о том, что «исследованные памятники сасанидской глиптики, наряду с другими предметами сасанидского искусства, обнаруженными на территории Дагестана, свидетельствуют о тесных связях этой области Кавказа с сасанидским Ираном. Большинство рассмотренных резных, камней относится к позднесасанидскому времени, что дает возможность говорить, основываясь на этом виде исторического источника, об укреплении и усилении торгово-экономических и культурных контактов сасанидского Ирана и Дагестана в VI— VII вв.»¹.

Культ зороастризма на протяжении веков претерпел достаточно заметные изменения. Как и всякая другая религия, зороастризм в Дагестане приобретал местные особенности и определял мышление, в том числе и художественное. Получившее всемирное признание благодаря прекрасным произведениям торевтики, чеканным металлическим сосудам, — сасанидское искусство имело глубокие корни в Дагестане. Сцены охоты, восседания царя, фантастические птицы украшают чаши, блюда, кувшины, найденные в Дагестане. Они привлекают внимание не только изяществом и совершенством форм, но и прекрасным композиционным размещением фигур, смелым и четким рисунком. В связи с этим интересно предположение искусствоведа Э.В. Кильчевской, которая считает, что в сасанидскую эпоху дагестанцы могли учиться ремеслу как в Иране, так и здесь, в Дагестане.

В Дагестане сохранилось множество средневековых резных камней, прообразами которых были каменные барельефы, когда-то украшавшие зороастрийские храмы огня; таковы всемирно известные кубачинские барельефы, а их, по подсчетам А.И. Иванова, более 500 экземпляров²⁸. По преданию, многие из них украшали древний языческий храм. На этих рельефах мы встречаем изображения львов, оленей, коней, птиц, грифонов. Как считают М.Р.Курбанов и Г.М.Курбанов, «вероятнее всего, здесь изображены ипостаси божеств Вретрагны, его перевоплощения - конь, птица, кабан; Тиштрийя - первозданный бык, олень; Митры - лев и т.д. Интерпретация представленных композиций подтверждает принадлежность их к единому архитектурному комплексу. Однако, на наш взгляд, это не был «дворец какого-то местного феодала», как полагал академик И.А. Орбели. Скорее всего, некоторые каменные рельефы из Кубачи, а также известные резные двери из Кала-Корейша украшали зороастрийский храм огня. Наше предположение подтверждают и известные бронзовые котлы, прообразами которых являются чаши для священного и ритуального огня. Именно такие бронзовые котлы с рельефами зороастрийских

¹ Там же. С. 151.

² Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.С. 43.

мифологем и ручками в виде ощерившихся барсов найдены в средневековых храмах огня в Иране»¹.

Арабский географ Абу Хамид Андалуси (в XII в.) описывает похороны в Кубачах, которые очень напоминают зороастрийские². М.Р.Курбанов и Г.М.Курбанов предполагают, что «возможно, именно в Кубачах находился один из зороастрийских центров Дагестана. И, может быть, именно это обстоятельство обеспечивало постоянный и длительный контакт с сасанидской культурой, ярко выраженной в средневековом искусстве аула Зирехгеран, Амузган, Сутбук, Ашты и др.»³.

В фольклоре народов Дагестана обнаруживается ряд лексем, относящихся к зороастризму (так, например, «яриман» в аварской поэзии обозначает злого, темного персонажа⁴. Исследования позволяют идентифицировать ее с зороастрийским божеством зла «Ахриманом».

Зороастрийские образы божеств - язат воды Апам и Суры фигурируют в дагестанской мифологии как Ал пан и Суваннсы. Божество солнца в Авесте - Хвар, в мифологии народов Страны гор - Гъуцар.

Народная память бережно хранит древние мифологические представления культа Солнца и Огня. Так, лезгинский богатырь Шарвили, победив в единоборстве аждаху (авест. Ажи Дахака), который завладел божественным огнем, возвращает его людям⁵. Кстати, празднества, посвященные Шарвили, стали активно возрождаться в последнее время в Ахты.

Лезгины при обращении к солнцу делали чучело Ала-пехъ. А.Р. Шихсаидов возводит этот образ к одному из главных божеств лезгин - богу солнца, называемому Алпан. В зороастризме же апам - это один из язатов (божеств, созданных Ахура Маздой).

Многие торжественные ритуалы горцев (свадебные, заселение нового дома и др.) связывались с огнем. Так, выдавая замуж девушку, перед ней несут священный огонь. Священный огонь присутствовал и при зороастрийских праздниках, отмечавшихся в Дагестане. Наиболее торжественный из них - это праздник огня - «Ноуруз», отмечавшийся в день весеннего равноденствия. Празднование ноуруза в Дагестане также возродилось в последние годы. В селах и городах Дагестана и сейчас разжигаются священные огни.

Ал-Масуди (IX в.) описывает похоронный обряды зороастрийцев у жителей Серира (Горная Авария): «Когда кто-нибудь из них умирает, они кладут умершего на носилки и выносят его на открытое место, майдан, где оставляют покойного на три дня на носилках... Этот обычай бытовал у жителей этого города 300 лет». И только на четвертый день профессиональные могильщики хоронили останки в скальных склепах или в каменных

¹ См.: Кильчевская В.И. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. С. 13.

² Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001. С. 43.

³ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001. С. 43.

⁴ Сулейманов Я. Следы зороастризма у аварцев // Народы Дагестана. № 1. 1996; Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001. С. 43.

⁵ Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 161.

ящиках, астоданах. По умершему читались молитвы и совершались жертвоприношения¹. Сцена приношения в жертву коня изображена на одном из кубачинских рельефов.

Под влиянием новой мировой религии – ислама к концу IX века зороастризм окончательно сдал свои позиции в Дагестане.

Наряду с зороастризмом в раннесредневековом Дагестане начала распространяться и другая религия – иудаизм, связанная с ираноязычным народом – татами. В научной литературе существуют четыре версии происхождения и распространения татов на территории Дагестана. А.И. Новосельцев считает, что иудаизм был принят на территории Дагестана в конце VIII в. татами – потомками хазар, которые владели землями Дагестана и Северного Азербайджана. В раннее средневековье татами именовали все ираноязычное население Востока и Средней Азии. В Иране слово «тат» применялось вначале как общее название оседлых племен, не считавших себя персами, затем стало названием одной из народностей этой страны. (На 1 января 1995 г. в Дагестане проживало 18,5 тыс. татов и евреев, а на 1 января 2000 г. евреев и татов в Дагестане осталось около 4 тыс. чел.)².

По мнению М. Мататова, татами называются все этнические группы, говорящие на татском языке. По мнению других исследователей, предки татов-иудеев являются прямыми потомками древних обитателей Азербайджана – зороастрийцев, огнепоклонников, которые позже перешли в иудаизм. В доказательство приводятся бытующие и поныне среди татов-иудеев обычаи, обряды, ритуалы, связанные с зороастризмом, поклонением огню: танцы вокруг огня, прыжки через костер, люди просят прощения у Бога, когда вода гасит огонь³.

Некоторые ученые считают также, что иудаизм на Кавказ проник с потомками тех иудеев, которые в VI в. до н.э. были уведены в плен или рабство персидским царем Киром из рода Ахеменидов после завоевания Вавилонии и Иудеи. Они оказались потом в Персии, а далее на Кавказе. По четвертой версии в начале III в. н.э. из Ирана династия Сасанидов, приступившая к завоеванию соседних областей Кавказа, переселила в качестве колонистов иранские племена иудаистов из Мидии (Иран) в Азербайджан и Южный Дагестан. Это было сделано с целью закрытия Албанских ворот (Дербентского прохода), чтобы обезопасить свои владения с севера. Исследователь XIX столетия И. Черный считал, что иудеи, поселенные в горах Кавказа как пленники, во времена персидского владычества усвоили древнеперсидский татский язык и обычаи местных племен. Известный дагестанский ученый-историк Р.М. Магомедов связывает происхождение здесь татов с просачиванием в Дагестан с севера ираноязычных племен, которые потом в период правления Сасанидов осели в разных районах Кавказа и приняли иудаизм⁴.

Большая община иудеев проживала в прикаспийских городах – Дербенте и хазарском городе Семендер, расположенном в равнинной части Северного Дагестана. По

¹ Более подробно см.: Крюкова В. Смерть и похоронный обряд в зороастризме // Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997. С. 169-263.

² См.: Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. История и современность. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001. С. 52.

³ Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 101-106.

⁴ Магомедов Р.М. История Дагестана с древних времен до начала XIX в. Махачкала, 1968. С. 80.

свидетельству И. Черного, в 1869 году в Южном Дагестане и Терской области проживало 1493 семьи, исповедовавших иудаизм, действовало 30 синагог и 39 синагогальных училищ, в которых служило 30 раввинов. Так, по данным обзора Дагестанской области, в 1892 г. в Дагестане насчитывалось 15 школ при еврейских синагогах, в которых обучалось 252 человека. В последующие годы число религиозных школ в области изменилось незначительно и составило в 1899 г. – 26 школах при еврейских синагогах – 469 учащихся. В 1905 году – в 23 горско-еврейских школах обучалось 567 учащихся; в 1913 г. сеть школ несколько сократилась: их стало уже 21, а учащихся 493. Подавляющее большинство учащихся религиозных школ при синагогах составляли мальчики. Накануне Октябрьской революции в Дагестанской области насчитывалось 20 горско-еврейских религиозных школ¹.

Все синагоги и синодальные училища были закрыты в 30-х годах XX в.

Сегодня в Махачкале, Буйнакске, Дербенте, Хасавюрте действуют четыре синагоги и воскресная школа. На татском языке издается республиканская газета «Ватан».

Как мы отмечали выше, дагестано-иранские культурные связи прослеживаются с раннего средневековья. В Дагестан стал проникать персидский язык, занявший в Иране и Азербайджане в XI-XIV вв. во многих сферах (поэзия, государственная канцелярия и т.д.) ведущие позиции. Произведения крупнейших поэтов Азербайджана Хагани (1121-1199 гг.) и Низами Гянджеви (1141-1209 гг.), которые писали на персидском языке, были широко известны и в Дагестане.

Еще в VI-VII вв. в Дагестан проникло среднеперсидское (пехлевийское) письмо. 25 памятников среднеперсидского письма найдены в Дербенте. Они свидетельствуют о наличии здесь грамотеев-резчиков². Правда, К.В.Тревер считает, что «пехлевийское письмо и язык, судя по надписям в Дербенте, были достоянием только завоевателей – персов и, может быть, только незначительной части местного населения, связанного с персидским государственным аппаратом»³. В Дагестане найдены памятники персидской эпиграфики. Самая ранняя персидская надпись, обнаруженная в Дербенте, относится к 1301 году - это запись о вакфе источника воды с колодцем в пользу почтовой станции⁴. К ранним относятся также благопожелательный стих на тимпане из Кубачи (первая половина XIV в.), надпись на колонке-тимпане (Дагестанский исторический и архитектурный музей, середина XIV в.)⁵, – строительная надпись из Дербента о реставрации мечети в 1368-1369 г.⁶ – и мемориальная надпись из Хнова, датируемая 1382 г.

¹ Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. С.85-86; С.135.

² Пахомов Е.А. пехлевийские надписи Дербента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. V; Касумова А. Новые средневековые надписи из Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.

³ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959. С. 76.

⁴ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. I. С. 114.

⁵ Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976. С. 178.

⁶ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. I. С. 120.

Восемь персидских текстов XV в. также найдены в Дагестане – основная часть надписей из Дербента, три из Кубачи, одна из Хнова¹. Характерной особенностью персидских текстов является их «официальный тон»; они посвящены, в основном, представителям феодальной верхушки, деятельности правителей (эмир Исфандийар, ширваншахи Халилуллах, Фаррух-Йасар и т.д.). В пяти случаях надписи двуязычны, т.е. на арабском и персидском языках; это надписи 1368-69 г., 1446 г., 1453-1462 гг. из Дербента и 1382 г. из Хнова. Последняя надпись – это двустишие на персидском языке, широко представленная на сундукообразных надгробьях XV-XVII вв.

Большое распространение в Дагестане получила персидская рукописная книга².

Как известно, значительная часть территории Дагестана в свое время находилась под властью иранских завоевателей: с III по VII в. н.э. вплоть до начала арабских завоеваний здесь господствовали скифы, сасаниды, позже - сефевиды. Тесные политические и культурно-экономические взаимоотношения были у Дагестана с Ширваном, на территории которого персидский язык имел значительное распространение³. Возможно, что отдельные последствия в лексике дагестанских языков имели и захватнические походы иранских завоевателей XIV-XVI вв. Тимура и Надир-шаха.

Влияние иранского языка на языки народов Дагестана можно проследить на примере лезгинского языка⁴. В целом среди дагестанских, в том числе и лезгинских иранизмов в хронологическом отношении выделяются: (а) заимствования скифского периода; (б) пехлевийские (среднеперсидские) заимствования; (в) персидские заимствования; (г) татские заимствования.

Согласно М.Е. Алексееву и Э.М. Шейхову⁵, иранизмы в лезгинском языке имеют следующие лексико-тематические группы:

Названия животных и птиц: гамиш 'буйвол', билбил 'соловей', жанавур 'волк', пеленг 'тигр'.

¹ Там же. С. 131, 140-145.

² Тагирова Н.А. Библиотека Гасана Алкадари // Историко-литературное наследие Гасана Алкадари. Махачкала, 1988. С. 112-120; Айтберов Т.М. Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С.144-161 Козлова А.Н. Мечетские библиотеки-духовные центры ислама // Фундаментальные и прикладные вопросы естественных наук. Т.II. Махачкала, 1994. С.143; Алибекова П.М. Каталог персидских рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2001. Вып. I; она же. Каталог персидских рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Кум (Иран), 2001 (на персидском языке).

³ См.: Шихсаидов А.Р. Дагестан и Ширван // Гаджиев .Г., Давудов О.м., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. С. 350-360.

⁴ Саадиев Ш.М. Определение иранизмов в лезгинском и крызском языках // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 153-157; Эфендиев И.И. Морфологическое освоение персидских заимствований в лезгинском языке // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. С. 66-73; Его же: О некоторых фонетических особенностях адаптации лексики в лезгинском литературном языке // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1995. С. 73-79; Его же: Роль иранских заимствований в развитии лезгинской фразеологии // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2. М., 1996. С. 71-74; Селимов А.А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала: ДГПУ, 2001.

⁵ Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. М.: Academia, 1997. С. 114-116.

Названия растений: келем 'капуста', тум 'семя', бадамжан 'баклажан', газар 'морковь', чугъундур 'свекла', тар 'дерево', шабалт 'каштан', гуъл 'цветок', турп 'редька', мейва 'фрукт, плод', нар/анар 'гранат'.

Обозначения лиц: ашпаз 'повар', шагъ 'шах, властелин', душман 'враг', заргар 'ювелир, золотых дел мастер', гада 'мальчик, сын, парень', дуст 'друг', бахтавар 'счастливый, беззаботный', мирзе (уст.) 'мирза (канцелярский писарь)', муъфтехур 'дармод, тунеядец', хашпара 'христианин', хашперест 'язычник', савдагар 'купец, торговец', лежбер 'крестьянин, работник', кваса 'человек с редкими усами и бородой; паяц, клоун (выступающий обычно с канатоходцами)', гачал / качал 'больной паршой; паршивый (ср. погов. фекъидизни качалаз хъсанвал жедач 'мулла и паршивый доброту не оценят'), кент-худа (уст.) 'сельский старшина, староста'.

Названия частей тела: гардан 'шея', чене 'челюсть, подбородок'.

Строительная, сельскохозяйственная и иная терминология: айван 'балкон, веранда', пенжер 'окно', багъ 'сад', шегъер 'город', куъче 'улица', базар 'базар, рынок; воскресенье'.

Названия предметов одежды, домашнего обихода, утвари, инструментов и др.: дасмал 'полотенце', шалвар 'брюки, штаны', кисе 'кисет, кошелек', парча 'ткань, материя',

кетен 'полотно, холст; полотняный, холщовый', махпур 'бархат', магъут 'сукно', чит 'ситец', чирагъ 'светильник, коптилка, лучина', чирагъпа 'подставка (для светильника, коптилки)', ранда 'рубанок', дезге 'верстак', челег 'бочка; кадка', хекендаз 'совок', байбут 'финский нож', гъевенг 'ступа', абугерден 'половник (металлический)', дегъре 'секач, топорик; десте 'пучок, связка, пачка (чего-л.); группа, отряд, дружина; шайка', кепкир 'шумовка', лиген 'таз', луъле 'трубка (свернутая из бумаги), ствол', чарх 'колесо; точильный круг, круглое точило, точильный станок'; ранг 'краска, краситель; цвет, колер', тахта 'доска', шуъше 'стекло; бутылка', чешмегар 'очки', шуъшебенд 'застекленная терраса, веранда', гуърз 'меч', /темен 'аркан, лассо', терез 'весы'.

Названия продуктов питания, лекарств и др.: хуърек 'горячая пища, еда', кабаб 'шашлык, жаренное на вертеле мясо', маст 'простокваша', бей-гъуш 'усыпляющее средство', тенбек 'табак, самосад'.

Обозначения абстрактных понятий: тамэша 'зрелище, представление; забава, потеха; спектакль', савда 'торг, купля-продажа', намус 'честь, достоинство', рафтар 'обхождение, обращение; связь', куъмек 'помощь, поддержка', бахт 'счастье', женг 'борьба, сражение', чара 'выход (из положения), средство; помощь', шагъадатнама 'свидетельство, удостоверение'; ср. также компонент сложных глаголов: барбатI хъун 'разрушаться, разоряться, уничтожаться/ барбатIун 'разрушать, разорять, уничтожать'.

Обозначения качеств (имена прилагательные): абад 'благоустроенный, богатый, цветущий', аби 'голубой', азад 'свободный, вольный', ашкара 'очевидный, явный, открытый', асанта 'легкий, нетрудный', багъа 'дорогой; милый', бейхабар 'неосведомленный, несведущий; неожиданно, без предупреждения', бедрягъ 'разнузданный, скверный; балованный, непослушный (о ребенке)', бейкар 'бездельный, праздный; безработный', бейгъал 'слабый, немощный', баябан 'безлюдный, пустынный', бейтереп 'нейтральный, беспристрастный', бейчара 'беспомощный, несчастный', гумагъ 'жизнерадостный,

бодрый', назик 'хрупкий, нежный; утонченный, изящный; слабый; щекотливый', напак 'нечистый, мерзкий, отвратительный', нарази 'недовольный, неудовлетворенный чём-л.', надинж 'шаловливый, озорной', намерд 'вероломный; мерзавец, негодяй; предатель', нахуш 'хворый, болезненный, нездоровый', пашман 'грустный, унылый, печальный', перишан 'печальный, грустный', лал 'немой, глухонемой', пияда 'пеший; пешеход; пешком', рази 'довольный', мерд 'щедрый, расточительный; великодушный, благородный', хош 'приятный, симпатичный, милый, приветливый', хушбахт 'счастливый, блаженный', шад 'веселый, радостный, жизнерадостный'.

Мифологическая лексика: аждагъан 'дракон', дев 'див (сказочное существо огромной величины и силы)', абукевсер 'поэт., уст. райская вода; живая вода', абудейсан 'поэт., уст. весенний благодатный дождь'.

Названия предметов и явлений неживой природы: дере 'овраг, ущелье, долина', кагъраба 'янтарь, бусинка из янтаря', тепе 'холм, возвышенность'.

Служебные слова: эгер 'если, ежели', гагъ..., гагъ 'то..., то', гуя 'будто', гыич 'вовсе, совершенно, совсем'.

Достаточно распространены в лезгинском языке лексемы, образованные от арабских и тюркских основ с помощью таких персидских по происхождению суффиксов, как -кар, -дар и др., так что в данном случае можно говорить о непосредственно персидском источнике заимствования, ср.: дарман-хана 'аптека', чал-хана 'типография', ктаб-хана 'библиотека', сенят-кар 'ремесленник, мастер', хата-кар 'опасный человек', фитне-кар 'кляузник, склочник, сплетник'; уюн-баз 'шут, фокусник', арвад-баз 'бабник, ловелас'.

Еще одним из существенных факторов дагестано-иранских религиозных и культурных связей является распространение в Дагестане шиизма – одного из основных направлений ислама, широко распространенного в Иране. Иранцы принимали участие в распространении ислама в Дагестане. Так, в 989 г. гилянский проповедник Муса ат-Туси выступал с проповедями о необходимости строго соблюдать мусульманские традиции в Дербенте. Шейх Хасан Сухраварди обратил в 1304 году в ислам жителей Кубачи¹.

Сефевидский шейх Джунейд из Ардебилля под предлогом насаждения шиитского ислама организовал походы на Ширван и Дагестан. В 1461 году возле лезгинского селения Гапцах войско Джунейда наголову была разбита. Сам Джунейд также был убит. Его сын Хайдар в 1487 году разграбил Дербент и его окрестности. Захватив здесь 6000 пленных, он вернулся в Ардебиль. В следующем, 1488 году, он опять вторгся в Южный Дагестан. Возле табасаранского села Тинит объединенные силы табасаранцев, лезгин и туркмен разбили сефевидов. Хайдар сам также погиб в этом бою.

С начала XVI в. Дербент переходит под контроль Ирана. Для охраны границы «шахи Исмаил и Тахмасп переселяют сюда 900 семей из азербайджанских племен «румлу» и «курчи», затем часть племени «баят»; началось и насаждение шиитской разновидности ислама. Недовольные этим дербентцы, воспользовавшись ирано-турецкой войной, поднимают в 1579 г. восстание. Когда шаху Аббасу I удалось вернуть Дербент в начале

¹ Айтберов Т. М. О распространении ислама в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора. Махачкала, 1988. № 15. С. 28.

XVII в., он в отместку выселяет дербентцев-суннитов, добавив к населению города еще 400 семей «баят», а в 1638 г. путешественник Олеарий сообщает и о гарнизоне в 500 воинов из азербайджанских племен «айрумлу» и «койдурша»¹.

Сын шейха Хайдара Исмаил, основатель Сефевидского государства, в 1507 году захватывает Дербент и переселяет туда пятьсот семей из Тавриза. Шах Тахмасп I в 1540 г. переселил 400 семей племени гурчиан (курчи), шах Аббас I в 1579 г., выселив суннитов из Дербента, переселил 400 семей полукочевых племен баят и устаджлу.

Эту политику продолжили правители Ирана XVII-XVIII вв. Сефи I, Аббас II, Надир-шах, которые осуществляли военную колонизацию равнинной части Южного Дагестана².

В 1734-1745 гг. иранский шах Надир совершил несколько походов в Дагестан. Дагестанцы оказали ему мужественное сопротивление. Шах Надир в 1741 г. поселил в Дербенте несколько сот семей азербайджанского племени микри, также исповедовавшего шиизм.

В начале XX в. в Дагестане насчитывалось более 20 шиитских мечетей.

На сегодняшний день в Дагестане действуют 20 шиитских религиозных обществ, из которых 8 джума-мечетей, 11 квартальных мечетей, 1 религиозное общество без собственного здания мечети.

Наибольшее количество шиитских обществ действует в г. Дербенте. К ним относятся: 1. Джума-мечеть г. Дербента. Здание VIII века. В 1938 г. была закрыта. Вновь действует с 1944 года. Имам - Таибов Сеид-Гашим, 1962 г.р., азербайджанец, окончил медресе Мир-Араб в г. Бухара в 1991г. Руководит шиитской частью прихожан.

Уникальность этой мечети заключается в том, что одновременно в ней молятся и сунниты. Суннитской частью прихожан руководит заместитель имама - Гасанов Ахмед, табасаранец, 1959 г.р., окончил медресе Мир-Араб в г. Бухара в 1985 г.

2. Квартальная «Гарибляр мечеть». Построена в 1994 г. Имам - Юнус Пярван-Оглы, 1924 г.р., самоучка. 3. Квартальная «Етим-мечеть» построена в XVII веке, вновь действует с 1991 г. Имам - Касимов Мешади-Салих Гучаевич, 1957 г.р., азербайджанец, духовное образование - самоучка. 4. Квартальная мечеть «Кырхлар», построена в 1626 году, вновь действует с 1990 г. Памятник истории и культуры федерального значения. Имам - Сеидов Мир-Дамад Мир-Салихович, 1963г.р., азербайджанец, духовное образование - самоучка. 5. Квартальная «Товба мечеть». Построена в XVII веке, вновь действует с 1990 г. Имам - Исмаилов Баба Газанфарович 1953 г.р., азербайджанец, духовное образование -самоучка. 6. Квартальная мечеть Хаджи-Асадулла, построена в XIX в., вновь действует с 1995 г. Имам - Зульфугаров Камиль Абдинович, 1929 г.р., азербайджанец, духовное образование – самоучка. 7. Квартальная «Хамшари-мечеть» (мечеть имама Хусейна). Построена в XIX веке, вновь действует с 1994 г. Имам - Гусейнов Рахман Гасанболаевич, 1966 г.р. азербайджанец, духовное образование - самоучка. 8. Исламская религиозная организация «Единство» («Товхид»). Председатель совета - Султанов Габиб. 9. Местная религиозная организация мечети «Шах-зада Али Акбар».

¹ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. история Дагестана. Махачкала, 1994. С. 129.

² Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 509.

В г. Махачкале действует азербайджанское религиозное общество. Руководитель – Ибадула Белалов.

В г. Кизляре с 1991г. действует общество мусульман-шиитов, руководитель - Талибов Али Магомедович, 1938 г.р., азербайджанец, В 1992 г. этому обществу безвозмездно возвращено бывшее здание мечети шиитов по ул. Дахадаева, д. 10.

В г. Буйнакске действует азербайджанское религиозное общество «Шииты», руководитель - Али Исмаилович, 1927 г.р., азербайджанец, духовное образование - самоучка.

В Дербентском районе действуют: 1. Мечеть в поселке Белиджи, руководитель – Мамедов Магомед. 1. Мечеть в сел. Нюгди, открыта в 1993 г. 3. Мечеть в с. Мичурина-Первомайское (с/з «Оборона страны»).

Четыре шиитских мечетей действуют в Докузпаринском районе: одна джума-мечеть и 3 квартальных мечетей в с. Мискинджа.

Из-за нехватки подготовленных кадров шиитского духовенства более 30 человек из Дагестана были направлены в 90-х годах XX века для учебы в известные религиозные центры Ирана - Кум, Мешхед, Тегеран. Все 8 человек из с. Мискинджа через год-два вернулись обратно на родину из-за трудности в изучении иранского языка.

В последние годы в Дагестане распространяется шиитская литература, изданная на иранском языке. Также распространяется шиитская литература и на русском языке, в частности труды имама Хомейни, двадцатитомный «Свет Священного Корана» и др.¹

Одним из каналов приобщения к богатой иранской культуре является изучение иранского языка и культуры на факультете востоковедения Дагестанского государственного университета. Кстати, там преподает один из лучших переводчиков «Шах-наме» в нашей стране, доктор филологических наук, профессор М.-Н.О. Османов.

Итак, дагестано-иранские социально-экономические, политические и культурные связи насчитывают несколько тысячелетий. Многие письменные, археологические, эпиграфические, лексические, этнографические источники и памятники, найденные на территории Дагестана, свидетельствуют о широком распространении среди дагестанских народов иранской культуры. Особенно интенсивными были культурные и религиозные связи дагестанских народов и Ирана до середины XVIII в. Достаточно сказать, что именно через Иран начали распространяться на территории Дагестана такие религии, как зороастризм, иудаизм и шиитское течение ислама. Дагестанцы всегда поддерживали с Ираном активные торгово-экономические связи.

Во многих районах Дагестана найдены многочисленные персидские рукописи XIV – начала XX вв. по суфизму, фикху, лексикографии, медицине, поэзии, логике, рукописи Корана с подстрочным переводом на персидский язык. Произведения на персидском языке создавали и некоторые дагестанцы.

В наше время происходит возрождение дагестано-иранских экономических, культурных и религиозных связей.

¹ Свет Священного Корана (Разъяснения и толкования). Составлено группой мусульманских ученых. В 20 томах. Т. 1-5. Исфахан, 2000 – 2004 гг.

Роль и место неправительственных религиозно-политических организаций в экспорте Ираном «исламской революции» в 80-х гг. XX в.

В современном исламском мире, помимо благотворительных, просветительских, культурных и даже политических организаций, которые действуют в рамках законов своей страны, занимают лояльную позицию по отношению к существующей власти, считают неприемлемыми для себя любые формы насилия, имеется целый ряд объединений, которые находятся в оппозиции, часто непримиримой, к режимам в соответствующих странах. Это – экстремистские и даже террористические неправительственные религиозно-политические организации (НРПО)¹. Они, как правило, ставят перед собой задачу либо по свержению этих режимов, либо по политико-государственному самоопределению мусульман, не исключая при этом использования насилия, представляемого ими в качестве джихада.

В настоящее время существуют сотни исламистских террористических организаций и группировок. По оценкам западных спецслужб, в 1968 г. их было 13, а в 1995 г. уже около 100, причем общее число активных членов, способных совершить террористические акты, к этому времени составляло не менее 50 тысяч человек². Ю.П.Кузнецов считает, что «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80% террористических актов в мире и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности»³. А авторитетнейший российский исследователь проблем радикализма в исламе А.А.Игнатенко, в свою очередь, называет цифру 200⁴.

Для экстремистских и террористических группировок и организаций органично присущими представляются следующие основные характеристики: использование вооруженной борьбы, в том числе проведение террористических акций, как основного метода действий; непризнание легитимности правящих светских режимов, бескомпромиссная борьба с ними; использование легальной пропаганды исключительно в качестве вспомогательного средства для привлечения в свои ряды новых членов; аморфность организационных структур, децентрализация руководства в целях повышения живучести группировок; интернационализация экстремистского исламского движения и координация деятельности входящих в него организаций; сращивание экстремистского исламского движения с международной организованной преступностью и наркобизнесом.

Среди наиболее одиозных террористических группировок, действующих в современном мире можно назвать, в том числе, и проиранские неправительственные религиозно-политические организации. Такие НРПО возникли в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке. Наиболее значимой в этом плане является

¹ См. об этом подробнее: Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Дону, 2001; Игнатенко А.А. Халифы без халифата. – М., 1988.

² См.: Полонский В., Григорьев А. Джихад всему миру // Общая газета. - 1995. - № 17.

³ Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. - СПб., 1998. - С. 31.

⁴ См.: Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. - М., 2001. - С. 15.

борьба некоторых палестинских и ливанских исламистских организаций, выступающих либо за создание собственного государства (Палестина), либо против оккупации части территории их страны (Ливан). При этом на их идеологию и практику в значительной степени повлияли события, связанные с «исламской революцией» в Иране и последовавшим ее экспортом в другие мусульманские страны.

Суть основополагающей концепции «веляят-е факих» или «хокумат-е эслами» («исламское правление»), разработанной аятоллой Рухоллой Хомейни, заключается в том, что в отсутствие имама (в шиитской доктрине имам – законный руководитель мусульманской общины, прямой потомок четвертого халифа Али и дочери пророка Фатимы, который находится пока в скрытом состоянии – «махди», но неминуемо явится миру, чтобы установить царство справедливости – И.Д.) руководство общиной возлагается на богословов, которым как бы передоверяется способность правильного толкования Корана. Вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках образцового богослова – факиха, который в качестве высшей инстанции обладает высокими личными качествами и совершенным знанием. Конституция, парламент призваны лишь оформлять соответствующее толкование положений шариата, а исполнительные органы – следить за выполнением вытекающих из толкования предписаний. Следовательно, концепция «веляят-е факих» фактически предполагает персонифицированное исламское правление.

Несмотря на непринятие этой концепции практически всеми высшими религиозными авторитетами в иранском государстве, которые отстаивают принцип невмешательства духовенства в непосредственное управление государственными делами¹, «веляят-е факих» до сих пор является определяющей в деле государственного строительства и управления в ИРИ.

Согласно этой концепции, органы власти в Иране построены таким образом, что ведущее положение в политической системе на всех уровнях занимают религиозные деятели, а главным звеном этой системы является духовный лидер государства (первоначально аятолла Хомейни, а после его смерти – аятолла Хаменеи). Статьей 110 Конституции ИРИ ему предоставлены беспрецедентные права в области законодательной, исполнительной и судебной властей, решении вопросов войны и мира, назначении и смещении ряда должностных лиц и т.д.

Хотя в Конституции (статьи 58 и 114) говорится о том, что именно народ выбирает президента и членов «Собрания исламского совета» («Маджлес-е шоура-йе эслами», или парламента), решающую роль в определении всех аспектов политики играют религиозные деятели. Они составляют абсолютное большинство в «Собрании», которое выполняет скорее не законодательные, а служебные функции – поиск в «священных источниках» положений и установлений, которые отвечали бы на возникающие жизненные проблемы. Следует отметить, что над «Собранием» стоит так называемый «Совет экспертов» («Наблюдательный совет» или «Совет по охране конституции»), состоящий из знатоков шариата. Они, как правило, представляют консервативное крыло в политическом спектре

¹ Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. - М., 2001. - С. 61.

республики. Из двенадцати его членов шесть одобряются парламентом, а остальные назначаются духовным лидером. В задачу этого Совета входит проверка решений меджлиса на предмет их соответствия шариату. По сути, этот орган имеет право вето в отношении любого решения.

Среди религиозно-политических организаций, ведущих ожесточенную борьбу с Израилем и использующих в своих идеологических установках иранскую концепцию «исламского правления», в качестве наиболее убедительного примера можно назвать палестинскую «Джихад ислами» и ливанскую «Хезболлах».

Первоначально движение «Джихад» появилось в Египте, где оно было основано в 1974 г. активистами, отколовшимися от «Братьев-мусульман» на базе небольшой группировки в Асьютском университете. Отток «братьев» в группы «Джихада» в 70-х гг. был вызван разногласиями ассоциации относительно стратегии террористической деятельности. Основной целью «Джихада» являлось создание насильственным путем исламских государств в Египте и других мусульманских странах. Организация отказывалась от какого-либо сотрудничества с правительственными структурами, выступала за координацию усилий всех фундаменталистских организаций в исламском мире, поддерживала и поддерживает ООП и противостоит экспансионистской политике Израиля, категорически не приемлет коммунистической идеологии.

Боевые группы «Джихада», действующие в рамках небольших нелегальных ячеек, пополняют свои ряды за счет новобранцев в возрасте от 15 до 30 лет, которые затем принимают участие в террористических акциях против египетских правительственных и должностных лиц, христианских деятелей (коптов) и их учреждений, израильских и западных целей на территории Египта. Наиболее значительной акцией явилось убийство ими в 1981 г. президента Египта А.Садата. В 1986-87 гг. в результате активизации «Джихадом» террористической деятельности ее боевиками были убиты министр внутренних дел Египта Набави Исмаил и главный редактор еженедельника «Аль-Мусаввар» М.Ахмед. Вслед за последовавшими арестами от организации откололась группа численностью до ста человек, образовавшая самостоятельную организацию «Возрождение из огня», основными методами которой стали бандитские нападения на государственные учреждения и убийства ответственных правительственных чиновников, уклоняющихся от жизни по законам шариата. Боевики из этой группировки в ноябре 1990 г. осуществили убийство председателя египетского парламента – Рафата Махгуба. Члены «Джихада» проходили боевую подготовку и переподготовку на базах, расположенных в отдаленных районах Верхнего Египта, а также в Афганистане, Пакистане, Судане и других странах.

Ввиду серьезной угрозы, которую представляют фракции «Джихада» для египетского режима, силы безопасности этой страны придают исключительное значение борьбе с этой организацией. При министре внутренних дел генерале Заки приблизительно 8 тыс. активистов «Джихада» были арестованы и заключены в тюрьмы. Однако инфраструктура организации не была полностью разрушена, и когда к обязанностям приступил новый министр генерал Абд ал-Халим Муса, группы «джихада» резко усилили

активность своих действий. В результате генерал в октябре 1990 г. был вынужден заявить, что «силы безопасности готовы к полному устранению организации «Джихад» в Египте, так же как и любой другой организации, действующей против власти и стабильности»¹.

В других государствах Ближнего Востока появлению групп «Исламского джихада», несомненно, способствовала исламская революция в Иране, поскольку вслед за ее осуществлением иранские «муллократы» практически сразу начали «экспортировать» ее идеи и практику за пределы национальных границ. Созданному в Иране «Революционному исламскому совету» было рекомендовано координировать действия проиранских организаций в различных странах. Совет направлял своих активистов в арабские страны, где они с помощью местных сторонников распространяли свои идеологические воззрения, особенно среди молодежи. Под воздействием их пропагандистских усилий часть молодых мусульман-арабов оказалась критически настроена к палестинским террористическим организациям националистического толка, сознательно удалившим исламское содержание из своих идеологических платформ. Это, по мнению приверженцев ислама, противоречило программе создания религиозного исламского палестинского государства. Тем не менее, они выступали и против традиционных исламских движений типа «Братья-мусульмане», которые игнорировали палестинскую проблему, отказались от активной вооруженной борьбы за освобождение Палестины, делали упор на развитие исламской культуры и социальной работы на территориях, ставя целью концентрацию сил путем привлечения в свои ряды максимального количества молодых палестинцев.

В настоящее время среди многочисленных группировок «Исламского джихада» во многих арабских странах наиболее влиятельной считается его палестинская структура, представляющая собой хорошо законспирированную, отличающуюся высокой дисциплиной, адекватной подготовкой своих членов и их приверженностью к идеологическим установкам лидеров экстремистскую исламскую организацию шиитского толка. Причиной ее возникновения явилось, помимо исламской революции в Иране, то, что в процессе развития исламского фактора на оккупированных территориях под воздействием внешних обстоятельств и в результате неизбежного взаимодействия с националистическими концепциями произошла трансформация отдельных политических установок фундаменталистов. Такого рода политические процессы стали причиной появления в палестинском движении сопротивления (ПДС) исламистских организаций, во многом разделявших взгляды националистов в отношении необходимости ведения активной борьбы с оккупацией за освобождение Палестины. Эта адаптация исламского фактора к националистическим лозунгам породила возможность налаживания сотрудничества между националистами и исламскими фундаменталистами. В результате этого процесса в 1979 г. из националистической организации «Силы палестинского освобождения», входившей в ПДС, вышла группа палестинцев, образовавшая «Джихад ислами». В нее же вошли мусульманские фундаменталисты из числа арабов-палестинцев,

¹ Цит. по: Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. – Махачкала, 1999. - С. 86.

а также некоторые бывшие члены ассоциации «Братьев-мусульман», разочаровавшихся в эффективности своей организации. Как отмечала газета «Монд», «опыт иранской революции... не прошел даром, вдохновляя новое поколение исламских активистов и проповедников. Они поставили Коран и мечети на службу национализму... Конечным результатом этой эволюции стало возникновение «Джихад ислами»¹.

«Джихад ислами» проповедует революционную исламскую борьбу в иранском стиле и создание в Палестине исламского государства по иранскому образцу. Главной своей целью, помимо создания исламского палестинского государства, она ставит уничтожение Израиля посредством ведения с использованием всех имеющихся средств священной войны – джихада. Ее руководство полагает, что на данном этапе ислам должен быть поставлен на службу освобождения оккупированных Израилем палестинских территорий. Из-за поддержки, оказываемой Израилю со стороны США, последние также отнесены к категории врагов этой организации. «Исламский джихад» выступает также против политики умеренных арабских режимов, которые они считают подпавшими под влияние западного атеизма и секуляризма.

Палестинский «Исламский джихад» состоит из четырех фракций, три из которых не осуществляют террористических акций. Непосредственно такие акции осуществляются боевиками бригад «Ал-Кассам» или «Боевых сил «Исламского джихада» («Кувва ал-исламия ал-муджахида»). «Ал-Кассам» представляет собой боевую структуру, аналогичную бригадам «Хамас». В отряды «Ал-Кассам» входят преимущественно молодые люди из числа религиозных фанатиков, готовые пожертвовать собой во имя победы ислама в Палестине. Руководящим органом организации является «Совет шуры», состоящий из десяти членов. «Шура» представляет собой подпольный орган, координирующий действия военных структур «Исламского джихада»².

Однако, в отличие от «Хамас», «Исламский джихад» – военная организация, не стремящаяся к массовой популярности. Тем не менее, она большое значение придает идеологическому обеспечению своей политической практики, чему в немалой степени способствуют сторонники организации из числа религиозных авторитетов местного уровня, контролирующих значительное количество мечетей в секторе Газа. Муллы этих мечетей своей проповеднической деятельностью привлекают новых сторонников в ряды исламистского движения и наставляют боевиков на акции самопожертвования.

Характеризуя политические взгляды приверженцев «Джихад ислами», журнал «Middle East International» писал: «В основе учения этой новой группы приверженцев ислама лежит необходимость просвещать и обращать мусульман в более стойких сторонников учения ислама, но в то же время принимать меры против израильской оккупации и любой другой формы правления, которая задерживает установление исламского государства. При этом они противоречат «Братьям-мусульманам», заявляя,

¹ БПИ ТАСС. - №2 47. - 1987. - 16 дек.

² Арухов З.С. Указ. соч. - С. 81.

что борьба против оккупации не может ждать до тех пор, пока все мусульмане не станут последовательными борцами за веру»¹.

«Исламский джихад» (ДИ) всегда имел резкие разногласия с палестинскими «Братьями-мусульманами» (БМ), а затем и с их военной структурой «Хамас». До 1987 г. разногласия между «Братьями» и «Исламским джихадом» сводились к трем проблемам: БМ считали возможным решение палестинской проблемы и создание исламского государства вне Палестины, в то время как ДИ настаивал на обратном; БМ и ДИ по-разному оценивали важность роли исламской революции в Иране; наконец, разным был подход к определению времени начала джихада против евреев. Палестинские «Братья-мусульмане» и «Исламский джихад» по-разному трактовали необходимость создания и развития в рамках широкой исламской пропаганды соответствующей инфраструктуры в секторе Газа и на Западном берегу, прежде чем переходить к вооруженной стадии борьбы. По мнению «Братьев», поспешное начало боевых операций могло существенно снизить потенциал палестинских сил сопротивления и создало бы благоприятные условия для противодействия им со стороны израильских сил безопасности. В свою очередь «Исламский джихад» полагал, что его отряды достаточно вооружены и рассматривал священную войну как божественное обязательство, которое было необходимо реализовать немедленно².

Начало интифады в конце 1987 г. и массовые демонстрации, которые имели место на территориях, убедили активистов «Братьев-мусульман», что их пассивность могла серьезнейшим образом отразиться на степени популярности и поддержки их деятельности среди населения. В результате «Братьями» в августе 1988 г. была создана боевая структура – «Хамас» («Движение исламского сопротивления»), которая немедленно присоединилась к массовым забастовкам и актам гражданского неповиновения среди палестинского населения.

Критикуя стратегию «Братьев-мусульман» в отношении оккупированных территорий, «Джихад ислами» одновременно осуждал применение «Братьями» насилия против националистов, выступал за национальное единство всех палестинцев и подчеркивал, что только диалог может представлять собой базу для взаимоотношений между различными палестинскими группировками. Однако, развивая сотрудничество с националистами, прежде всего из ФАТХ, «Джихад Ислами» в то же время стремился усилить свое религиозное воздействие на сторонников националистического пути развития, имея в виду возможное позитивное восприятие ими исламистской доктрины. Между тем, сотрудничество ДИ с ФАТХ резко ослабло в 1988-90-х гг., вслед за политическими шагами Арафата и смертью Абу Джихада, представителя «Джихад ислами», осуществлявшего контакты с националистами. Заявление Арафата о готовности признать решения Совета Безопасности № 242 и № 338 были расценены ДИ как признание права на существование Израиля, что породило разрыв негласного соглашения с ФАТХ, который существовал до того времени. Критика ФАТХ активистами ДИ привела

¹ Middle East International. – 1987. - 24 Oct.

² Арухов З.С. Указ. соч. - С. 89-90.

к сворачиванию помощи и финансовой поддержки, оказываемой его группам на территориях.

Решительная борьба с израильской оккупацией, включая вооруженные акции, начатые в 1986 г., ведущая роль в начале восстания (интифада, декабрь 1987-89 г.г.) и активное участие в его продолжении вместе со сторонниками ООП позволили «Исламскому джихаду» приобрести популярность и завоевать поддержку среди широких масс палестинцев, привели к тому, что многие бывшие «Братья-мусульмане» перешли на ее сторону. Успехи «Джихада» серьезно поколебали доминирующие позиции «Братьев», превратили ДИ в их основного соперника в борьбе за влияние на палестинцев. Даже относительное восстановление отношений между «Исламским джихадом» и «Братьями-мусульманами» в ходе интифады существенным образом не отразилось на степени жесткого соперничества между ними, принимавшего время от времени ожесточенный и бескомпромиссный характер.

Таким образом, изложенное позволяет рассматривать «Джихад ислами» как новый тип фундаменталистской палестинской организации, стоящей на отличных от «Братьев-мусульман» позициях и тесно сочетающей в своей деятельности исламские и националистические концепции, что, по мнению западных экспертов, придает ей больший радикализм.

Группировки «Исламского джихада» имеются и в других государствах Ближнего Востока, например, в Иордании, Ливане, Сирии и т.д.

Среди других проиранских фундаменталистских группировок в регионе Ближнего Востока, активно прибегающих для достижения политических целей к силовой практике, следует назвать «Хезболлах» («Партия Аллаха») – шиитскую организацию, созданную в 1982 г. в ливанской долине Бекаа под воздействием победы исламской революции в Иране и как реакцию на оккупацию израильскими войсками Южного Ливана. Появление в Ливане «Хезболлах» и других религиозно-политических организаций, выступающих за возврат к исламским нормам общественной жизни, произошло в условиях отсутствия твердой государственной власти, разгула анархии и затяжного кризиса в блоке левых и патриотических сил. Тогда часть ливанских мусульман, разочарованная в способности своих партий выработать эффективный план урегулирования внутреннего кризиса, увидела путь решения проблем в возврате к «истинному» исламу. В наибольшей степени этот процесс затронул крупнейшую в стране шиитскую общину, которая всегда являлась малоимущей, угнетенной и политически пассивной. Впервые в ней возникли религиозно-политические организации («Амаль», «Хезболлах»), выступившие за отмену конфессиональной системы государственного устройства, отводившей шиитам второстепенное положение в обществе и не соответствовавшей возросшим политическим амбициям шиитской буржуазии. Мощным импульсом, способствовавшим радикализации ливанских шиитов, стала исламская революция в Иране, а израильская агрессия в Ливане летом 1982 г. ускорила их организационное оформление.

Ливанская «Хезболлах», фактически являясь ответвлением одноименной партии Ирана, выстраивает свои цели в соответствии с политическим курсом ИРИ. При создании

организации ее лидерами был провозглашен джихад против сионизма и империализма. Целью борьбы было объявлено изгнание израильских интервентов из Ливана, а перспективными задачами – уничтожение Израиля, установление исламского контроля над Иерусалимом, создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Последняя задача нашла свое официальное оформление в программе «Хезболлах», принятой в 1985 г.

Одновременно весомое воздействие на политическую деятельность «Хезболлах» оказывает Сирия, между руководством которой и Тегераном постоянно отмечается соперничество за влияние на эту организацию. Однако иранская помощь «Хезболлах» всегда отличалась и отличается от сирийской масштабностью и большей глубиной. Она сильнее идеологизирована и базируется на общности шиитской доктрины, на идеологических установках, не допускающих признание факта существования израильского государства, и имеет глубокие исторические корни. Несмотря на приход к власти в Иране президента Мохаммада Хатами, которого характеризуют как умеренного прагматика в вопросах веры и идеологии и либерала-реформатора в сфере политики, поддержка Ираном «Хезболлах» не уменьшилась. По некоторым данным, ежегодная помощь Ирана данной организации оценивается в сумму от 30 до 100 млн долл.¹ В то же время, в последние годы усилилось влияние Сирии на все важнейшие сферы жизни и деятельность «Хезболлах». Более того, по данным «Независимой газеты», в случае возникновения непреодолимых разногласий между Сирией и Ираном по поводу дальнейшей судьбы «Хезболлах» до 80% состава организации может сегодня встать на сторону Дамаска².

Для решения выстроенных целей и задач «Хезболлах» располагает собственными военизированными подразделениями, созданными при прямом финансировании со стороны иранских властей. Основное внимание в период израильской оккупации руководство организации уделяло ведению боевых операций против израильтян в «зоне безопасности» на юге Ливана, хотя в первые годы своей деятельности практиковала и террористические методы, в частности, похищения иностранцев. Легитимность военных операций лидерами «Хезболлах» объяснялась незаконной оккупацией Израилем юга Ливана.

Структурно «Хезболлах» состоит из малочисленных групп, объединенных в отделения, возглавляемые Высшим консультативным советом, состоящим из 12 религиозных, политических и военных деятелей. Членов организации, в основном молодых людей, отличает высокая дисциплина, от них требуется неукоснительное соблюдение морально-нравственных норм и исламских обрядов, готовность к безусловному подчинению руководителю. «Хезболлах» представляет собой реальную силу, поскольку после окончания гражданской войны в Ливане остался единственной структурой, не разоружившей свою милицию.

¹ Риядов В. Ливанская «Хизбалла» // Независимая газета. - 2001. - 7 июня.

² Там же.

Одновременно организация располагает хорошо законспирированной террористической структурой: в 1992 г. боевое ядро военного крыла «Хезболлах» было выделено в самостоятельную боевую единицу, формально не связанную с организацией. Больше известная под названием «Исламское сопротивление» (ИС), эта группа представляет собой хорошо организованную и глубоко законспирированную вооруженную структуру общей численностью от 300 до 500 профессиональных бойцов во главе с офицерами, прошедшими специальную подготовку за границей¹. Именно с деятельностью данной группы связаны осуществлявшиеся «Хезболлах» акции терроризма, в том числе и международного характера. Первые террористические акции, приписываемые «Хезболлах», – это взрывы казарм американского и французского контингентов в Ливане в октябре 1983 г., когда погибли несколько сотен человек. Взрывы были осуществлены смертниками, направившими грузовики, начиненные взрывчаткой, на казармы. В 1984 г. «Хезболлах» предпринимает аналогичную акцию в отношении посольства США в Бейруте, в результате чего погибли и были ранены десятки людей. В течение 80-х гг. боевики «Хезболлах» постоянно осуществляли захваты заложников-граждан западных стран, провели несколько захватов самолетов в Европе и на Ближнем Востоке. Западными спецслужбами лидер «Хезболлах» шейх Хусейн Фадлала был внесен в список 18 опаснейших террористов мира.

Вместе с тем, еще до завершения израильской оккупации юга страны в конце мая 1999 г. «Хезболлах» начала постепенно трансформироваться из чисто военной в полувоенную силу. Осенью 1992 г. она получила 8 из 128 мест в ливанском парламенте, что позволило партии, блокируясь с другими депутатами-исламистами, иметь от 10 до 20% голосов и таким образом претендовать на роль одной из ведущих политических сил Ливана. В таких условиях руководство организации публично заявило об отказе от диверсионно-террористических методов борьбы и несколько снизило уровень активности на юге Ливана.

Сегодня «Хезболлах» выступает одновременно как авторитетная ливанская политическая партия, крупная шиитская общественная и гуманитарная организация, и как военная сила. На выборах в сентябре 2000 г. она получила уже 12 мест в ливанском парламенте. Организация оказывает финансовую помощь в восстановлении жилых домов и деловых центров, получивших повреждения в ходе боевых действий на юге Ливана, а также участвует в работах по восстановлению дорог и других социально-экономических проектах. Организация оказывает мощное пропагандистско-просветительское влияние на население Ливана и соседних государств, используя имеющиеся в ее распоряжении сайты в Интернете, телевизионную станцию «Аль-Манар», радиостанцию «Ан-Нур», еженедельный журнал «Аль-Ахд», другие средства массовой информации. Ее светская и религиозная деятельность составляет важную часть жизни шиитской общины Ливана и

¹ Там же.

обеспечивает ей прочную и долговременную основу для мобилизации в свои ряды новых сторонников¹.

Несмотря на отмеченные эволюционные изменения в политической деятельности «Хезболлах», ее программные установки, принятые в 1985 г., остаются неизменными. Сразу же после вывода израильских войск с юга Ливана лидер «Хезболлах» Хасан Насралла заявил, что организация продолжит боевые действия против израильских патрулей в спорных районах ливано-израильской границы (Шебаа). В ходе своего первого визита после вывода израильских войск в Иран он подчеркнул, что «Хезболлах» продолжит вооруженную борьбу до тех пор, пока хоть одна пядь ливанской территории останется не освобожденной².

В заключение, однако, следует отметить, что, хотя проиранские НРПО до сих пор существуют и действуют в различных регионах «исламского мира», тем не менее, их актуализация характерна, в основном, для 80-х гг. XX в. Характерным моментом в политическом курсе Ирана после победы на президентских выборах 1997 г. представителя реформистского течения Хатами является то, что растущие разногласия в правящей верхушке в последние годы становятся все более очевидными. Некоторые существенные элементы шиитско-исламского радикализма, содействовавшие в период «исламской революции» сплочению большей части оппозиции на борьбу против шахской диктатуры, ныне служат интересам лишь консервативного крыла исламистов. По этой причине, пытаясь перехватить инициативу, их либеральное крыло, возглавляемое М.Хатами, добивается построения «гражданского общества» в рамках существующего исламского строя, обеспечения некоторого развития демократии и свободы слова. Именно Хатами ввел в политический лексикон Ирана понятие «исламская демократия», назвав ее одной из главных целей исламской революции 1978-79 гг.³

Одновременно существенно снизился «экспорт исламской революции» вовне страны. Через два десятилетия после победы идей «исламского правления» в Иране постепенно наблюдается отход, по крайней мере, части ее руководства от идей и практики экстремизма к исламу в его умеренной форме.

Вместе с тем, в 90-х гг. XX в. на авансцену исламистского движения вышли уже суннитские группировки «ваххабитского» толка. Именно с ними сегодня связаны основные угрозы и вызовы, исходящие из стран мусульманского Востока.

¹ Риядов В. Указ. соч.

² Там же.

³ Алиев С.М. Современное исламское возрождение и его особенности (на примере Афганистана, Ирана и Турции) // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. - М., 2001. - С. 30-31.

РАЗДЕЛ 2. ЮГ РОССИИ И ИРАН В XXI В.

Д.В. Суслов

«Иранский вопрос» в мировой политике XXI века и его возможное решение

Предыстория и определение «иранского вопроса»

Иран считается большинством западных экспертов в качестве одного из главных вызовов международной безопасности начала XXI века¹. Стоит лишь бегло взглянуть на ежедневные новостные ленты, чтобы убедиться, что Иран занимает сегодня наряду с Ираком и Северной Кореей одно из главных мест на мирополитической повестке дня. Можно, конечно, указать на то, что эта глобальная повестка формулируется преимущественно Соединенными Штатами, и спорить о том, насколько это правомерно. Но факт остается фактом: постоянные осуждающие и тревожные заявления МАГАТЭ, регулярно возникающие скандалы об утаенных иранским руководством в нарушение международного режима нераспространения ядерных технологий², все это говорит об Иране не только как об объекте повышенного внимания со стороны западного сообщества, но и о его одном из главных раздражителей.

С учетом же того, что а) иракская проблема постепенно отходит на второй план, б) Иран все с большей уверенностью и открытостью заявляет о желании войти в ядерный клуб, в) намерение администрации Буша продолжать реализацию мегапроекта по демократизации региона Большого Ближнего Востока не только не уменьшается, но, наоборот, укрепляется в американском внешнеполитическом планировании, и его реализация будет квинтэссенцией внешней политики второго президентского срока Буша в случае его переизбрания, - все это говорит о том, что образ Ирана в качестве вызова международной стабильности в течение ближайших нескольких лет будет неуклонно укрепляться.

Впервые в новейшей истории Иран оказался на мирополитической повестке дня в качестве вызова международной безопасности в 1979 году, когда в результате революции и падения прозападного монархического режима к власти в стране пришли исламские «фундаменталисты». Провозгласив целью своей внешней политики экспорт исламской революции, борьбу с Израилем и США и региональное лидерство, Иран нанес сильный удар по управляемости региона Ближнего и Среднего востока по тогдашней биполярной модели, превратился в страну - изгой и для западного, и для советского блоков. После

¹ См., например, Steven Everts. Iran: The Next Big Crisis. Prospect. Special Report. December 2003.; George Perkovich. Dealing With Iran's Nuclear Challenge. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, April 28, 2003; Joseph Cirincione, Jon B. Wolfsthal and Miriam Rajkumar. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

² См., например, Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Resolution Adopted by the Board on 26 November 2003. International Atomic Energy Agency. Board of Governors. GOV/2003/81. 26 November 2003; Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. International Atomic Energy Agency. Board of Governors. GOV/2004/11. 24 February 2004.; Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Resolution Adopted by the Board on 13 March 2004. International Atomic Energy Agency. Board of Governors. GOV/2004/21. 13 March 2003.

окончания холодной войны и распада биполярности на иранском направлении воцарилось некоторое затишье.

С одной стороны, в начале 90-х внешняя политика главного антагониста клерикального Ирана - США - находилась в переходном состоянии от биполярной конфронтации к глобальному лидерству, «управлению глобализацией» и «расширению демократии», в первую очередь за счет Европы. В то время главные интересы Вашингтона сосредоточивались в Европе, а также в Восточной Азии и России.

С другой стороны, иранская элита и политическая система вступили в начале 90-х годов в период медленной и противоречивой трансформации в сторону большей открытости и либерализма. Существенно снизилась по сравнению с 80-ми годами подрывная в отношении Запада деятельность Ирана на Ближнем и Среднем Востоке. При этом, однако, базовый конфронтационный подход США к Ирану не изменился, а всего лишь отошел на второй план.

С приходом же к власти в США администрации Джорджа Буша – младшего, часто пренебрегавшей политикой «вовлечения» «проблемных» государств и делавшей упор преимущественно на военно-силовом давлении и конфронтации с ними, пренебрежении нормами международного права и многосторонними режимами, иранский вопрос снова вышел на острие глобальной повестки дня. Это совпало по времени с глобальным кризисом режима ядерного нераспространения – молчаливым признанием Израиля, Индии и Пакистана ядерными государствами, а также заметной активизацией ядерной программы самого Ирана.¹ Соответственно, внимание «авангарда мирового сообщества» сосредоточилось на ядерных программах неконтролируемых Западом режимов, и тем более враждебных ему. Ими в первую очередь были Иран, Ирак и Северная Корея. Таким образом, с самого начала «возвращения» Ирана на острие международно-политической повестки дня, представляемый им вызов нельзя рассматривать в отдельности от всего кризиса режима ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке, а также неуправляемость и нарастающей нестабильности в этой части исламского мира в целом.

Естественным результатом этих двух факторов стало желание доминировавших тогда в администрации Буша неоконсерваторов перейти от клинтоновского чередования политики сдерживания и вовлечения к наступательной стратегии «упреждающей» насильственной трансформации региона Ближнего и Среднего Востока. Двуетапной целью этой стратегии было лишить государства региона возможности приобрести ядерное оружие (или иное оружие массового поражения) и сменить в них политические режимы на более дружественные США. Кстати, она отнюдь не была лишена смысла. Ведь до того более мягкая клинтоновская политика по пресечению ядерного распространения потерпела крах. Индия (определенно без американской помощи) стала ядерным государством именно к концу президентства Клинтона. На тот же период приходится резкая активизация ядерных программ Ирана, Северной Кореи и Ливии. Следовательно,

¹ Юрий Федоров. «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // Pro et Contra, Том 7, '4, Осень, 2002. ; Shai Feldman, Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East, Harvard University's BCSIA Studies in International Studies (Cambridge: MIT Press, 1997).

коль скоро политика «умиротворения» и «вовлеченности» не помогла, возник соблазн силой предотвратить завершение ядерных программ этих государств. Тем более, это совпадало с республиканским видением внешней политики вообще.

Еще большую остроту проблема Ирана приобрела после событий 11 сентября 2001 года, когда американская элита, причем как республиканская, так и демократическая, всерьез задумалась о возможности ядерного терроризма. Кроме того, некоторые влиятельные политики придерживались мнения, что международные террористические сети пользуются поддержкой враждебных США и Западу государств. Тем более, у Ирана к тому времени имелся богатый опыт покровительства террористической деятельности, направленной против Израиля и прозападно ориентированных арабских правительств.

Напомню, что еще только в 2001 году умеренный и реформистски настроенный (по иранским меркам) нынешний президент Ирана Мохаммад Хатами писал: «Политический лозунг Запада говорит о защите свободы, прав человека, демократии и национальных государств. Наша война с Западом в этой сфере — это вопрос жизни и смерти. И любой компромисс, любая уступка с нашей стороны... не принесет нам иного результата, кроме как угнетения, бесчестия и потери нашей индивидуальности и славы».¹

В этом контексте вполне логично, что искоренение причин, порождающих исламский терроризм, поставило, по мнению большинства консервативных американских теоретиков, задачу не только силового создания в государствах Ближнего и Среднего Востока «своих» режимов, но и их демократизацию, ограничение влияния на население консервативного исламского духовенства. В результате Иран стал одним из трех членов провозглашенной президентом Бушем «оси зла», политика США в отношении которых была весьма недвусмысленна: разоружение, смена режима и демократизация.²

Накануне и во время войны США против Ирака среди многих наблюдателей преобладало мнение, что следующей целью Вашингтона станет именно Иран. Бытовало также мнение, что вообще американская кампания против Саддама Хусейна планировалась именно как прелюдия к действительно решающей битве – битве за Иран. В этой битве Ирак должен был выступать в качестве прецедента и образца успешной трансформации, а также плацдармом для удара по Ирану.³

Эти перспективы не могли не вызывать протеста у других влиятельных акторов международной системы, участвовавших в дискурсе вокруг Ирана, и в первую очередь Европы и России. Обе сильно обеспокоены возможной войной на Среднем Востоке, могущей привести к катастрофическим последствиям для региона Большого Ближнего Востока, Средней Азии и Юга России в целом. Для Европы опасность также заключается, в случае поражения США (что отнюдь не исключается, особенно на фоне все возрастающей нестабильности в «послевоенных» Ираке и Афганистане), в резком

¹ Сейед Мохаммад Хатами. Страх перед бурей. М., 2001. С. 114—115.

² The President's State of the Union Address. The United States Capitol. Washington, D.C. Office of the Press Secretary. For Immediate Release. January 29, 2002

³ Дмитрий Сулов, Ариф Усейнов. «Буш сколотил антииранскую коалицию. Для ударов по Тегерану он намерен использовать территории Азербайджана и Грузии». // Независимая газета, 29.05.2003; Евгений Верлин, Дмитрий Сулов. «Тегеран – 2003. Вашингтон и Лондон готовят почву для развертывания новой войны». // Независимая газета, 30.05.2003.

ограничении американского регулирования международной системы. Последнее приведет к образованию в этой системе вакуума власти (в силу отсутствия других, помимо американского, регулирующих начал) и, как следствие, хаоса.

Если Россия вовлечена в дискурс по Ирану в силу своего статуса постоянного члена СБ ООН, наличия в Иране весомых экономических интересов и идеи превращения Ирана в своего союзника в регионе, то Европа участвует в обсуждении иранского вопроса в силу трансатлантической связки с США и стремлением сформировать глобальную внешнюю политику Евросоюза с ее особой глобальной миссией. При этом ни Россия, ни Европа по причине собственной слабости не в состоянии предложить реальную альтернативу американской программе, навязать миру свою собственную, альтернативную американской повестку дня по Ирану, а потому вынуждены работать с американской стратегией и направлять все усилия на ее трансформацию.

В настоящее время внешнеполитическая риторика Вашингтона несколько изменилась: теперь вместо «оси зла» из трех государств декларируется более долгосрочный (и, следовательно, менее определенный) проект продвижения демократии во всем регионе Ближнего и Среднего Востока. Уже в своем послании к нации «О Положении Союза» 20 января 2004 года президент, говоря об Иране, Ливии и Северной Корее, вместо «оси зла» упирает на то, что «разные угрозы требуют проведения разных стратегий».¹ Тем самым давая понять, что «второго Ирака» не будет – по крайней мере в среднесрочной перспективе. Причин тому несколько. Во-первых, явная неудача государство-строительства в Ираке, который стал антипримером для соседних государств, действительно, заставила администрацию Буша перенести акцент с упора на конкретные государства к более общему, долгосрочному и неясному общерегиональному подходу. Тем самым администрация Буша, демонстрируя в первую очередь собственным американским консерваторам, что ее повышенный интерес и воинственный настрой по отношению к региону не иссяк, сумела сохранить лицо. На деле же вероятность применения силы против государств региона существенно снизилась.

Во-вторых, широкий лозунг «продвижения демократии» на Ближнем и Среднем Востоке гораздо более привлекателен для Европы, России и прочих партнеров США, нежели заявления о том, что Саддам Хусейн (или Иран) представляет «непосредственную угрозу». Тем самым США администрация Буша использовала старый клинтоновский прием «программирующего лидерства» (agenda-setting leadership).² Она заключается в том, что США выбрасывают на повестку дня те вопросы, по которым их союзникам (в первую очередь европейским странам как союзникам, связанным с Америкой не только общими интересами, но и общими ценностями) невозможно не согласиться. Далее, получив консенсус по широкой проблеме, США начинают сужать ее до уровня конкретных действий. Последние могут уже не соответствовать интересам союзников, однако те, как

¹ The President's State of the Union Address. The United States Capitol. Washington, D.C. Office of the Press Secretary. For Immediate Release. January 20, 2004

² Михаил Троицкий. «Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США». // Pro et Contra, Том 7, №4, Осень, 2002.

правило, продолжают поддерживать американскую политику, чтобы не быть обвиненными в том, что они, мол, идут на попятную и не поддерживают ту широкую проблему, которую США ставили в самом начале.¹ Если Вашингтону удастся добиться консенсуса по тому, что регион Ближнего и Среднего Востока должен быть более демократичен, это, вкупе с уже полученным консенсусом по тому, что ядерный Иран представляет собой угрозу, существенно упростит ему задачу по выстраиванию будущих «коалиций желающих».

В-третьих, и это опять-таки связано с опытом государственностроительства в Ираке, все большей поддержкой внутри администрации Буша пользуется точка зрения, что проблему международного терроризма и распространения ОМУ невозможно решить, нанося удар по тем или иным *государствам*. Вызов, по их мнению, представляет собой весь регион Большого Ближнего Востока, в котором проблемы международного терроризма, распространения ОМУ и нестабильности сплелись воедино и требуют единого подхода. Свержение же того или иного правительства, даже стремящегося заполнить ОМУ, как очевидно показал иракский опыт, вовсе не устраняет саму угрозу. В этом смысле подход администрации Буша стал более адекватным.

Таким образом, в настоящее время под иранским вопросом следует понимать а) проблему предотвращения приобретения Тегераном ядерного оружия и/или сосуществования с ядерным Ираном и с его «ненадежным» и мало предсказуемым руководством; б) проблему совмещения того, как воздействовать на американскую внешнюю политику в отношении Ирана и трансформировать ее в более конструктивное и менее взрывоопасное русло; в) решения противоречия самой американской внешней политики, когда США на самом деле желают выстраивать сотрудничество с Ираном, но не обладают достаточной способности воздействовать на Тегеран; г) перспективы трансформации иранского внутриполитического режима; перспективы включения Ирана в стабильную и управляемую США и Мировым Севером в целом систему коллективной безопасности на Ближнем и Среднем востоке.

Исходя из данного определения, для того, чтобы предложить теоретическую модель разрешения иранского вопроса, необходимо сначала 1) дать более подробную характеристику того вызова, который Тегеран бросает сегодня западному сообществу, а также анализ нынешнего международного положения, внешней политики и стратегии безопасности Ирана; 2) проанализировать позиции участвующих в обсуждении иранского вопроса акторов – США, Европы и России. Под оптимальным разрешением иранского вопроса следует понимать ненасильственное вовлечение Ирана в международное сообщество в качестве безопасного, управляемого и надежного актора,

¹ Именно такую модель США применили, скажем, в случае с расширением НАТО, против которого выступали большинство европейских стран, включая даже Великобританию. Согласившись изначально с общей идеей о том, что необходимо поддержать демократию и рыночные реформы в Центральной и Восточной Европе, а также с тем, что вхождение стран этого региона в советский блок было следствием «предательства» со стороны Запада, Европе было затем гораздо труднее возражать против политики расширения НАТО, подававшегося как наиболее эффективный способ в странах ЦВЕ демократии и рынка.

придерживающегося цивилизованных норм и правил в своей внешней и внутренней политике.

Вызов Ирана

Существует как минимум восемь главных факторов, благодаря которым большинство наблюдателей в США, но также и некоторых в Европе и России, относит Иран к крупному вызову региональной безопасности в регионе Большого Ближнего Востока:

- 1) недвусмысленная ориентация на приобретение ядерного оружия и угроза его распространения, подрыв глобального режима нераспространения ОМУ;
- 2) нежелание в полной мере сотрудничать с МАГАТЭ и последовательное дезинформирование мирового сообщества относительно своей ядерной программы;
- 3) поддержка экстремистских организаций на Ближнем Востоке;
- 4) внутривнутриполитическая дестабилизация в государствах региона (Ирак, Афганистан) путем активной поддержки шиитских групп, препятствующей консолидации их граждан на национальной (гражданской) основе, предлагая взамен идентификацию на базе шиитского ислама;
- 5) открытая антиизраильская политика;
- 6) недемократический характер внутреннего устройства теократического Ирана, последовательная маргинализация консервативным духовенством влияния реформистов во главе с президентом страны Мохаммадом Хатами;
- 7) претензии на региональное лидерство и ограничение присутствия в регионе глобальных и иных региональных игроков (США, России, Индии);
- 8) общая ситуация в регионе, когда Иран фактически окружен странами, находящимися на грани внутреннего коллапса и превращения в несостоявшиеся государства.

Ситуация значительно осложняется и тем, что в настоящее время регион представляет собой узел противоречий и конфликта интересов крупнейших акторов мировой системы: ближневосточный конфликт, иракское и афганское урегулирование, индо-пакистанский и индо-китайский конфликты, незавершенность передела шельфа Каспийского моря, кавказская «черная дыра», проблемы исламского фундаментализма, терроризма и наркотрафика. Неконтролируемость и неуправляемость ситуации превращает регион Большого Ближнего Востока в, возможно, главный вызов Мировому Северу. Разрешение же иранского вопроса значительно упрощает задачу трансформации и повышения уровня управляемости этой мировой «дуги нестабильности», совмещающей триединую угрозу распространения ОМУ, международного терроризма и региональной нестабильности.

С другой стороны, нельзя не отметить усиление позитивных тенденций в развитии самого Ирана. Это бурное распространение информационных технологий, мобильной связи и Интернет. Демографическая структура населения (60% населения составляют лица до 27 лет, самой же многочисленной возрастной группой являются лица с 10 до 14 лет)

создает благоприятную почву для постепенной модернизации и трансформации режима. При этом 41,9 млн. человек из 64,9 млн. общей численности населения Ирана проживают в городах.

Определенно способствует постепенной трансформации режима увеличение уровня грамотности среди иранцев. По данным на 2002 год грамотой обладали 81,9% населения страны (для сравнения, в 1976г. читать и писать умели лишь 46,7%). При этом на сегодняшний день подавляющее большинство безграмотных составляют пожилые люди. Уровень безграмотности среди молодежи составляет всего 3,7%. На момент 2002-2003гг. в Иране насчитывалось более 1,5 млн. студентов высших учебных заведений.¹

Далее, укрепление института выборов создает предпосылки для транслирования происходящей смены поколений и в политическую сферу. Попытки консервативных сил повернуть развитие страны вспять, несмотря на тактические победы, порождают все большие массовые общественные протесты² и в долгосрочной перспективе обречены на неудачу, особенно по мере роста образованности сельского населения Ирана – традиционной электоральной опоры консервативного духовенства. В последнее время клерикалы, пытаясь отстоять собственное главенство в политической системе страны, прибегают к таким приемам, как недопущение части реформистских кандидатов к выборам и препятствование их избирательным кампаниям. Это – показатель слабости консервативных сил. Последние, с одной стороны, уже не в состоянии не допустить реформаторов к власти силовым путем и вынуждены действовать через институт выборов, соблюдая конституционные нормы. С другой стороны, они осознают, что без ограничений избирательных кампаний под предлогами типа «несоответствия духу ислама», обречены на маргинализацию.³

Последняя попытка подобного рода искусственного склонения центра политической тяжести в Иране на сторону консерваторов привела к серьезному политическому кризису января-февраля сего года. Тогда в открытое столкновение пришли президент Мохаммад Хатами и духовный лидер аятолла Хаменеи, одновременно подали в отставку 12 министров, в течение нескольких недель над страной нависала угроза отставки всего правительства и большинства региональных администраций, бойкот выборов объявила часть депутатского корпуса. В итоге оплот консерваторов – подконтрольный Хаменеи Совет стражей исламской революции – был вынужден частично пересмотреть свое прежнее решение и допустить многих реформистских депутатов к участию в выборах.⁴

Этот пример открытого противостояния светской и духовной властей очевидно продемонстрировал, что ресурс устойчивости политической системы Ирана, заложенный нынешней конституцией Исламской республики, исчерпан. Эта система уже не

¹ Iran Media Guide. Foreign press and Media Department, Ministry of Culture and Islamic Guidance. Second Edition. Teheran, 2003

² Дмитрий Сулов. «Внутренне восстание в Иране началось. Студенты выступают за смену режима в Тегеране». // Независимая газета, 16.06.2003.

³ Дмитрий Сулов. «Иран между конституцией и аятоллой. Президент, правительство и парламент вступили в схватку с клерикалами» // Независимая газета, 13.01.2004.

⁴ Дмитрий Сулов. «Аятолла отступает. Совет стражей исламской революции готов допустить многих либерально настроенных кандидатов к выборам». // Независимая газета, 20.01.2004.

справляется со своей функцией обеспечения сосуществования и даже единства светского и духовного начала, избираемой светской власти и неизбираемого духовенства. Политический режим государства просто не соответствует изменениям, происшедшим в политической жизни Ирана с конца 80-х годов, и его социально-экономическому развитию, - и находится на пороге трансформации. Либерально настроенные политические элиты страны уже почувствовали, что уперлись в стену нынешней общественно-политической системы, и что в ее рамках дальнейшие реформы в стране невозможны.¹ Кстати, половинчатость реформ президента Хатами, проводимых в конце 90-х годов и начале нынешнего тысячелетия, приведшая к снижению популярности либералов среди простых иранцев, как раз и является следствием того, что проведение полномасштабных реформ, необходимость которых назрела, в условиях данной политической системы невозможно.

Соответственно, грядет разрешение образовавшегося противоречия либо в сторону создания светского государства, либо реставрации монополии клерикалов по типу начала 80-х годов. Будет ли это разрешение носить революционный или постепенный характер, предсказать трудно. Однако, если консерваторами будет предпринята очередная попытка установить безусловное доминирование в политической системе, нестабильности, скорее всего, избежать не удастся. Реформаторы же вполне могут усиливать свое влияние и постепенно трансформировать политическую систему страны поэтапно, с помощью института выборов. Начало это разрешения внутреннего противоречия политической системы Ирана, предположительно, начнется после выборов 2005 года. До тех пор (при отсутствии внешних факторов типа провоцирования внутреннего восстания или введения против Ирана санкций, которые маловероятны) политическая система будет существовать в рамках достигнутого в феврале 2004 года промежуточного компромисса между реформаторами и клерикалами. То есть, сохранится статус-кво.²

К позитивным факторам следует отнести и то, что в настоящее время происходит перелом в сознании части политической элиты Ирана в пользу выстраивания нормальных дипломатических и экономических отношений с Западом, в первую очередь с Европой. В настоящее время ведутся весьма осторожные переговоры о том, чтобы приоткрыть иранскую энергетику для российских и западных компаний (России, Франции, Великобритании и даже США). Основными переговорщиками здесь выступают Россия и Евросоюз (или отдельные страны-члены ЕС). В случае успеха, зарождение экономической взаимозависимости между Ираном и Западом способно оказать благоприятное влияние, как на развитие экономики Ирана, так и на его отношения с развитыми странами.³

Наконец, нельзя не отметить и тот парадокс, что, несмотря на представляемый им вызов стабильности и управляемости региона Большого Ближнего Востока, Иран на сегодняшний день по сути является единственным стабильным и относительно

¹ Георгий Мирский. «Иран: выборы в годовщину революции». // [«Политком.Ru»](http://www.Politkom.Ru)

² Иран: что дальше? Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков). // Россия в глобальной политике, №2 – апрель/июнь 2003г.

³ Ibid.

экономически успешным государством этого региона. В среднем 1992 по 2002 год среднегодовой рост ВВП Ирана составил 4,15%.¹ Однако, в случае революционной трансформации политической системы страны данное преимущество, безусловно, исчезнет.

С другой стороны, существует фундаментальный фактор, превращающий Иран в вызов региональной безопасности, и который не исчезнет ни в случае внутренней трансформации иранского режима, ни в случае ее стабильного существования. Не исчезнет он и при возникновении тесных экономических связей Ирана с Западом и ускоренного экономического роста иранской экономики. Этот фактор – становление Ирана ядерным государством. Любое правительство Ирана вне зависимости от его состава, идеологических убеждений и демократичности, будет рассматривать приобретение Ираном ядерного оружия одним из главных национальных приоритетов. По этому поводу в Иране существует консенсус между всеми без исключения частями политической элиты. Официально развитие ядерной энергетики страны и, реально, приобретение бомбы превращено в своеобразную «идею-фикс» дальнейшего развития страны, в важнейшую общенациональную задачу.² Этому способствуют, разумеется, наличие ядерного оружия у соседних государств (Пакистан, Индия, Китай, Израиль, Россия), общий кризис режима нераспространения и агрессивная внешняя политика США. Очевидно также, что на решимость Ирана заполучить ядерное оружие в значительной мере повлияла и война в Ираке, из которой был сделан однозначный вывод о том, что единственной надежной защитой от агрессии в сегодняшнем мире является именно ядерное оружие.³

Анализ позиций ключевых игроков по иранскому вопросу

Главными игроками, участвующими в урегулировании иранского вызова, являются США, ЕС и Россия. Четвертым игроком в случае дестабилизации внутренней ситуации в Иране будут выступать неподконтрольные глобальные сети, в том числе террористические, а также сети-распространители ОМУ и прочих вооружений. Одна из основных мирополитических тенденций последних нескольких лет состоит в том, что в случае деградации государства и его неспособности управлять собственной территорией, на его место приходят сети. Именно последние контролируют большую часть нынешних Ирака, Афганистана, часть африканского континента. Сети ведут все более и более ожесточенную борьбу с государствами за контроль над политическим пространством даже в «мирное» время. Насильственное же устранение иранской государственной

¹ Iran Media Guide. Teheran, 2003.

² См., например, Anthony Cordesman. Iran and Nuclear Weapons. Center for Strategic and International Security, Background paper for the Senate Foreign Relations Committee, March 24, 2000. ; Geoffrey Kemp, ed. "Iran's Nuclear Options" in Iran's Nuclear Weapons Options: Issues and Analysis. Washington, D.C.: Nixon Center, January 2001.; Sharon Squassoni. Iran's Nuclear Program: Recent Developments. CRS Report for Congress. March 4, 2004.; David Albright & Corey Hinderstein. The centrifuge connection. Bulletin of the Atomic Scientists. Volume 60, No. 2, March/April 2004.; Дмитрий Суслов. «Иран ответил на инициативу Буша. Тегеран готов экспортировать ядерное топливо. Европа удивлена». // Независимая газета. 16.02.2004.

³ Иран: что дальше?

машины приведет к моментальному заполнению образовавшегося вакуума сетями, как это произошло в Ираке. Последствия этого будет представлять международному сообществу угрозу несопоставимо большую, нежели недемократический клерикальный, но устойчивый иранский режим.

Опыт Ирака также наглядно показал неспособность *государства* США, при всем их могуществе, эффективно бороться с миром сетей. Для этого требуются тесная координация действий и даже интеграция всего Мирового Севера. Для успешной борьбы с сетями сообщество государств должно иметь собственную единую сетевую надстройку. Пока же подобная отсутствует.

Также очевиден тот факт, что США не в состоянии решить иранскую проблему и даже ее часть – превращение его в ядерное государство – в одиночку. Для этого опять-таки необходим единый подход всех государств «сообщества демократии», именуемого еще как групповой полюс, Мировой Центр или Мировой Север. По иранскому вопросу в него входит и Россия. То есть, по сути Иран представляет собой тест для Мирового Севера: способен ли последний преодолеть нынешний кризис глобального регулирования и прийти к общей согласованной стратегии в отношении этой страны? Успех может означать начало выстраивания новой системы глобального регулирования. Провал же – фактическую беззащитность Севера перед вызовами «дуги нестабильности».

1. США

Первое, что бросается в глаза в подходе администрации Буша в отношении Ирана, это его кажущаяся нереалистичность и узость, причем последняя во многом связана с давлением неоконсервативной идеологии и внутривнутриполитическим фактором. Декларируя максималистские цели, записывая Иран в «ось зла» и провозглашая новый «крестовый поход» против нее, апеллируя лишь к военно-силовым инструментам давления и наотрез отказываясь от элементов политики «вовлечения», применяя в отношении Тегерана «дубинку» без «морковки», США сами ограничивают себе возможности дипломатического маневра и толкают Иран к ускорению своей ядерной программы, усилению подрывной деятельности в соседних и без того нестабильных государствах. Экономических связей между США и Ираном на официальном уровне нет.

При этом военное же столкновение США и Ирана вообще не может рассматриваться как один из разумных и приемлемых политических вариантов.¹ Оно будет носить затяжной характер, в которое втянутся соседние государства в силу собственной слабости; оно окончательно взорвет и без того плохо контролируемую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, превратит его в территорию одного большого конфликта; оно вынудит США уйти из региона Ближнего и Среднего Востока, что подорвет глобальное участие и лидерство Вашингтона в мире, создаст в международной системе вакуум силы и обернется глобальной катастрофой для Мирового Севера.

Большой популярностью в экспертном сообществе, в том числе и в США, пользуется точка зрения, что США упустили свой шанс решить иранский вопрос мирным

¹ Michael Donovan. Iran, Israel and Nuclear Weapons in the Middle East. Center for Defense Information, Terrorism Project. February 14, 2002.

путем и восстановить управляемость региона Большого Ближнего Востока - шанс, представившийся им после событий 11 сентября 2001 года. Эти теракты должны были, утверждают сторонники этой точки зрения, заставить США коренным образом пересмотреть свою политику в отношении Ирана. Вашингтону, вместо антагонизации Ирана и подрыва его нынешнего внутриполитического режима следовало бы с самого начала «войны против терроризма» подходить к нему как к союзнику.¹ Среди причин называются следующие: 1) Иран является единственным стабильным и «состоявшимся» государством Среднего Востока, особенно по сравнению с его ближайшим окружением; 2) Организаторы событий 11 сентября – террористические сети, базирующиеся на территории нестабильных и даже разваливающихся государствах Большого Ближнего Востока, к коим Иран не относится; 3) «Аль-Каида» является авангардом транснационального суннитского фундаментализма, который враждебен шиитскому Ирану; 4) Иран поддержал США и антитеррористическую коалицию в их борьбе с движением «Талибан» и предпринимал активные шаги по искоренению деятельности на своей территории немногочисленных ячеек «Аль-Каиды».

Однако, вместо того, чтобы использовать содействие Ирана в борьбе с международным терроризмом как повод для пересмотра политики (причем с сохранением лица) и выстраивания с ним отношений партнерства, США записали его в «ось зла» и поставили цель свержения режима.

С тезисом о том, что Иран однозначно не должен был восприниматься США в качестве противника, особенно после 11 сентября 2001 года, трудно не согласиться. Равно как и с тем, что американская политика в отношении Ирана должна в гораздо большей степени содержать инструменты поощрения, и использовать для этого иранскую помощь в борьбе с терроризмом.² Однако вряд ли можно согласиться с постановкой вопроса о *союзничестве* США и Ирана в борьбе с международным терроризмом.

Во-первых, американский курс действительно, должен быть скорректирован и сбалансирован в сторону большего сотрудничества с Ираном. Полный же отказ от политики устрашения и концепции упреждающих действий обернется полным провалом американской стратегии для региона Ближнего и Среднего Востока.

Во-вторых, превращение Соединенными Штатами Ирана в своего союзника было бы воспринято иранской элитой как классическая политика «умиротворения» с позиции слабости, что лишь поощрило бы Тегеран к большей агрессивности в отношении соседних государств и претензиям на региональное лидерство.

В-третьих, отказ США от конфронтационного курса никак не скажется на намерении иранского руководства обзавестись ядерным оружием и на враждебном отношении исламских фундаменталистов к США. Тегеран будет рассматривать разворот американской политики как временное явление и потому, наоборот, использует его как

¹ Эту точку зрения в качестве сравнительно популярной среди либеральных кругов Америки представил, например, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Альфред Степан в своем выступлении на международной конференции «Переосмысляя современность». Москва, 25-28 октября 2003г.

² Joseph Cirincione and Jon B. Wolfsthal. North Korea and Iran: Test Cases for an Improved Nonproliferation Regime? **Arms Control Today**. December 2003.

«окно возможностей» для максимально быстрой реализации своих традиционных интересов, в том числе обладания ядерным оружием. Именно таким путем пошла в середине 90-х годов Северная Корея: заключив в 1994 году пакетное соглашение с США, она обманула администрацию Клинтона и продолжала ускоренными темпами свою ядерную программу. В дальнейшем, когда это нарушение стало очевидным, Пхеньян лишь продекларировал возобновление на самом деле не прекращавшейся деятельности, обвинив в срыве соглашения Вашингтон.

В-четвертых, помощь Ирана антитеррористической коалиции в ее борьбе против Талибана не имело никакого отношения к событиям 11 сентября 2001 года и якобы поддержке Тегераном «войны против терроризма». Иран безотносительно террористической проблематики изначально рассматривал талибов в качестве угрозы – причем как собственной безопасности, так и, что немаловажно, своему доминированию в регионе Среднего востока. Отношения Ирана и талибского Афганистана – это пример того, как фундаментальный шиизм взаимодействует с фундаментальным суннизмом, причем находящиеся в непосредственном соседстве: оба направления претендуют на положение «истинно верного», а потому степень вражды друг по отношению к другу значительно превосходит неприязнь в отношении иных религий. То есть, лице Талибана Иран увидел динамичный, весьма сильный и при этом враждебный центр силы непосредственно у своих границ.

Стремительно захватив большую часть территории Афганистана, суннитский Талибан мог направить свою экспансию не только на Север, но и на восток и юг, в направлении шиитского Ирана. При этом надо учитывать, что юго-восток Ирана населен племенами, также исповедующими суннитский ислам. Идеология же талибов, пусть изначально в основном представленными пуштунами, заключалась в объединении под их властью «истинно верующих» мусульман и насильственное обращение в «правильный» ислам всех «неверных», в том числе и шиитов. Угроза территориальной целостности Ирана была более чем актуальной.

С другой стороны, позиции Ирана на севере Афганистана и среди тех, кто ранее представлял собой Северный Альянс, сильны и по сей день. Исходя из этих двух факторов, помощь Ирана Северному Альянсу и сдерживание талибов с юга можно смело расценивать как защиту своих собственных национальных интересов, которые в один момент случайно совпали с американскими, но никак не попали в какую-либо зависимость от них. Борясь с Талибаном, Иран поддерживал свою территориальную целостность и свое влияние в регионе, но никак не США и антитеррористическую коалицию.

В-пятых, недавняя активизация отношений Ирана с соседними государствами по-прежнему носит антиамериканский характер. И после падения Талибана Тегеран продолжил курс на ослабление американского влияния в регионе Среднего Востока. Это видно из сопоставления отношений Ирана с двумя союзниками США в регионе и крупными суннитскими государствами – Пакистаном и Саудовской Аравией.

Несмотря на то, что Саудовская Аравия является давним и стратегическим союзником США в Персидском заливе, а также лидером суннитов всего мира, Иран приложил в последнее время массу усилий по улучшению с ней двусторонних отношений и даже подписал недавно пакт о взаимной безопасности. При этом улучшение отношений Ирана с правящим королевским домом Саудов началось именно тогда, когда последние стали вызывать все большее недовольство в Вашингтоне, когда США стали рассматривать Саудовскую Аравию как проблемного союзника, спонсора международного терроризма, а также подумывать о включении ее в список стран-кандидатов на смену режима и демократизацию.

Напротив, отношения Ирана с Пакистаном по-прежнему враждебные. И это при том, что Тегеран, казалось бы, должен всячески поддерживать нестабильное правительство Первеза Мушаррафа, так как в случае его падения к власти в Исламабаде придут исламские радикалы, и у иранских границ появится по сути второй талибский Афганистан и при этом вооруженный ядерным оружием. Причина – в сильной поддержке нынешнего пакистанского режима со стороны США.

Наконец, напомним, что действительная цель провозглашенной администрацией Буша «войны против международного терроризма» на самом деле с самого начала состояла в достижении управляемости и подконтрольности региона Ближнего и Среднего Востока со стороны США. Это – квинтэссенция нынешней американской стратегии. Очевидно, что для Ирана подобная задача не только неприемлема, но угрожает самому развитию и выживаемости страны, как они видятся всеми частями иранской элиты – от клерикалов до либералов. Статус Ирана как региональной «великой державы» и даже регионального гегемона, тем более обладающего ядерным оружием, несовместим с концепцией управляемости региона Соединенными Штатами. С другой стороны, как уже отмечалось выше, окончательная потеря контроля над регионом Ближнего и Среднего Востока означает кризис идентичности для США как единственной сверхдержавы, осуществляющей миросистемное регулирование, и дестабилизацию международной системы в целом. Именно в этом заключается, по нашему мнению, главное противоречие между США и Ираном, противоречие, которое, оставаясь в плоскости анализа «США - Иран», разрешить невозможно. Это, опять-таки, подтверждает уже отмеченную выше необходимость разрешения данного вопроса путем выхода на уровень региона Большого Ближнего Востока, с одной стороны, и Мирового Центра, с другой.

И все же, на фоне перечисленных выше «плюсов» и «минусов» американо-иранского сотрудничества и вражды, вряд ли стоит рассматривать американскую политику как исключительно одностороннюю, милитаристскую и замкнутую на силовое свержение режима в Иране. Очевидно, что политика США в отношении Тегерана, несмотря на принадлежность Ирана и Ирака к, так называемой, «оси зла», имеет принципиально иную природу.

Во-первых, она была изначально многосторонней, и США стремились обсуждать иранский вопрос в рамках МАГАТЭ и ООН, воздерживаясь от каких-либо односторонних действий. При этом не стоит забывать, что первоначально воинственный по отношению к

Ирану подход был оформлен в период преобладания в администрации Буша неоконсерваторов. Доктрина же «оси зла» и включение в нее Ирана является следствием внутренней политики США. Нынешняя американская внешнеполитическая элита и бюрократия – это люди, получившие образование и начавшие строить свои карьеры в 80-е годы. Они выросли на антииранских стереотипах. Да и вообще многие шаги США в отношении Ирана, и то, как администрация Буша отреагировала на глобальный вызов «дуги нестабильности», объясняется внутренней, а не внешней политикой США. Следует подчеркнуть, что с этим связана сложность внешнего воздействия на принятие Соединенными Штатами внешнеполитических решений со стороны друзей и союзников США. Если эти решения обусловлены внутривнутриполитическими соображениями, то возможность их трансформации в пользу интересов союзников и участников «коалиций желающих» почти полностью исключена. Теперь же, по мере смещения баланса в пользу умеренных реалистов, изменяется и политика США.

Во-вторых, как уже было отмечено выше, администрация Буша по ряду причин отошла от концепции борьбы с государствами «оси зла» и проводит в настоящее время политику, объектом которого является регион Большого Ближнего Востока в целом. Эта политика исключает применение силы против отдельных *государств*.

Официально Вашингтон ставит задачу добиться того, чтобы Иран был признан МАГАТЭ «государством, нарушившим Договор о нераспространении ядерного оружия», и в результате направить иранское дело в Совет Безопасности ООН. Последний же должен наложить на Иран соответствующие политические и экономические санкции.

На деле же политика США в отношении непосредственно Ирана носит гораздо более глубокий характер, чем может показаться на первый взгляд, и уже сейчас включает в себя также подготовку почвы для американо-иранского сотрудничества даже без предварительной смены режима в Тегеране. Двумя другими составляющими американской политики являются параллельные попытки замедлить ядерную программу Ирана и, если это удастся, вовсе остановить ее, а также очень осторожная, подчас не выходящая за рамки информационно-риторической «обработки», помощь в демократизации иранской политической системы.

МАГАТЭ уже несколько раз могло на базе обнаруженных за последние два года центрифуг, следов высокообогащенного урана и т.д. провозгласить «нарушение» (violation) Ираном ДНЯО. Вместо этого всякий раз декларации агентства содержали более обтекаемую формулировку «Иран не выполнил обязательства» по ДНЯО (failed to fulfill the obligations) и настойчивые призывы придерживаться взятых на себя обязательств – без всякого намека на возможные санкции и меры принуждения.¹ При этом США всякий раз с подобными резолюциями соглашались, отмечая их «общий критический характер». Кроме того, не стоит всерьез полагать, что США вот-вот вынесут иранскую проблему на Совбез

¹ Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Resolution Adopted by the Board on 26 November 2003. International Atomic Energy Agency. Board of Governors. GOV/2003/81. 26 November 2003; Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. International Atomic Energy Agency. Board of Governors. GOV/2004/11. 24 February 2004.

ООН. Вряд ли Вашингтон пойдет на то, чтобы выносить там на обсуждение заведомо непроходимую резолюцию о введении против Ирана санкций. Последняя будет ветирована и Россией и Францией. О том же, что США в случае необходимости будут действовать по иранской проблеме в обход ООН, как это заранее и однозначно заявлялось в случае с Ираком, речи не идет вовсе. Если бы США действительно, как в случае с Ираком, уже приняли решение о применении некоего действия в отношении Ирана и рассматривали скорее как ООН наглядную демонстрацию того, что необходимо действовать в одностороннем порядке, а не механизм принятия решения, то это, как в случае с Ираком, было бы очевидно уже давно.

Таким образом, данная составляющая часть политики США может быть названа «балансированием на грани ООН». США нагнетают вокруг Ирана ситуацию, усиливают дипломатическое давление и делают вид, что способны применить угрозу силы. Однако каждый раз, когда дело доходит до принятия решения, сами же США останавливаются и ограничиваются «настойчивыми и решительными призывами».

Надо сказать, это балансирование и постоянное напоминание об угрозе силы принесло свои положительные плоды: иранское руководство пошло на значительные уступки перед мировым сообществом в плане своей ядерной программы. Если бы не США, ни о каком подписании Тегераном Дополнительного протокола к ДНЯО не было бы и речи.

Второй элемент американской политики – риторика о необходимости демократизации Ирана – также не имеет ничего общего с осуществлением там скорого внутреннего восстания и смены режима. Эта риторика напоминает то, как США «продвигали демократию» в СССР в 60-80 годы, когда дальше общих заявлений, предоставления политического убежища некоторым диссидентам и вещания нескольких радиостанций дело не шло. При этом в случае с Ираном нет даже пресловутой «второй корзины» СБСЕ, когда СССР взял на себя обязательства соблюдать права человека и демократические нормы, что дало Западу возможность публично линчевать Москву и обвинять в постоянном нарушении положений Хельсинского соглашения 1979 года. У Ирана подобного международно-договорного обязательства соблюдать нормы и стандарты демократии нет и вряд ли появится в обозримой перспективе.

Это означает, что акцент внешней политики США постепенно смещается с продвижения в регионе Ближнего и Среднего Востока именно демократии на действительно необходимое повышение управляемости и стабильности этого региона. Действительно, как уже было указано выше, угрозу здесь представляют не сила того или иного государства, а их слабость и неспособность управлять собственным политическим пространством, которое в итоге заполняется сетями, в том числе террористическими. В связи с этим резкая демократизация Ирана скорее взорвала бы ситуацию в регионе окончательно, нежели привела к его стабилизации. Примечательно, что в настоящее время США отказываются от идеи «демократизации» и самого Ирака, где суверенитет будет передан в конце июня сего года сформированным путем согласований с США, а не

избранным демократическим порядком, органам власти (как та том настаивают, скажем, шииты).

Наоборот, триединая политика укрепления *государственных* основ управления территориями региона Большого Ближнего Востока; установление отношений сотрудничества с правящими тем режимами с целью повышения способности Вашингтона их контролировать и пресечь осуществляемое ими самими распространение ОМУ и террористическую деятельность; наконец, постепенное повышение там уровня светского образования и медленное продвижение идей демократии, - все это способно создать предпосылки стабилизации.¹ Именно в этом, надо полагать, и будет заключать вторая составляющая политики США по отношению к Ирану в среднесрочной перспективе.

Пример проведения аналогичной триединой политики – отношения США с Ливией. Последняя за короткий промежуток времени превратилась из страны-«изгоя» с диктатором, который еще в 80-е годы воспринимался чуть ли не страшнее Саддама, в экономического и политического партнера США. На повестке дня уже восстановление с Триполи дипломатических отношений.² Вашингтон осознал, что поддержать Муамара Каддафи и одновременно сделать его режим управляемым, добиться того, чтобы его ядерная программа была действительно остановлена, гораздо выгоднее, чем свергать его режим и превратить Ливию в оазис для террористических и прочих преступных сетей. Необходимым поводом к улучшению отношений с Ливией стало тщательно подготовленные Соединенными Штатами завершение «дела Локерби», снятие с Ливии санкций ООН и «раскаяние» Каддафи в стремлении заполучить ОМУ. При этом Вашингтон, особенно на первых этапах сближения с Ливией, действовал не напрямую, а через своих близких союзников Великобританию и Испанию. Бывший тогда премьер-министром последней Хосе-Мария Аснар даже назвал Ливию «важным союзником в борьбе с международным терроризмом» - то, чего еще год назад невозможно было и представить.³

Та же модель реализуется сейчас и на иранском направлении, когда пожелания от США доносятся до Тегерана не непосредственно Вашингтоном, а его европейскими союзниками – причем всякий раз именно тогда, когда США заинтересованы в очередном «затишье» на иранском направлении. Многие внешне подаваемые как независимые шаги европейцев, как недавний совместный визит министров иностранных дел Франции, Великобритании и Германии в Иран, результатом чего стало его согласие подписать Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, на самом

¹ Очевидно, что в случае с саддамовским Ираком эта политика была маловероятной как по внутри-, так и внешнеполитическим причинам. США никогда не смогли бы получить способность оказывать нужное им влияние на Саддама Хусейна и контролировать его действия. В этом смысле, свержение его режима было действительно необходимым.

² Дмитрий Сулов. «США и Франция соревнуются за дружбу с Ливией. Каддафи расплачивается с Парижем и ждет посла из Вашингтона». // Независимая газета, 12.01.2004; Дмитрий Сулов. «Своя игра» Буша, Ширака и Каддафи. Мир в ожидании нового столкновения между Парижем и Вашингтоном». // Независимая газета, 19.08.2003.

³ Дмитрий Сулов. «Аснар взялся за ливийскую нефть. Близкий союзник США выводит бывшего изгоя на международную арену». // Независимая газета, 19.09.2003.

деле отталкивается от американской политики.¹ Имеет место своеобразное «глобальное разделение труда»: в те моменты, когда США не заинтересованы в эскалации конфликта с Ираном (в данном случае, увязнув в Ираке и в преддверии президентских выборов), Европа активизирует с ним политическое сотрудничество. Да и сам Тегеран, заигрывая с Европой, нацеливается, по нашему мнению, исключительно на Вашингтон.

2. Европа

Корректнее будет говорить именно о позиции Европы, а не Европейского Союза по иранскому вопросу. ЕС как наднациональное образование в силу незавершенности институциональной реформы, начальной стадии интеграции в сфере внешней политики и обороны еще не обладает собственным консолидированным голосом по Ирану. Позиция же Европы вырабатывается путем самоорганизации нескольких крупных европейских государств, в данном случае Франции, Германии и Великобритании. Кроме того, основным международным форумом обсуждения иранского вопроса является ООН (и ее система организаций, в частности, МАГАТЭ), где ЕС как отдельный актор не представлен, и вместо него выступают суверенные европейские государства.

Внешне позиции европейских стран по Ирану существенно ближе друг к другу, нежели к США. На фоне показного американского милитаризма, который, как было продемонстрировано выше, не имеет ничего общего с действительностью, европейская политика по отношению к Ирану выглядит привлекательно. Она однозначно отмечает возможность применения против Ирана военной силы и выступает за развитие с ним политического и экономического сотрудничества.

На деле же Европа разделяет все те претензии, которые предъявляют к Ирану США, за исключением вопроса о поддержке Ираном международного терроризма. Если в США на него чаще всего отвечают утвердительно, то в Европе предпочитают рассуждать об отсутствии доказательной базы и одновременно подчеркивают важность сотрудничества в борьбе против терроризма, как бы призывая Тегеран более активно действовать в этом направлении.

Принципиальное различие между позициями США и Европы по Ирану заключается не в том, представляет ли Иран вызов региональной безопасности, а в том, насколько он велик и приемлем. Для Вашингтона наличие столь мощного гетерогенного актора на Среднем Востоке, делающего малоуправляемым весь регион, в высшей степени нежелательно; образование ядерного Ирана и вовсе неприемлемо. Для Европы же появление у Ирана ядерного оружия рассматривается, скорее как опасность, нежели как угроза, так как территории Евросоюза иранские ракеты не угрожают, жизненных интересов на Ближнем и Среднем Востоке, сопоставимых с интересами США, у Европы нет. Проблема же глобального регулирования и управляемости Большого Ближнего Востока ни для Франции, ни для Великобритании либо не стоит вовсе, либо рассматривается сквозь призму проблем наркотрафика, антизападного терроризма (к

¹ Дмитрий Суслов. «Десант США победил в Иране. Разрешая кризис вокруг ядерной программы Тегерана, Европа спасает лицо Вашингтона». // Независимая газета, 22.10.2003.

которому, по мнению европейских стран, Иран непричастен) и нелегальной миграции. К этому добавляется активное экономическое сотрудничество между Европой и Ираном. Одними из главных потребителей иранской нефти являются Германия и Италия. Наоборот, большую угрозу для Европы представляет та нестабильность, которая возникнет в случае военного удара США по Ирану или быстрой трансформации его политического режима.

Следует отметить также принципиально разное отношение к военной силе и разное понимание оптимальной и успешной политики в Европе и США. Оно, с одной стороны, уходит своими корнями к особой политической культуре американской нации, их нынешней роли в системе плюралистической однополярности. С другой стороны - к уникальной цивилизации постмодерна, выстроенной европейцами за последние 50 лет и основанной на отрицании их предыдущей исторической традиции, преодолении суверенитета. Компромисс стал неотъемлемой составляющей любого политического решения европейцев в рамках ЕС, а также стал экстраполироваться ими на область внешних связей.

Соответственно, позиция Европы в отношении Ирана заключается в том, чтобы путем дипломатии, чередования давления и поощрения, политики вовлеченности и предоставления обусловленных дивидендов, попытаться заставить иранское руководство затормозить свою ядерную программу и подрывную деятельность в соседних государствах. Если это не получится, то в центре европейского подхода встанет вопрос нахождения наиболее оптимальной и безопасной модели сосуществования с ядерным Ираном. В обоих случаях необходимо, по мнению стран ЕС, максимально избегать открытой конфронтации с Тегераном.

Что же касается собственно *политики* Европы на иранском направлении, то, на наш взгляд, о независимом курсе европейцев в отношении Ирана говорить затруднительно. В силу собственной слабости у Европы нет необходимых инструментов независимого воздействия на Иран за исключением предоставления ему экономических и в меньшей степени политических дивидендов. Скорее, следует говорить о том, что политика Европы заключается в попытках трансформации иранской повестки дня для США, а также согласованного осуществления американского курса налаживания сотрудничества с Ираном, внешне выдавая его за свой собственный.

3. Россия

Позиция России в отношении Ирана отличается гораздо большей противоречивостью, чем двух других игроков. С одной стороны, Россия - единственная из них, называющая себя «другом» Ирана и отчасти действительно защищающая его интересы. Нынешние основания для российско-иранского сотрудничества базируются на двух основах: экономическая выгода и геополитика. В первом случае Россия получает финансирование для одной из высокотехнологических отраслей промышленности, оказавшихся после распада СССР в кризисном положении. Во втором случае Россия рассматривает Иран в качестве оплота своего влияния в регионе Среднего Востока. По-

прежнему следуя логике многополярности и сдерживания влияния США, Москва рассматривает экономическое содействие Ирану, а также дипломатическую защиту его интересов в многосторонних институтах достаточными инструментами достижения влияния на иранское руководство. При этом, по мнению российской внешнеполитической элиты, влияние на Иран позволило бы России не только сильно ослабить американское доминирование на Среднем Востоке и укрепить собственные позиции (выше уже упоминалось, что Иран - самое стабильное государство региона), но и обеспечить себе «южный тыл» в плане доминирования в постсоветской Средней Азии.

Исходя из этих экономических и геополитических интересов, Россия делает вид, будто «иранского вопроса» вовсе не существует. Москва проявляет гораздо меньшую озабоченность ядерной программой Ирана по сравнению с Европой и США, а если иногда и проявляет, то исключительно под жестким давлением США. Россия полностью отказывается принимать факт поддержки Ираном шиитов в соседних государствах и тем более его спонсирования террористических организаций. Пытаясь при этом выстроить с Ираном союзнические отношения, Россия приветствует его усиление и претензии на региональное лидерство. Некоторые российские чиновники и близкие к Кремлю аналитики не устают утверждать, что Иран - это неформальный союзник России в борьбе против неформального союзника США - Пакистана. С точки зрения Realpolitik, а также если допустить, что Иран - надежный и союзный России актер, то появление у него ядерного оружия не противоречит интересам Москвы в регионе Среднего Востока.

Подобная логика, по нашему мнению, не только не соответствует объективным интересам России но, наоборот, противоречит им. На самом же деле объективно российские интересы гораздо ближе к США, чем это может показаться.

Именно особые отношения Москвы с Тегераном, вкупе с географической близостью России по отношению к «дуге нестабильности», заставляют США несмотря ни на что упорно подталкивать российско-американское партнерство и даже поговаривать о возможности создания «стратегического союза» с Россией. Именно проблема Ирана «спасла» Россию от американского «наказания» за Ирак, за свертывание демократии и гонения на оппозиционных бизнесменов (а реально – политиков), за наступательную политику в СНГ, явно нацеленную на восстановление там «зоны исключительного влияния России». Если бы не Иран как центральная часть всей проблемы Большого Ближнего Востока, то российско-американские отношения не перешли бы люблянский уровень «согласия не соглашаться» (иными словами – взаимное дистанцирование), а с учетом изменений в российской внутренней и внешней политике 2002-2003 годах, давно бы уже скатились к модели «холодного мира» конца 90-х и даже еще ниже.

Выводы и рекомендации

Итак, решение иранского вопроса может быть найдено лишь на уровне региона Среднего Востока в целом. Кроме того, необходимо, чтобы все три главных игрока – США, Россия и Европа – проводили по сути единый курс, направленный на стабилизацию и управляемость региона Большого Ближнего Востока, на обеспечение стабильности,

предсказуемости и управляемости самого Ирана. При этом именно России, в силу ее отношений с Ираном, отводится особая роль. Сказанное относится как к политике предотвращения получения Ираном ядерного оружия, так и к политике сосуществования с уже ядерным Ираном. В обоих случаях применение силы не рассматривается как возможный вариант.

Что касается политики предотвращения приобретения Ираном ядерного потенциала, то ее основные составляющие уже были изложены выше. Здесь следует резюмировать ее ключевые положения:

- Она должна сочетать возможность применения угрозы силы и исключение фактического применения силы против Ирана.

- Не исключено, что для начала уже непосредственно американо-иранского сотрудничества Вашингтону придется пойти на непопулярный внутри страны шаг и предоставить Ирану гарантии безопасности. Для администрации Буша, опирающейся на консервативную часть американской элиты, этот шаг неприемлем. Однако в случае победы на ноябрьских выборах в США демократического кандидата Джона Керри, вероятность этого шага значительно усилится.

- Она должна являться частью единой программы в отношении региона Большого Ближнего Востока и включать в себя создание в нем жизнеспособной системы региональной безопасности – с обязательным включением в нее самого Ирана.

- Она должна сочетать предоставление Ирану политических и экономических дивидендов, обусловленных его конкретными шагами в направлении отказа от ядерной программы, и санкции за отклонения Тегерана от уже достигнутых договоренностей, ускорение создания ядерного оружия или агрессивное поведение в соседних регионах. При этом упор Мирового Севера и России должен быть сделан именно на дивидендах.

- Она должна быть нацелена на создание экономической взаимозависимости между Ираном и Западом, в том числе с участием американских компаний. В этой связи нельзя исключать возможности скорого принятия Ирана в ВТО. Открытие иранской экономики для западных компаний и ускорение роста, во-первых, приведет к дальнейшей либерализации его внутреннего режима и, во-вторых, несколько снизит относительную значимость ядерного фактора как способа увеличения государственной безопасности.

Что касается политики сосуществования с Ираном, обладающим ядерным оружием, что она главным образом должна заключается в том, чтобы включить его в региональную систему безопасности и «опутать» сетями сотрудничества и обязательств. Эта система должна состоять из накладывающихся друг на друга и взаимопереплетающихся сегментов-подсистем, каждая из которых должна включать в себя как страны региона, так и одну или несколько нерегиональных влиятельных акторов (США, Россия, европейские страны). Тем самым Ирану будет предоставлен полный доступ к участию в региональных структурах, будет создана *видимость* того, что Иран является региональным лидером.

Очевидно, неременным условием создания подобной многоярусной системы безопасности заключается в стабилизации участвующих в ней государств - Ирак, Пакистан, Афганистан, Индия, страны Закавказья и Средней Азии. Именно поэтому

решение иранского вопроса невозможно без стабилизации соседних с ним государств, пока же создание подобной региональной системы безопасности невозможно - нет тех стран, которые могли бы в ней участвовать.

Параллельно должна вестись длительная и сложная работа по продвижению в иранском обществе, особенно среди молодежи, западного образования и ценностей, по постепенной либерализации внутривластного режима. Действительной гарантией безопасности является интеграция Ирана в региональную систему безопасности не только на уровне государства, но и на уровне гражданского общества. Дальнейшим шагом может стать создание подлинного регионального надгосударственного сообщества. Это, в свою очередь, могло бы поставить вопрос о создании единого центра управления ядерным оружием стран региона и затем - о полном отказе от него.

Следует, однако, подчеркнуть, что граница между этими двумя политиками весьма условная. Решимость всех сегментов политической элиты Ирана обзавестись ядерным оружием настолько велика, что ни экономические дивиденды США, Европы и России, ни угроза возмездия с их стороны, не способны обратить ядерную программу Ирана вспять. Как бы пессимистично это не звучало, но всем трем главным игрокам необходимо сосредоточиться именно на поиске возможности сосуществования с ядерным Ираном и направить все усилия на то, чтобы сделать его стабильным и управляемым.

Итак, иранский вопрос в очередной раз доказывает а) необходимость наличия у стран Мирового Севера согласованной стратегии в отношении Периферии и в особенности региона Большого Ближнего Востока, необходимость глобального регулирования; б) невозможность для Мирового Севера решить проблему вызовов, представляемых государствами Большого Ближнего Востока, по отдельности. По сути, этот регион представляет один целостный вызов, требующий столь же целостного общерегионального решения.

Е.Н. Лихошерстов,

И.А. Дьячук,

В.С. Веркин

Геополитический аспект российско-иранских отношений

Российский исследователь Д.Н. Замятин отмечает, что, геополитика есть интенсивная реакция общества самоопределиваться в земном пространстве, самоосознать себя в нем (1, с.217). Для России, самого пространственного государства в мире, политика обременена целью сохранения геополитического наследия, иначе сжатие до рубежей XVII века станет переломным в распаде и утрате исторической российской государственности. Речь идет не о великодержавных амбициях, обезоруживающим стимулятором критиков российской политики, а о существовании и праве на существование российской цивилизации. Исторически российская государственность развивалась в медианном направлении, что дает повод либерально настроенным публицистам говорить о «добровольном уходе от Запада».

Освоение континентальной суши уравнивало шансы России в сотрудничестве с государствами, осуществлявшими морскую колониальную экспансию (Британия, Франция). К тому же приходилось интегрировать малозаселенный, непривлекательный по критериям торгового капитала, материк. Вопреки предсказаниям английского исследователя Г. Макиндера, не забота о достижении континентального господства, а выход из геополитической ловушки, замкнутого пространства двигало интересами России укрепить фронтальную оборону своих рубежей.

Южные границы Российского государства были лимитированы к концу XIX века и в этой долгой и немирной эпоху Иран представлял нейтральную геополитическую структуру. Османская империя на протяжении семи веков представляла угрозу славянскому миру, а с 40-х годов XIX века проводила политику защиты британских, а затем и германских интересов. Иранская политическая элита стремилась к сохранению хотя бы номинального суверенитета, лавировала между мировыми державами. Сиамский вариант был характерен в эпоху «великого раздела мира» государствам со слабым военно-политическим и экономическим потенциалом, чтобы быть самостоятельными акторами мировой политики. Но эти государства были слишком уверены в своем историческом опыте дипломатии и арсенале национального сопротивления, чтобы в одночасье превратиться в управляемые извне территории.

Современный геополитический сценарий связан, к сожалению, не столько с возвращением в Европу, а с вытеснением с Юга и Севера. Даже, если бы Россия вошла в клуб избранных европейских государств, навряд ли бы ей на пользу пошла конфронтация с Югом, для России важно существование самостоятельных государств-соседей, демонстрирующих политику национального суверенитета. Горьким уроком распада Варшавского договора и СССР является «парад лояльности», политика безусловного подчинения новым хозяевам мира государственных образований, политические элиты которых эксплуатируют тезис об империалистическом гнете России.

Российская политика может быть только многовекторной по причине геополитического положения и невозможности моноцентричного мирового порядка. Сотрудничество с Ираном направлено на реализацию альтернативы «униполярному миру», конфликту цивилизаций. И если Россия не желает повторить сценарий геополитического распада, мы обязаны принимать во внимание геополитические тренды в южном регионе. Проамериканскому анклаву (Турция, Грузия, Азербайджан) в состоянии противостоять пакт «дружественного нейтралитета» (Армения, Иран). С приходом во власть консервативно-религиозного большинства и поражение т.н. реформаторов, настроенных на диалог с Западом, иранская политика возвращается к ориентирам традиционной пассионарности, отпора этносепаратизму и компрадорству: Иран, как и Россия, сталкивается с потенциальными угрозами территориальной целостности (Курдистан, Билуджистан) и испытывает давление глобальных политических и финансовых структур. В замечании А. Дугина об иранской автохтонной версии исламизма, направленной против США, есть немалый геополитический резон (2, с.812). Но, на наш взгляд, не следует строить проекты геополитической оси «Москва-Тегеран»:

реалистично «обусловленное» сотрудничество в геополитическом контексте. Ирану не выгодно усиление американского или турецкого влияния в регионе, потому что в Тегеране осознают все риски «санитарного кордона», возведение которого началось с оккупации Ирака. Геополитическая ось обязывает к глобальным наступательным трендам, российско-иранское сотрудничество носит оборонительный характер, оправданно контролем над каспийско-причерноморским пространством. Зб. Бжезинский считает такую геополитическую ситуацию проблемой для США. Хотя долгосрочные российско-китайский и российско-иранский союзы маловероятны, для Америки весьма важно избежать политики, которая могла бы отвлекать Россию от трансатлантического геополитического выбора (3, с.143). Тезис Бжезинского состоит в принуждении России к геополитическому плюрализму, согласию на пассивную или доверительную роль в освоении Западом постсоветского пространства и создание таких условий, чтобы Россия в случае проведения «имперской» политики оказалась в ситуации геополитического изгоя.

Своими отношениями с Ираном Россия демонстрирует американским сателлитам возможность паритетности, взаимопонимания государств с различным политическим устройством и культурно-цивилизационными ценностями. Геополитика опровергает аргументы цивилизационной солидарности, иначе Россия обречена на противостояние с исламским миром, чтобы доказать свое право быть в Европе. Мы знаем цену европейской интеграции, когда Украина, являясь вторым по территории европейским государством, рецессивна в определении внешнеполитических приоритетов, принадлежит к государствам-клиентам, политику которых определяет «Большая семерка».

Российско-иранские отношения могут перерасти из окказиональных в многомерные и обязывающие сфере экономики, политики и безопасности. Геополитические приоритеты обоснованы синхронность межгосударственного сближения, стратегической выгодой дружить для блага собственных народов и становления альтернативного мирового порядка. Можно согласиться с Л.Г. Ивашовым, что «искусство эффективного геополитического поведения заключается в умении комплексно использовать силы и средства, соответствующие различным формам геополитического противоборства» (4, с.176). Иран придерживается принципа континентальной геополитики, что очень важно в реализации кавказской политики России. Западные партнеры исповедуют двойные стандарты в борьбе с терроризмом и уважение национальных интересов России: кажется, что их бы удовлетворил сценарий вялотекущего распада или постепенное вытеснения России, предложенного Бжезинским варианта трансатлантической безальтернативности.

Вот почему настойчиво проводится мысль, что геополитика связана с возвращением к «имперскому проекту», что сценарий континентализма безнадежно устарел. Как результат формационного противоборства (соревнование капитализма и социализма) и виртуализации сценария столкновения цивилизаций С. Хантингтона, геополитическая субъектность России является самым реалистическим направлением ее внешней политики.

Фундаменталистский Иран ближе России, чем православная Грузия или «братская» Украина. Еще К. Леонтьев предупреждал о разрушающих мифах панславизма,

рептильности и евроцентризме региональных элит. Сотрудничество с Ираном компенсирует потери России на западном направлении, связанные с расширением НАТО и курсом украинского руководства не форсированную интеграцию в Европу ценой превращения в буферное государство. Крайне непродуктивно и иррационально попасться в ловушку «соответствия» принципам демократии. США сотрудничает с открыто авторитарными режимами (Пакистан, Саудовская Аравия, Узбекистан) и свертывание сотрудничества России с Ираном или Беларуссией только потому, что лидеры этих государств не устраивают США, свидетельствует о дефиците элементарного политического реализма или некомпетентности, объективного служения американскому гегемонизму.

Встраивание геопространственных образов во внешнюю политику поэтому и представляется плодотворным направлением в решении внешнеполитических проблем (1, с.228). Геополитические образы России и Ирана презентуют неискривленное геополитическое пространство, в котором формационное и цивилизационное измерение уступает место трансформации политической карты мира. Сотрудничество Ирана и России способно скорректировать схему дуги нестабильности, разорвать цепь управляемых локальных конфликтов. Геополитическое пространство укорачивается, искривляется или разворачивается под влиянием региональных геополитических образов. Если Россия воспринимается союзником Запада, проблематично ожидать позитивного отношения к сохранению геополитических позиций на Юге.

Геополитический плюрализм, выдвинутый Зб. Бжезинским, обязывает к виртуализации, обращению от политической карты к симулякрам «сотрудничества», «западных ценностей», мораторию на геополитическую проективность. С. Хантингтон совершенно точно ставит диагноз современной внешней политике, когда заявляет, что страны есть и остаются доминирующими фигурами мировых событий (5, с.35). Российская внешняя политика оказалась в двусмысленном положении: вроде бы нет осязаемой идеологической, военной и политической угрозы, время блоков и альянсов ушло в прошлое, но мир находится в стадии осуществления проекта нового мирового порядка, где страны перестают быть акторами мировой политики. Естественно, в действие вступают мотивы геостратегии. Если обеспечение безопасности в условиях хаоса, терроризма, «гуманитарных интервенций» является первоочередной задачей, недопущение геополитических разломов, «черных дыр» в геополитическом пространстве определяет содержание внешней политики.

Иран не претендует на мировую миссию, не одержим идеей панперсидского мира, так что по критерию геополитической субъектности обе страны объективно заинтересованы в установлении континентальной однородности. Режим господства зависимости легитимируется цивилизационных или модернизационных аргументов: обращение к карте является сильным опровержением глобализма и конфликта цивилизаций. Государства действуют по принципу суверенности геополитического пространства, что важно в сопротивлении навязыванию приоритетов мировой демократической федерации над национальными интересами.

Так как Россия – геополитическое государство, т.е. по территориальным, географическим параметрам не может удовлетвориться политикой «фронта», она участвует в геополитическом соперничестве. Регионализация внешней политики, что мы наблюдаем в течение последних 10 лет, вызвала новые проблемы. Советский Союз был включен в глобальное геополитическое противоборство с США. Как региональная держава, Россия стала испытывать давление со стороны Турции, Китая, Японии. Фрагментация геополитики, отказ под воздействием т.н. «имперской вины» в глобальных политических процессах привели к тому, что страна ведет изматывающую борьбу с локальными сепаратизмами. У Ирана и России разное геополитическое прошлое и одинаковое геополитическое настоящее: ресурсные ограничения (экономика, политика, военная мощь) склоняют к выбору интенсивной геополитики, а это связано не с приобретением новых «друзей» и «врагов», а ревизией геополитики по критерию оптимизации. Сотрудничество с Китаем полезно в экономическом аспекте, но скрытые территориальные претензии, демографическая экспансия и военно-политические амбиции внушают сдержанную оценку перспективы российско-китайских отношений. А. Дугин провозглашает императив российской геополитики в конструировании осевых структур, что, как мы видим, часто противоречит геополитическим реалиям.

В российско-иранских отношениях более реалистичны и прогнозируемы минипроекты суверенного каспийского пространства и диалога цивилизаций, чем создание непрочного континентального блока. Противодействие американскому нефтяному проекту связано не только с экономическими интересами, прибылью от транспортировки нефти и газа. И здесь можно поддержать А. Дугина в том, что Средняя Азия, имеется в виду и Иран, нуждается в обеспечении континентального суверенитета (2, с.433). Большое пространство глобализации исключает национальную, религиозную, геоструктурную неоднородность, свободное перемещение финансовых, информационных потоков и распространение идеологии морской торговой экономики адекватно интересам государств «римленда».

Российский исследователь Л. Медведко предупреждает о том, что «один из главных геополитических итогов двух мировых войн на межцивилизационном уровне просматривается в том, что ни одна из противоборствующих стран не в силах была одержать уверенную победу» (6, с.202). Геополитизация российско-иранских отношений желательна хотя бы потому, что препятствует сценарию управляемого хаоса, порожденного историческим беспамятством. Ни Россия, ни Иран не дают повода для обвинений в пособничестве мировому терроризму или агрессивной политике против соседних государств. Проекты «Большого Азербайджана», «Великой Чечни», «Кавказского Халифата», описанные Зб. Бжезинским (3, с.162), нереализуемы в силу геополитического притяжения Ирана и России. Оборонительная позиция Тегерана может быть развита в осознании стратегического союза двух народов: если Россия и Иран являются геополитическими центрами, внешнеполитические цели исходят из ценности континентального суверенитета, доминирования права «земли» над правом «торговли». России и Ирану одинаково важно быть геополитическими субъектами, соизмерять

внешнюю политику с принадлежностью к геоисторическим и геокультурным реалиям. Уместно вспомнить слова российского государственника П. Столыпина, что народы, которые иногда забывают о своих исторических задачах, превращаются в «удобрения», на которых вырастают другие, более сильные народы (7, с.149). Российскому государству противопоказан путь геополитического плюрализма, сворачивания геополитического пространства. Внешняя политика России неизбежно «пространственно» ориентирована, потому что свободный от геополитических аргументов вектор деградирует в капитулянтство, способное привести к исчезновению с политической карты мира.

Примечания

1. Политическая наука. 2001. №2.
2. Дугин А. Основы геополитики. М.: 1999.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: 1999.
4. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? М.: 2002.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: 2003.
6. Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М.: 2003.
7. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911. М.: 1991.

В.Н.Шевелев

Внешняя политика современного Ирана: геополитические интересы на Кавказе и Юге России

Современный Иран (с 1979 года - Исламская Республика Иран) в геополитическом отношении имеет выгодное положение: с севера он омывается Каспийским морем, с юга - Персидским и Оманским заливами и, таким образом, имеет выходы к важнейшим мировым транспортным артериям. Иран также обладает серьезным экономическим потенциалом. На его территории находятся значительные месторождения полезных ископаемых: запасы нефти оцениваются в 90 млрд. баррелей, природного газа - около 15% от всех мировых запасов; имеется также железная руда, уголь, медь, хром, свинец, марганец и т.д. Все это - немаловажный фактор улучшения экономического положения в Иране и усиления его влияния в регионе.

Многочисленное население Ирана – этнически одно из самых пестрых в мире – связано родственными узами с населением Закавказья, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Персы, ведущая этническая группа, объединены общностью или близостью языков с таджиками Таджикистана и Афганистана, пуштунами Афганистана и Пакистана, курдами как самого Ирана, так и Турции и Ирака. Именно поэтому большой интерес вызывают взаимоотношения Ирана с соседними странами, в том числе с Россией. Как считает отечественный исследователь А.Умнов, “взаимная заинтересованность Тегерана и Москвы в предотвращении или, по крайней мере, ослаблении этнической

напряженности по обе стороны бывших советских границ создают сегодня такую основу для сотрудничества наших стран, которой не было никогда прежде” (1).

В последнее время во внешнеполитической ориентации Ирана происходят заметные перемены. "Мы, совершив революцию и претендуя на создание исламского строя на ее основе, лишь в том случае можем считать свою революцию началом новой цивилизации, если имеем способность и достоинство приобрести положительные элементы западной цивилизации, а также необходимую чуткость отличить ее недостойные элементы и избежать их", - заявил в одном из своих выступлений президент ИРИ М. Хатами (2). Он убежден, что эта цель может быть реализована не в условиях закрытости, а во взаимодействии с внешним миром. Все это предопределяет растущий интерес к внешней политики ИРИ, в том числе к ее геополитическим интересам на Кавказе и Юге России.

Исламская революция и внешнеполитическая концепция Хомейни

В период правления последнего шаха М.Р.Пехлеви Иран проводил прозападную политику. Шах пытался добиться политического, военного и экономического превосходства в регионе. Для этого ему были нужны средства, новое оружие и доступ к передовым технологиям. По этой причине шах, провозгласив в начале 60-х гг. “белую революцию”, взял курс на Запад, который мог дать Ирану и технологии, и оружие, и инвестиции. Шахский режим стремился к политическому, экономическому и военному превосходству над соседями. В 70-е годы темпы роста экономики Ирана превышали 10% в год. Бурный экономический рост наряду с привилегированным положением на Востоке обеспечивали доступ к получению нового оружия и передовых технологий Запада. Будучи не в состоянии освоить огромные доходы от нефти, Иран начал экспортировать капитал. На некоторое время он стал кредитором МВФ, предоставлял финансовую помощь не только развивающимся странам – Пакистану, Египту, Индии, но и Англии. Все это придавало Ирану внушительный вес на международной арене и питало его геополитические амбиции.

Прозападный курс сопровождался вестернизацией, экспортом западной культуры, что вызывало недовольство шиитского духовенства и традиционалистов. Все это сказалось на социальной и внутривнутриполитической ситуации и, в конце концов, в совокупности с другими факторами, привело к исламской революции. Лидером этой революции стал аятолла Рухолла Мусави Хомейни. Появившегося на свет в 1899 году сына аятоллы Мусави называли Рухолла, что в переводе с фарси означает "дух Аллаха". Так родители предопределили путь ребенка. Ему было суждено перевернуть Иран сверху донизу, взорвать монархию, правившую в стране 2500 лет, и превратить Иран в государство, где все устанавливают законы ислама. Рухолла Мусави искренне верил в свое предназначение. Он полагал, что народ может обрести свободу только тогда, когда к власти придет исламское духовенство. Запад – исчадие ада, его влиянию необходимо противопоставить немеркнущие ценности ислама. Послания Хомейни, записанные на магнитофонные ленты, распространялись по всей стране. Зерна падали на подготовленную почву и проросли в 1978 г., когда в Иране начались массовые

антиправительственные выступления. Вскоре шах Ирана навсегда сошел с политической сцены. Модернизация Ирана, осуществляемая им по западному образцу, не удалась, “западный дичок не привился к исламскому древу”.

Новое правительство конфисковало имущество шаха, которое только по приблизительным подсчетам оценивалось в несколько десятков миллиардов долларов. Затем Хомейни приступил к преобразованию органов власти и лично участвовал в разработке проекта исламской конституции. Новый основной закон предусматривал введение в стране института факиха, должность которого должен занимать самый достойный духовный вождь, и специального Совета по наблюдению за осуществлением конституции. По существу факих стоял над всем государственным аппаратом, ему принадлежало последнее слово при принятии решений. Совет был призван контролировать деятельность всех органов власти в соответствии с нормами ислама. Первым факихом стал Хомейни (3).

В стране начали действовать исламские революционные трибуналы. Были запрещены продажа и употребление спиртных напитков, демонстрация фильмов с постельными сценами, трансляция западной музыки, включая классическую. Женщин обязали носить чадру, лишили права участвовать в спортивных соревнованиях и делать аборты. Провинившихся подвергали публичной порке. За употребление спиртных напитков – 80 ударов плетью, за прелюбодеяние – 100. За супружескую неверность женщин ожидала смертная казнь. Но никакие строгости и жестокости не могли превратить Иран в исламский заповедник. Хомейни хорошо знал Коран, но плохо – природу человека. Сотворенному из плоти свойственно впадать в соблазны, какой бы религии он не придерживался. Запрет на потребление алкоголя увеличил число наркоманов: около 4 миллионов иранцев курило опиум. Казни блудниц не искоренили проституцию: жрицы любви взвинтили цены за смертельный риск. Отсечение рук за воровство не остановило ни грабителей, ни карманников.

После свержения шахского режима в 1979 году радикально настроенные круги шиитского духовенства, провозгласили лозунг борьбы за победу “всемирной исламской революции”. Иран, превратившийся в оплот исламского фундаментализма, взял курс на установление исламских форм правления в других странах. Руководство страны видело в качестве стратегической цели превращение Ирана в идеологический центр исламского мира с последующей интеграцией мусульманских государств на религиозной основе. Радикализм геополитических замыслов руководства Ирана обеспокоил мировое сообщество и встретил противодействие со стороны соседних арабских стран, возглавлявшихся суннитами. В результате произошел практически полный разрыв связей с немусульманским миром, обострились отношения с Бахрейном, Кувейтом, Оманом, Иорданией, Саудовской Аравией (4).

Первыми внешнеполитическими шагами молодого государства стали: отказ от союза с США, аннулирование военных соглашений и заказов на покупку вооружений, ликвидация военных баз США в Иране, разрыв отношений с Израилем, Египтом, установление тесных связей с Организацией освобождения Палестины, провозглашение

во внешней политике независимого курса и вступление в Движение неприсоединения. Новое руководство на первых порах уделяло больше внимания политическим вопросам в ущерб экономическим. Экономика страны находилась в состоянии развала и анархии, быстрыми темпами росла безработица, многие промышленные предприятия, потеряв связи с иностранными поставщиками, не могли эффективно работать. Фактором национального сплочения в этих условиях стала война с Ираком. Аятолла Хомейни говорил: “Мы должны благодарить Аллаха за эту войну, которая объединяет нас”.

Новый внешнеполитический курс

Изменившаяся международная обстановка, прекращение противостояния двух сверхдержав привели к постепенному пересмотру внешнеполитических концепций и поиску иных ориентиров. Один из главных принципов внешней политики ИРИ – “ни Запад, ни Восток, только Ислам” – потерял свою значимость. Традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) отныне стала неприемлемой. Претерпел изменения и другой внешнеполитический принцип – экспорт исламской революции, ограничившись распространением и пропагандой исламской культуры во внешнем мире. Однако более взвешенный подход к международным проблемам современного руководства Ирана встречает неприятие ряда политических деятелей страны, являющихся сторонниками жесткого и бескомпромиссного внешнеполитического курса. Характерное явление сегодняшнего Ирана – наличие двух враждующих между собой группировок в правящей элите страны (5). Расхождение по проблемам экономики, внешних сношений, практики ислама противопоставляют их друг другу. Исламские радикалы выступают за сохранение в неизменном виде общественно-политической системы Ирана, которая сложилась еще при Хомейни. Другая часть духовенства, настроенная более прагматично, выступает за проведение экономических реформ внутри страны и изменение внешнеполитического курса Ирана. Борьба среди духовенства идет с переменным успехом. Но при всей остроте внутренних разногласий правящее духовенство не доводит дело до явного раскола своих рядов, сохраняя сословно–корпоративную солидарность.

Президент А. Хашеми–Рафсанджани (1989-1997 гг.) был сторонником умеренного, прагматичного внешнеполитического курса, выступал за рациональные отношения с Западом, против намерения исламских радикалов продолжать политику экспорта исламской революции в другие страны. Однако сохранялась исламская воинственность в ряде внешнеполитических вопросов. ИРИ осудила мирный процесс на Ближнем Востоке и само существование государства Израиль. Политизированное иранское духовенство продолжало декларировать лозунг “Смерть Америке”. Двойственность в подходе к внешней политике сказывалась на отношениях Ирана с другими государствами, мешала установлению контактов со многими странами.

Новый этап во внешней политике Ирана наступил с приходом к власти в 1997 г. президента М. Хатами. Он заявил о готовности Ирана иметь добрые отношения с любой

страной. Новый президент Ирана имеет великолепное по иранским стандартам образование, полученное им в семинарии Кума и на философском факультете Исфаганского университета. Он свободно владеет тремя иностранными языками, имеет много научных трудов по теологии. Хатами обладает также рангом муджтахиды, дающим право на дачу заключений по вопросам вероучения. Хатами носит также почетный титул сейиды, то есть он относится к семье пророка Мухаммеда.

В декабре 1997 г. в Тегеране состоялось Восьмое совещание в верхах государств - членов организации Исламская конференция, что свидетельствовало о нормализации отношений между Ираном и арабскими странами. На открытии лидер ИРИ Хаменеи говорил о том, что "западный либерализм, социализм и коммунизм доказали свою несостоятельность и сегодня, как и раньше, ислам является единственным средством спасения", что недалек тот день, когда "нынешняя западная цивилизация, в которой все делается ради денег, наполнения желудка и удовлетворения животного инстинкта, утонет в болоте аморализма и исчезнет"(6). А в кулуарах конференции президент Хатами осторожно говорил о том, что в течение двух лет намерен пересмотреть внешнюю политику страны. Самое важное президент приберег для последнего дня работы конференции: "Мы уважаем великий народ Соединенных Штатов, - сказал он. - Используя разумный диалог, мы можем приблизиться к миру, безопасности и спокойствию" (7).

Внешняя политика – прерогатива президента. Однако многое зависит и от позиции А. Хаменеи, который до 1997 г. последовательно выступал на стороне группировок консервативного толка в руководстве страны. Он не оказывал видимой поддержки Рафсанджани, когда тот являлся президентом, поскольку опасался критики со стороны влиятельных религиозных деятелей из Кумского теологического центра, которые контролировали Совет экспертов и имели возможность поставить под вопрос его соответствие предъявляемым к факиху требованиям. Безоговорочная победа Хатами, за которого отдали голоса более 20 миллионов избирателей, вынудила Хаменеи частично пересмотреть свою позицию. Он, как и большинство сторонников умеренного консервативного курса, пришел к выводу, что основные положения программы нового президента объективно отвечают потребностям общества и должны учитываться при разработке стратегических направлений внутренней и внешней политики. В изменившихся условиях опора только на традиционные исламские ценности не могла являться надежным гарантом обеспечения легитимности правящего режима в глазах населения. Кроме того, позиция Хатами, выступающего за проведение курса на постепенные реформы, способствовала усилению его влияния на факиха. Хаменеи, продолжая оказывать выборочную поддержку президенту, стремится не допустить резкого снижения уровня своей личной популярности среди населения, а также предотвратить попытки оказания давления на него со стороны некоторых авторитетных религиозных деятелей (8).

Антиамериканизм и антизападничество уже перестали быть факторами, которые когда-то спланивали нацию. Иран является выгодным экономическим партнером, его рынок достаточно емкий, размер ВВП на душу населения в 2001 г. составил 6 тыс. долл.

Но реформы и курс на открытость не означает отказа Ирана от модели развития в рамках исламской государственности. Как отметил президент Ирана и автор концепции диалога цивилизаций, помимо необходимости усвоения положительного опыта Запада, органической частью его идей является также "необходимая чуткость отличать и избегать недостойных элементов западной цивилизации" (9). Иранское руководство постепенно возвращается к идее превращения Ирана в региональную супердержаву.

Председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль весьма высоко оценивает геополитическую роль Ирана в Евразии: это государство занимает центральную стратегическую позицию, выходит на Кавказ — с одной стороны, на Персидский Залив — с другой, на Среднюю Азию — с третьей. Революционный Иран сегодня уверенно входит в XXI век и готовится к тому, чтобы принять на себя роль великой мировой державы. И во всех этих регионах, на которые Иран имеет стратегические выходы, интересы Ирана пересекаются с интересами России. Сегодня Запад использует против Ирана тактику "Анаконды", которая прежде использовалась против СССР: со всех сторон по периметру иранской границы создаются враждебные исламскому государству сателлиты НАТО, конструируются политические режимы и военные блоки самой различной направленности, задуманные как базы для нанесения удара по Ирану. В Персидском Заливе Ирану противостоит 6-й флот США, в Саудовской Аравии — американские военные базы. С запада над Ираном нависает Турция, с востока — талибы, с севера — Азербайджан, полностью перешедший под натовский контроль и ставший частью оси Тель-Авив-Анкара-Баку. Последний фактор является наиболее болезненным для Ирана как с точки зрения национальной безопасности, так и с психологической точки зрения (10).

Современное иранское руководство, судя по официальным заявлениям, достаточно объективно оценивает геополитическое положение своей страны. В настоящее время получают более ясные очертания такие понятия, как мировое сообщество и взаимное сотрудничество. Формирование обнадёживающего представления будущего, способного обеспечить мир и спокойствие, все более явно набирает силу в воззрениях иранских реформаторов. Те изменения, которые происходят во внутренней и внешней политике сегодня, позволят ИРИ стать балансирующим фактором региональной стабильности и сыграть важную роль в международных отношениях.

Интересы Ирана на Кавказе и юге России

После того, как советско–американская конфронтация осталась в прошлом, Тегеран, прежде маневрировавший между двумя сверхдержавами, оказался перед лицом целого веера новых вызовов. Главный из них – серьезные этнические сдвиги вокруг Ирана, которые могут поставить под вопрос его государственное единство. На севере вместо единого государства с преобладанием славянского населения, появились три государства – Азербайджан, Армения, Туркменистан. Раньше единственным суверенным тюркским государством выступала Турция со своим откровенно светским устройством и союзом с США, противостоящая Ирану. Теперь тюркских государств уже 6: Турция, Азербайджан,

Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан. Таким образом, на севере и северо-западе Ирана возникла почти сплошная "тюркская дуга", которую разрывает лишь небольшой участок ирано-армянской границы. Все это не может не тревожить Иран, тем более что после распада СССР заложенный при создании тюркских советских республик механизм "этнической ориентации" в южном направлении может заработать уже самостоятельно (11)

В 90-е гг. XX века Кавказ вновь превратился в "яблоко" геополитического раздора, став ареной конфронтации интересов Запада и ослабленных России и Ирана. По плотности конфликтов и интенсивности геополитических конфронтации Кавказ является зоной повышенного риска. Кавказ - особый геополитический и географический анклав, что существенно влияет на конфликтный потенциал этого региона и на распределение в нем силовых центров. Объективно сложившаяся ситуация усилила роль государств, находящихся по соседству с Кавказом, поскольку те всегда стремились быть активными игроками в этом регионе.

На протяжении столетий регион находился либо в эпицентре серьезных геополитических катаклизмов, либо стоял на пути масштабных имперских войн. Кавказ всегда пытались вписать в создаваемые державами новые системы миропорядка. По этой причине страны региона были обречены на поиск геополитических партнеров как гарантов суверенитета, безопасности. Выбор ими той или иной ориентации объективно облегчался тем, что Кавказ все время находился в центре доминирующих геополитических потоков. Этнический и религиозный плюрализм региона создавал для держав благоприятные условия для внедрения по известной формуле "разделяй и властвуй". Каждая держава могла найти здесь приемлемого сателлита по этническому или религиозному параметру.

Обретение Кавказом нового геополитического статуса затруднялось наличием серьезных этноконфликтов в регионе (карабахский, абхазский, осетинский, чеченский и т.д.). Вдобавок ситуацию осложняла "нефтяная геополитика": Азербайджан открыто декларировал прозападный нефтяной курс в качестве гарантии своей независимости. Словом, на геополитические коллизии и перспективы Кавказа стали оказывать заметное влияние этноконфликты и борьба держав за нефть. С течением времени все более явно проступала тенденция усиления прозападного дрейфа Кавказа и ослабления влияния России, что также способствовало росту напряженности.

По мнению Гейдара Джемала, Иран является сегодня единственным в мире государством, которое остается хранителем великой идеи Соппротивления, почти полностью ушедшей из мира, начиная с 1989 года, когда духовно умер Советский Союз и была разрушена мировая социалистическая система. Иран — это последнее и единственное идеологическое государство в Евразии. По этой причине современная иранская геостратегия максимально приближена к спиритуально-идеологическому измерению, а не освобождена от него в циничном прагматизме. Там понимают, что геополитика, не связанная с идеологическими идеалами, обречена на провал. Идеологические ориентиры иранской политики на сегодняшний день таковы: во-первых,

Иран последовательно реализует проект религиозно-политической интеграции мировой исламской уммы; во вторых, Иран стремится к созданию антиглобалистского фронта, способного оказать сопротивление гегемонизму Запада; в-третьих, для Ирана очень важна идея союза Северной и Южной Евразии, единения Великой Суши против атлантизма, построенного на культе золотого тельца (12).

Г.Джемаль в определенной степени прав. Исламская революция радикальным образом изменила подходы Ирана во внешней политике, приоритеты и содержание направлений внешнеполитической деятельности, которая приобрела совершенно новое, идеологизированное содержание. И все же на первом месте во внешней политике ИРИ – прагматизм. Отчетливо об этом говорят споры вокруг каспийской нефти. Появление после распада СССР новых прикаспийских государств породило проблему статуса Каспия - останется он в совместном владении всех прибрежных государств или будет разделен между Россией, Ираном, Азербайджаном, Казахстаном, Туркменией. Подходы России и Ирана к новому правовому статусу Каспия очень близки или совпадают. Москва и Тегеран считают, что все права в отношении Каспийского моря и его ресурсов принадлежат только прикаспийским государствам, и только они вправе совместно определять правила деятельности на Каспии. Начиная с 1995 г., транснациональный нефтяной консорциум, оперирующий на каспийском шельфе Азербайджана, приступил к переговорам с правительствами Грузии и Турции о возможности транспортировки азербайджанской нефти до портов Батуми, или через грузинскую территорию - в Турцию. Российское руководство гарантировало "свободный путь" этой нефти. Но поскольку война в Чечне затянулась, а переговоры действующего в Азербайджане консорциума с правительствами Грузии и Турции о транзите нефти прошли успешно, Запад постепенно стал отходить от прежних договоренностей с Москвой. Активизация же российско-иранских отношений лишь подливает масла в огонь конфронтации из-за каспийской нефти (13).

Через Иран нефть можно транспортировать по двум направлениям: через север страны в Турцию и далее к заливу или через всю территорию с севера на юг к нефтяным терминалам в Персидском заливе. Этот вариант представляется наиболее выгодным. То, что и на севере, и на юге Ирана находятся нефтяные скважины и локальные трубопроводы, позволяет первое время производить транспортировку нефти путем замещения - каспийская нефть, поступающая в северную часть страны используется на нужды государства, а нефть, добываемая на юге Ирана отправляется покупателям. Таким образом, уже в ближайшее время можно наладить продажу сырья прикаспийскими государствами, а построив прямой трубопровод с севера на юг Ирана (к нефтяным терминалам в Персидском или Оманском заливах) можно значительно увеличить объем продаж. В этих условиях одним из главных союзников Тегерана выступает Россия. Ее военное присутствие в Закавказье и Центральной Азии сдерживает процессы, которые, предоставленные сами себе, могут ударить по Ирану.

Что касается Северного Кавказа, то он не рассматривается Ираном как зона приоритетных интересов. Иран опасается каких-либо осложнений отношений с Россией. Для Ирана Чечня очень неудобный полигон и иранцы всячески

пытаются уйти от участия в этих событиях. Несмотря на то, что в Иране имеются общественные организации, которые оказывают давление на правительство в деле вмешательства в события на Северном Кавказе, власти умело отводят от себя недовольство этих структур. Иранцы прекрасно понимают, что не сумели создать в Чечне социально-политическую базу для сотрудничества, что Чечня стала пристанищем для ваххабизма. Разгром вооруженных сил ваххабитов представляется весьма желательным для иранцев.

На Северном Кавказе у Ирана и России больше общих интересов, чем поводов для соперничества. Имеется важный фактор заинтересованности Ирана в Северном Кавказе. Иранское руководство считает, что в случае отрыва Северного Кавказа от России здесь будет создано интегрированное с Турцией враждебное не только России, но и Ирану государство, которое станет базой конфликтности в регионе. Деятельность Ирана на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне и в Дагестане, никогда не носила антироссийского характера. Иран преследует, в основном, следующие цели:

1. упреждение турецкого влияния и ограничение деятельности и роста турецкого присутствия; сбор стратегической и текущей информации о деятельности в регионе спецслужб различных государств и их влияние на исламские сообщества;
2. борьба с ваххабитскими движениями и организациями, поддержка традиционных исламских структур;
3. определенный интерес представляют связи исламских сообществ на Северном Кавказе с Азербайджаном и проведение антитурецкой и антиазербайджанской пропаганды.

В целом Иран является важным партнером в деле поддержания стабильности на Северном Кавказе. Тегеран, по мнению некоторых зарубежных обозревателей, играет ведущую роль в уменьшении негативного отношения мусульманского мира к Москве за ее военные кампании в Чечне. Тегеран, несмотря на высказывания официальных лиц Ирана относительно недопустимости военного решения чеченского конфликта, тем не менее признает, что проблема Северного Кавказа и, в частности, Чечни – это внутренне дело России, и не оказывает поддержку сепаратистским движениям.

В 90-е годы, в связи с образованием СНГ и складыванием новой геополитической реальности появилась еще одна важная сфера сотрудничества Ирана и России – региональная. Нестабильность ситуации в Закавказье беспокоят и российскую и иранскую стороны. Позиция Ирана по проблеме Северного Кавказа также соответствует российским интересам. Комиссия Организации Исламской конференции (ОИК), председателем которой до ноября 2000 г. являлся Иран, возглавляемая официальными лицами Ирана, в 1999–2000 гг. дважды посетила Москву и Северный Кавказ (Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию). Высокие должностные лица ИРИ, выезжавшие с миссией на Северный Кавказ, заявляли, что они убедились в стремлении РФ к урегулированию ситуации в Чечне, хотя и сделали акцент на необходимости поиска мирного разрешения конфликта. Насколько известно, в Иране сегодня не ведется вербовка наемников для войны в Чечне, нет каких-либо независимых чеченских представительств.

Россия и Иран

В современном мире стратегическое партнерство держав, таких крупных и столь близких друг к другу географически, каковыми являются сегодня Иран и Россия, играет значительную роль в сфере обеспечения региональной стабильности и безопасности с целью создания благоприятной обстановки для развития взаимовыгодного экономического и культурного партнерства. Также оно имеет целью ограничить влияние других крупных политических блоков, географически более удаленных, но преследующих свои собственные интересы в данном регионе (особенно если эти интересы не согласуются с интересами двух сотрудничающих государств (14). Стоит сказать и о сходстве российских и иранских концепций развития мировой цивилизации в XXI веке, что выявилось на российско-иранских переговорах в Москве по вопросам стратегической стабильности в 2000 г. Российская идея многополярности мира соответствует иранской концепции «диалога цивилизаций».

Особенно большой интерес и определенную настороженность в мире вызывает военно-техническое сотрудничество Ирана и России. Многие обозреватели отмечают, что, несмотря на улучшение отношений с Ираном, соседние арабские государства настороженно относятся к нему именно из-за стремления нарастить свою военную мощь. Однако она необходима Ирану для установления контроля над морскими коммуникациями и создания региональной системы коллективной безопасности. Как сказал президент Хатами в январе 2000 года, “присутствие иностранных войск в Персидском заливе противоречит не только нашим интересам, но и интересам других стран региона и является источником напряженности”. И чтобы этот источник напряженности не превратился в пылающий войной костер, Иран предпочитает “держат порох сухим”, перевооружая свои боевые силы и развивая военно-техническое сотрудничество с государствами, готовыми предоставить ему новые военные технологии (15)

Армия Ирана (регулярные вооруженные силы составляют 545 тыс. человек, резерв – 350 тыс. человек, военизированные формирования жандармерии – 40 тыс. человек) превышает армию любого из арабских государств, однако отстает в качестве вооружения. Иран нуждается в модернизации вооруженных сил. Получить все необходимое он может у России. И здесь возникает дилемма кто же все-таки Иран для России – союзник или соперник? Может ли основой для дружбы служить военно-техническое сотрудничество и противодействие глобальному доминированию США? Насколько оправданны слова Ричарда Баучера, официального представителя Госдепартамента США, бросившего как последний аргумент против российско-иранского военно-технического сотрудничества, что подобные сделки “могут привести к обратному эффекту” и ситуация в регионе может “представлять угрозу всем нам”, не исключая Россию и центрально-азиатские государства?

Между тем, находясь в международной изоляции, будучи зажатым между обладающим ядерным оружием Пакистаном, враждебно настроенными талибами и недружественными Ираком, Турцией, Израилем и американским флотом в Персидском заливе, Иран вынужден искать союзников. У Ирана и России совпадают позиции практически по всем ключевым проблемам последнего времени, причем не только регионального характера. Иран осуждает продвижение НАТО на Восток, не поддерживает чеченских сепаратистов, занимает однозначную позицию по Афганистану, тем самым зарабатывая врага в лице не только Пакистана, но и сочувствующих ему арабских государств.

В Прикаспийском регионе Иран после распада СССР стремился заполнить возникший политический и идеологический вакуум, наладить надежные отношения с Центральной Азией и странами Закавказья, укрепить там свое влияние. При этом он, конечно же, наступал на интересы Турции, Пакистана, России. И возвращение России в сферу геополитических притязаний Ирана беспокоит некоторые круги в Тегеране не меньше, чем соперничество с Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном.

Исторически сложилось, что Персия являлась для России традиционным политическим и торгово-экономическим партнером на Востоке, на протяжении столетий оставаясь одним из важных направлений российской восточной политики. Говоря о сегодняшнем состоянии российско-иранских отношений, надо подчеркнуть, что рассматривать их вне контекста всей совокупности международных отношений и всей политико-экономической и военной ситуации в мире и регионе представляется некорректным. Безусловно, российско-иранские связи имеют свои собственные внутренние составляющие, определяющие сущность этих взаимоотношений. Однако каждая эпоха вносила свои коррективы в их характер. Именно взаимодействие внутренних факторов и внешнего влияния формировали неповторимые особенности российско-иранских отношений на каждом конкретном этапе исторического развития.

Сегодня главное для России – это то, что, будучи одной из ключевых стран региона, Иран объективно (вне зависимости от политической конъюнктуры и от желаний или нежеланий различных групп) занимает позиции, близкие к российским. Особенно это касается таких комплексов проблем, как Афганистан, статус Каспийского моря, международный терроризм, наркобизнес, незаконный оборот оружия.

Иран находится в выгодном военно-стратегическом положении, будучи одновременно и средневосточной, и кавказской, и центрально-азиатской, и каспийской страной. Все болевые точки региона, так или иначе, сопряжены с Ираном. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма могут эффективно решаться только при содействии Исламской Республики Иран. Поэтому эта страна привлекает к себе самое пристальное внимание не только России, но и других держав, прежде всего США, Западной Европы. Вокруг ИРИ и за нее раскручивается незримая, но, ожесточенная борьба. Как полагают многие аналитики, из этой тройки Россия имеет наибольшие моральные права на особые

отношения с Ираном. Почему? Во-первых, наличие глубоких исторических корней, традиционно отличающих российско-иранские связи; во-вторых, – географическая близость и, соответственно, общность интересов в этом очень пестром, сложном и конфликтообразующем регионе; в-третьих, – духовные причины, под которыми имеется в виду тот факт, что и Россия, и Иран находятся на границе двух великих цивилизационных систем – христианской и мусульманской.

Но все же главное, что притягивает Россию и Иран – наиболее мощные державы региона – это ответственность за судьбу чрезвычайно сложного ареала планеты. Эта ответственность предполагает взаимные усилия в деле обеспечения многоуровневой системы безопасности, включающей военную, экономическую, экологическую, политическую и ряд других. Важное место в этой системе занимает противодействие терроризму и наркобизнесу, которые усилиями афганских талибов свили себе гнездо в самом центре региона, превратившись в главную дестабилизирующую силу, несущую угрозу не только региональным странам. Общая озабоченность РФ и ИРИ – попытки некоторых нерегиональных держав, прежде всего США, осуществлять здесь политику диктата.

После распада СССР в Иране появилась надежда на обретение важного союзника в лице России, обладающего как ядерным арсеналом, так и правом вето в Совете Безопасности ООН. При этом Россия уже не расценивается как страна, представляющая потенциальную военную или идеологическую угрозу для исламского Ирана. Иран и Россия не имеют общей сухопутной границы, но они заинтересованы в трех районах – Кавказ, Средняя Азия и Афганистан. У обеих стран одинаковое понимание ситуации в регионе, их интересов и опасений. Их взаимодействие может содействовать миру и стабильности в Центральной Азии. Вначале исламские радикалы попытались воспользоваться распадом СССР для насаждения в Средней Азии исламского фундаментализма, но это оказалось малорезультативным. Основные направления в сотрудничестве России и Ирана охватывают проекты железнодорожного, автомобильного и морского сообщения, транспортировку газа и нефти в Европу, многостороннюю координацию действий на Каспийском море, в том числе сохранение его экологических параметров, организацию судоходства, морской нефтедобычи, рыболовства и др. Это связано с тем, что Иран сможет предоставить среднеазиатским республикам выход к южным морям, что важно для СНГ и России (16).

Ось Москва-Тегеран оправдывает себя во всех отношениях и является новой геополитической реальностью. Ни пантюркизм, ориентированный на Турцию, ни саудовский ваххабизм, ни панарабизм не могут быть полезны для продвижения российских интересов. Иран такую возможность предлагает. Сближение России и Ирана во многом снимает искусственную проблему "несовместимости" России и мусульманского мира. В Закавказье интересы России и Ирана во многом совпадают как по вопросам региональных конфликтов, так и в области энергетики. В Карабахе Тегеран действует в унисон с Москвой. Иран объективно препятствует превращению российского ближнего зарубежья на южном направлении в буферные зоны НАТО и "санитарные

кордоны". Иран - это выход к "теплым морям". Иран, как и Россия, является стратегическим противником атлантизма. Вместе с Россией и другими странами Иран может сыграть видную роль в строительстве сильного геополитического союза в Евразии.

Весь парадокс новейшей истории Ирана заключается в том, что именно исламские революционеры, свергнувшие шаха, через двадцать лет осуществили то, о чем лишь мечтал шах, превратив Иран в супердержаву резона. А быть может, дело здесь не в парадоксах истории, а в том, что и шах, и шиитское духовенство вели (а духовенство продолжает вести) Иран - словами шаха Мохаммада Резы Пехлеви – “к великий цивилизации”. Различает их лишь понимание сути этой “великой цивилизации”. Ну а промежуточные цели едины - во-первых, решение внутрииранских задач, в частности обеспечение военно-политической стабильности государства, создание независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе и военной, строительство мощных вооруженных сил; и, во-вторых, превращение Ирана (шахиншахского или исламского) в региональный центр силы путем достижения на Ближнем и Среднем Востоке военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства.

Военная мощь Ирана “восстановлена из пепла и превращена в твердый алмаз ее новой стратегической концепции”. Глобальные политические реальности сегодняшнего дня ставят сложные задачи перед иранским духовенством, которые могут быть решены только путем внешне- и внутривнутриполитических реформ. Причем, по мнению руководства страны, реформы должны базироваться на примате военной силы (17).

В любом случае Иран, преследуя в регионе свои цели, так или иначе способен противодействовать и нейтрализовать контролируемое со стороны США расширение ваххабизма из Саудовской Аравии. Также для Ирана нежелательно распространение идей пантюркизма, недостижимой мечтой которого было объединение тюркских государств. Таким образом, дружба России с Ираном дает возможность использовать авторитет Тегерана в исламском мире. В то же время неизвестно, где заканчивается прагматизм иранского духовенства, и не предложат ли оно в ближайшем будущем свой вариант “фундаментализма”? Ведь даже либералы-реформаторы не отменили статью конституции Ирана, где закреплено создание единого теократического государства Ислама, объединяющего всех мусульман. К тому же Москва прекрасно осознает, что, если связи с Ираном будут прерваны, он может проводить более активную и самостоятельную политику в регионе, и тут за примерами далеко ходить не надо. Но самый нежелательный для России вариант развития событий связан с тем, что Америка рано или поздно сможет привязать Иран, выдав ему карт-бланш на проведение своей политики как в Персидском заливе, так и в Каспийском регионе (18).

Таким образом, в последнее время в Иране происходят достаточно глубокие позитивные перемены во внутренней и внешней политике. Однако, насколько эти перемены необратимы, покажет только время. События февраля 2004 г., связанные с победой консервативной линии на выборах в парламент, подтвердили опасения тех аналитиков, которые считают, что не стоит преувеличивать силу реформаторов в Иране.

Примечания

1. Умнов А.Ю. Иран: взгляд из Москвы // middleeast.narod.ru/research/iran/

2. Мамедова Н. Современный Иран: диалог цивилизаций и экономик // www.rhilin.ru/isl-2/
3. Агаев С.Л. Иран: рождение республики. М., 1984.
4. Кулагина Л.М. Основные направления внешней политики ИРИ на современном этапе // Ближний восток и современность. Вып. 2. М., 1996, С.170.
5. Мамедова Н. Опыт исламского правления // Азия и Африка сегодня. 1999, N 2.
6. Дубнов А. Тегеран- 97 // Новое время. 1997, N 51.
7. Независимая газета. 1998. 26 июня.
8. www.imes.ru/rus/stat/
9. Умнов А.Ю. указ. соч.
10. Джемаль Г. Революционный Иран в XX веке//Завтра. 2000. 6 марта.
11. Умнов А.Ю. Указ соч.
12. Джемаль Г. Указ. соч.
13. Независимая газета. 1997. 20 марта.
14. Пылев А.И. Иран и Россия как стратегические союзники: история и современное положение // www.evrazia.org/modules/
15. www.continent.kr/
16. Кулагина Л.М. Указ соч., С. 171-172.
17. Сажин В.И. Военная мощь Ирана – двадцать лет: от пепла до алмаза // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М., 1999.
18. www.continent.kr/

Д.Б. Малышева

Каспийский вектор ирано-российского взаимодействия*

Контроль над значительной частью мировых энергоресурсов и выгодное стратегическое положение позволяют Ирану активно соперничать с Россией: Иран – единственный из пяти государств Каспийского бассейна (остальные – Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан) имеет прямой выход к Индийскому океану, что дает ему преимущества перед Турцией и Россией при транспортировке энергоресурсов из Каспия. Иран обладает самой протяженной береговой линией в Персидском и Оманском заливах, и через его территорию пролегает наиболее практичный маршрут к открытым морям и единственная сухопутная дорога к арабскому миру. Иран имеет легкий доступ в Китай и на Дальний Восток через Центральную Азию, что позволяет восстановить исторический «шелковый путь» с подключением к нему южно-кавказских и центрально-азиатских государств.

Экономическое соперничество в Каспийском регионе разворачивается ныне в основном из-за контроля над его нефтеносными районами и транспортными коридорами. Камнем же преткновения в отношениях прикаспийских государств остается вопрос о статусе Каспия.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 03-03-00131а.

Исторически он определялся двусторонними соглашениями Российской империи (затем РСФСР и СССР) и Ираном. В настоящее время действуют Договор о сотрудничестве и дружбе между РСФСР и Ираном от 26 февраля 1921 г. и Договор о торговле и мореходстве между Ираном и Советским Союзом от 25 марта 1940 г. Правопреемниками этих договоров считают себя Россия и Иран. Их подходы, однако, различаются. В позиции, сформулированной МИД России, Каспий трактуется как замкнутое море. Выступая за раздел дна моря при сохранении в общем пользовании толщи воды, Россия, ссылаясь на советско-иранскую договорную базу, возражает против появления на Каспии флотов иных государств, кроме российского.

После 1991 г. Россия и Иран пришли к соглашению относительно того, что в собственности пяти прикаспийских государств остается только 45-мильная прибрежная зона, а остальная территория находится в совместном пользовании. Остальные новые прикаспийские государства считают, что договоры, определяющие статус Каспия, были подписаны в другую эпоху, и они соответствуют иной геополитической обстановке, а потому требуют пересмотра. Азербайджан, например, предлагает признать Каспийское море приграничным озером и разделить его на пять секторов, каждый из которых должен представлять территориальные воды соответствующего государства. Такая позиция Азербайджана обусловлена тем, что при таком разделе наиболее нефтеносные районы Каспия отходят к Азербайджану. Он к тому же в одностороннем порядке закрепил в конституции 1995 г. свой суверенитет на часть Каспия. Но иранская сторона утверждает, что до завершения переговоров о статусе Каспия и раздела его между прибрежными государствами любая деятельность по поиску и разработке нефтеносных структур в указанной зоне будет рассматриваться Тегераном как нарушение прав иранского государства. Следовательно, конкурентная борьба, в которой Россия, Иран и другие государства Прикаспия являются соперниками, определяет их нынешнюю стратегию.

Стремясь решить две взаимосвязанные стратегические задачи – сохранить контроль над огромными энергетическими ресурсами региона и урегулировать проблему территориального раздела Каспия, Россия первоначально предлагала разделить дно Каспия на национальные секторы от срединной линии при общем пользовании акваторией. От этого предложения серьезно выигрывали бы Казахстан и Азербайджан, но не Иран. Затем Москва стала склоняться к тому, чтобы разграничить дно моря между сопредельными и противолежащими сторонами по модифицированной срединной линии, идущей от существующих сухопутных границ, при сохранении в общем пользовании толщи вод. Как пояснял Виктор Калюжный, «делим дно, точнее, ресурсы дна. Вода общая и никаких границ»¹. 6 июля 1998 г. такая позиция России была закреплена в двустороннем соглашении с Казахстаном и подтверждена затем в подписанной в Астане 9 сентября 2000 г. российско-казахстанской Декларации о сотрудничестве на Каспийском море. В январе 2001 г. во время визита российского президента в Баку об этом же договорились и с Азербайджаном. Во всех этих соглашениях речь идет фактически о демаркации

¹ Виктор Калюжный: «Медлить с определением Каспия опасно» //Независимая газета.02.10.2001.

национальных секторов пропорционально длине береговой линии каждой из пяти прибрежных стран.

Иран до недавнего времени высказывался против деления Каспия на национальные сектора. Считая, что углеводородные ресурсы должны разрабатываться на равноправной основе всеми государствами, иранская сторона настаивала на разделе моря «по справедливости», то есть по принципу равных долей (20% каждому). При таком раскладе национальный сектор Ирана становился бы больше, нежели граница, которая пройдет в случае раздела по срединной линии, что означало бы пересмотр режима и могло породить новые проблемы. По мнению иранских официальных лиц, российско-казахско-азербайджанские договоренности относительно раздела Каспия противоречат существующим юридическим документам, регламентирующим статус этого моря. В Иране полагают, что указанные договоры определили границы сектора, принадлежавшего СССР, но отнюдь не новым государствам, образовавшимся после его распада. Представитель Ирана в ООН Мохаммед Хасан Фадаи-Фард направил даже письмо Генеральному секретарю ООН Кофи Аннани, которое было распространено в качестве официального документа этой организации. В письме подчеркивалось, что азербайджано-казахстанское соглашение не имеет юридической силы и никакое решение относительно статуса Каспия не может быть приемлемо до тех пор, пока на него не будет получено согласие всех пяти прибрежных государств¹.

Различия в трактовке статуса Каспия уже привели к столкновению интересов Азербайджана и Ирана: последний обвинил Баку в намерении разрабатывать ту часть каспийских месторождений, которая, в соответствии с советско-иранскими договорами, находится южнее линии Астара-Гасанкули. Тегеран считает эту зону своей. Баку в свою очередь не признает претензий Ирана на нефтеносные площади в южной части азербайджанского сектора Каспия, называя их «необоснованными», поскольку Астара находится на западном берегу Каспия на азербайджано-иранской границе, а Гасанкули – на правом, восточном, на ирано-туркменистанской границе.

Иран в официальной ноте потребовал от Азербайджана прекратить исследовательские работы на месторождении Алборз (по азербайджанской версии – Алов), на которые Иран претендует. Затем 23 июля 2001 г. иранский вооруженный корабль заставил азербайджанское исследовательское судно «Геофизик-3», на борту которого находились представители компании «Бритиш петролиум», покинуть зону расположения нефтедобычи. Министерство нефтяной промышленности Ирана распространило тогда заявление, в котором отмечалось, что Тегеран будет считать любой контракт, заключенный иностранными компаниями для несанкционированной деятельности в иранском секторе, недействительным. Поверенному в делах Азербайджана в Иране был выражен протест по поводу планов Баку вести добычу нефти в иранском секторе Каспия. Угроза развязывания военных действий между Ираном и Азербайджаном побудила Анкару заверить Баку, что она выступит на его стороне в случае конфликта.

¹ Иран выражает протест против азербайджано-казахстанского соглашения по статусу Каспия //CNA/11.03.2002/www.caspian.ru/

Другим следствием иранского демарша явилось заявление «Бритиш петролиум» о приостановке изысканий на месторождении Алов. После посещения Баку в конце августа 2001 г. иранского замминистра иностранных дел Али Ахани инцидент был как будто бы урегулирован.

Что касается внешнеполитического аспекта азербайджано-иранского инцидента, то действия Ирана осудили и США, и Турция. Более того, заместитель госсекретаря США Элизабет Джонс заявила во время пребывания в Баку о готовности США оказать Азербайджану «в его конфликте с Ираном в акватории Каспия» политическую поддержку и предоставить финансовую помощь его пограничникам¹. Турция же вообще заверила Баку, что выступит на его стороне в случае развертывания военных действий². 11 марта 2002 г. катер иранской береговой службы вновь нарушил границу Азербайджана. А министр нефтяной промышленности ИРИ Биджан Зангене заявил, что его страна готова начать разведку нефтяных месторождений в спорном секторе Каспия, который Иран считает своим. Он добавил также: «Иран не позволит никакой другой стране вести нефтеразведку в секторе размером в 20% акватории, на который претендует Иран»³. Все это свидетельствовало о возникновении новой опасной ситуации на Каспии – не только о реальной угрозе конфликта, но и его потенциальной интернационализации. Эти маневры вкуче с американскими угрозами в адрес Тегерана (в уже упоминавшемся ежегодном докладе Государственного департамента США Иран назван «самой активной страной, поддерживавшей терроризм в 2001 году»⁴) не способствуют и стабилизации ситуации в регионе. Тем более что в споре Азербайджана с Ираном США выступают как заинтересованная сторона, открыто поддерживая Баку и усиливая критику Ирана. В рамках официально поставленной задачи - минимизировать влияние Ирана в регионе, американские политики критикуют Россию за военное сотрудничество с этим государством. Но здесь можно усмотреть и неявный подтекст. Как отмечает российский ученый А.Мальгин, «постоянные атаки США на линию Россия-Иран объясняются не столько реально угрожаемой ситуацией, сколько желанием «зарезервировать» Иран исключительно для своих целей путем оттеснения от Ирана потенциальных западноевропейских партнеров и Россию»⁵.

Экономическое соперничество в Каспийском регионе разворачивается и из-за контроля над его транспортными коридорами. Это весьма острая проблема, способная дестабилизировать ситуацию. Она связана с тем, что до недавнего времени экспертные оценки запасов нефти и газа в Каспии были чрезвычайно высоки; многие называли Каспийское море «вторым Персидским заливом», считая, что нефтяные запасы там намного превышают кувейтские, иранские и иракские. К 1999 г. выяснилось, что прогнозы относительно запасов углеводородных ресурсов, имеющих в

¹ Шерматова С. Призрак войны над Каспием //Московские новости. №31, 31.07-06.08.2001.

² Ханбабян А. Третья мировая война может начаться на Южном Кавказе //Независимая газета. 18.08.2001.

³ Мамедов М. Иран метит на Каспийское море //Коммерсант. 12.03.2002.

⁴ США не изменили списка стран «оси зла» //www.caspian.ru/22.05.2002/

⁵ Мальгин А. Основные направления российской политики в отношении каспийских энергоресурсов// Международные и внутренние аспекты регулирования политических и социальных конфликтов в Российской Федерации. М., 1999. С.56-57.

азербайджанском секторе Каспия, были завышены и нефтедобыча в Азербайджане не может даже полностью загрузить действующие маршруты Баку-Супса и Баку-Новороссийск. По данным, приводимым российским исследователем В.Наумкиным, Каспийский регион в будущем может обеспечить поставку на мировые рынки от 3 до 7% от общего количества добываемых в мире нефти и газа ¹. Согласно другим подсчетам, в азербайджанском секторе Каспия сосредоточено не 16% мировых запасов нефти, а лишь 3. К 2010 г., когда намечается пик в добыче каспийской нефти, ее уровень не превысит количества норвежской нефти. Тем не менее, сомнения в реальности существующих здесь запасов нефти не снижают накала страстей вокруг перспектив ее доставки и путей транспортировки.

Для России и Ирана проблема эксплуатации старых и прокладки новых трубопроводов для перекачки нефти и газа на мировые рынки жизненно важна, хотя они и имеют разные географические ориентиры в глобальных нефтяных проектах. Иранский вариант не устраивает Турцию и Запад, особенно США. Российский же маршрут (Баку-Новороссийск) - хотя и наиболее надежный по сравнению с другими - имеет изъяны, поскольку создает проблемы безопасности Черноморских проливов. Поскольку выбор в пользу одного маршрута поставит прикаспийские государства в жесткую зависимость от страны, через которую будет экспортироваться нефть, естественно их стремление диверсифицировать такие маршруты. Вот на этом направлении разворачивается соперничество между Россией, Турцией и Ираном. Все указывает на то, что оно завершится прокладыванием нескольких экспортных трубопроводов, по которым потечет ранняя и большая нефть. Подобную альтернативу поддерживает Иран, который, помимо отложенного «иранского маршрута» прокачки нефти, лоббирует и ряд других проектов, в частности, газопровод из Ирана в Армению. Соглашение о его строительстве было подписано в декабре 2001 г. во время официального визита в Тегеран президента Армении Роберта Кочаряна. Этот проект, которым, кстати, весьма заинтересовался Европейский союз, создает конкуренцию российской газовой монополии в регионе и может ослабить там позиции Газпрома.

Очевидно, что цель Ирана – обеспечить долю в каспийских нефтяных и газовых ресурсах, стать главной транзитной страной. Для ее достижения Иран демонстрирует высокий уровень прагматизма, почти лишенного идеологической риторики.

Вообще вся внешняя политика Ирана, хотя и выглядит религиозно обусловленной, больше подчинена все же национальному интересу, нежели религиозному идеалу. И самому Хомейни, и преемникам его курса, и тем, кого называют «прагматиками» в иранском руководстве, отнюдь не свойственна слепая приверженность религиозной догме. Пример - афганская стратегия ИРИ. В 1980-е годы она в полной мере учитывала советский фактор. Хотя Иран и оказывал тогда поддержку афганским муджахедам (борцам за веру), а иранские муллы критиковали СССР за военное присутствие в Афганистане, Тегеран выстраивал отношения с Советским Союзом прежде всего как с

¹ Новый нефтяной порядок неминуемо приведет к геополитическим изменениям //Содружество НГ. Приложение к «НГ». №10, ноябрь 1998, стр.10.

потенциальным стратегическим союзником, который мог бы составить противовес растущему американскому влиянию в регионе. В годы войны с Ираком (1980-1988) Тегеран смирился с возросшей ролью Пакистана, ставшего главным спонсором «священной войны против советской оккупации Афганистана», но старался ослабить его влияние, предотвратить по возможности дестабилизацию в регионе. Потому Иран присоединился к переговорам о будущем Афганистана, которые велись соседними странами, а также Россией с Соединенными Штатами в 2001-2002 годах – по завершении международной военной операции по разгрому талибов. Однако попутно Иран не отказался от проведения в жизнь собственных планов в отношении послевоенного Афганистана, продолжая поддерживать местных полевых командиров в западных афганских провинциях Гельманд и Герат. Приходили также сообщения, что Иран пытается подкупить вождей племен, чтобы они не соглашались на американские программы восстановления Афганистана.

Не менее сложна политика ИРИ в арабском мире. Осудив в 1990 г. аннексию Ираком Кувейта, Тегеран одновременно подверг резкой критике появление американских войск на Аравийском полуострове и в Заливе. Прикрываясь религиозной, смешанной с антиимпериализмом, риторикой, иранское руководство сумело извлечь для себя максимальную выгоду из этого кризиса: в результате ускоренного багдадской стороной восстановления в октябре 1990 г. ирано-иракских дипломатических отношений, Иран получил долгожданный мир и передышку, которые он использовал для восстановления разрушенного войной хозяйства, налаживания политических контактов, наращивания военного потенциала.

Что касается отношений Ирана с государствами Залива, то если в прошлом Тегеран нередко использовал для продвижения своих целей шиитские восстания и другие политические выступления своих единоверцев, то в 1990-е годы он их не поддерживал. Более того, иранский режим попытался нормализовать отношения с аравийскими монархиями, дабы снизить напряженность в Заливе и соответственно уменьшить там американское военное присутствие. Так, 12 сентября 2002 г. президент Хатами во время своего визита в Саудовскую Аравию объявил об отказе своей страны от территориальных претензий к арабским соседям – по крайней мере на время американской операции против Ирака. Речь, правда, не шла о трех незаконно захваченных Ираном у ОАЭ в 1971 г. островах Абу Муса, Большой и Малый Томб, а о приграничной с Ираком спорной территориальной зоне.

Дружба с арабским миром, а также и с Россией, нужна Ирану ввиду роста напряженности в отношениях с США: по завершении военной фазы иракской кампании Иран для США стал выглядеть едва ли не как следующий объект военного нападения. Особое беспокойство американских политиков вызывает рост на юге Ирака шиитского движения, которое, как полагают в Вашингтоне, поддерживает единоверный Иран. Однако подобные подозрения американской стороны лишены серьезных оснований и свидетельствуют о недостаточном понимании американскими политиками восточных реалий. Действительно, иракское общество (как, впрочем, и иранское) разделено на

соперничающие фракции, и на иракских шиитов (60% населения страны), на которых Иран способен оказать влияние. Но оно вовсе не безгранично, поскольку иракские шииты в национальном плане идентифицируют себя не с единоверными персами, а с арабами, иракцами.

Чутко улавливают иранские политики и другие внешнеполитические нюансы: несовпадающие между собой подходы к Ирану США, с одной стороны, и России, Китая, Индии, государств Европейского Союза - с другой: последние заинтересованы в более тесных контактах с Ираном, независимо от того, какой режим там находится у власти. И, тем не менее, он готов, когда ему выгодно, использовать и религиозную карту в своей внешней политике, особенно в той сложной политической игре, которую ИРИ, как и другие государства «исламского мира», ведет и с США, и с Россией.

Так, после распада Советского Союза в его южных республиках ощущалось влияние иранского фактора. Тогда широко афишируемый Тегераном «обновленный», «прагматический» внешнеполитический курс лег в основу важного направления региональной активности ИРИ в Центральной Азии и Закавказье. Здесь стратегия Ирана строилась на закреплении своей экономической и политической гегемонии, на освоении выгодного обширного рынка, ставшего в начале 1990-х годов фактически «бесхозным».

Иран сыграл видную роль в урегулировании межтаджикского конфликта. И хотя идеологически иранским муллам были ближе таджикские оппозиционеры, нежели светский душанбинский режим, Тегеран продемонстрировал готовность сотрудничать с правительством Эмомали Рахмонова, которое сумело установить мир в Таджикистане. Ибо в Тегеране больше всего опасаются этнической нестабильности, шагов, направленных на перекройку границ, поскольку все это неизбежно ударит по самому Ирану, где имеются собственные сложные этнические и политические проблемы. В карабахском конфликте Иран занял сторону христианской Армении, а не единоверного Азербайджана. Стал Тегеран поддерживать ровные и дружеские отношения с Россией. Но в целом Ирану не удалось закрепиться в Центральной Азии. Некоторым успехом увенчалась его политика лишь на Южном Кавказе. Но и здесь Ирану не удалось создать клерикальную опору наподобие той, на которую он опирается в Ливане или Афганистане.

Но Иран, как и Россия, заинтересован в экономической и политической стабильности в Каспийском регионе постсоветского пространства. Ведь его государства – выгодный и малоосвоенный рынок для иранского ненефтяного экспорта.

Ввиду выгодного геополитического положения Иран приобретает ключевое значение для зажатой блокадой Армении, для других рвущихся на мировые рынки государств постсоветского Юга.

С Арменией Иран в новейшей истории не имел серьезных разногласий. Через сотрудничество с ней и с Россией Иран ищет выходы из изоляции. Такого рода сближение не противоречит стратегии России в регионе и становится самостоятельным и значимым фактором антиатлантизма и турецкого экспансионизма.

Что касается ирано-азербайджанских отношений, то здесь сохраняется некоторая напряженность. Она обусловлена угрозой взаимного давления: Ирана - на шиитов

Азербайджана, а Азербайджана - на «турок» (этнических азербайджанцев) Ирана. Народный фронт Азербайджана, поддерживавший в бытность своего пребывания у власти идею объединения Северного и Южного Азербайджана в единое государство, и ныне эксплуатируют этот лозунг. Баку обвиняет Иран в поддержке оппозиционных сил - Исламской партии, а также Отряда сил особого назначения (ОПОН), руководитель которого - Махир Джавадов, обвиненный на родине в организации государственных переворотов, получил в Иране политическое убежище. В свою очередь и Иран имеет претензии к Баку, который, правда, неофициально, но допускает деятельность на территории Азербайджана так называемого Национально-освободительного движения Южного Азербайджана, выступающего с ирредентистских позиций. Иранские политики считают также, что Азербайджан совершает историческую ошибку, допуская США в Каспийский регион. Иран крайне негативно относится и к сближению Азербайджана с Израилем, что вряд ли противоречит интересам России, которая в рамках своей стратегии многополюсного мира развивает отношения со всеми участниками ближневосточного мирного процесса - как с арабами, так и с Израилем.

Вместе с тем Иран, являясь, как и Россия, крупнейшим внешнеторговым партнером и Армении, и Азербайджана, заинтересован в стабильности их политических систем и в том, чтобы новые независимые государства способны были стать долгосрочными партнерами.

В целом, подходы Ирана к проблеме безопасности в Каспийском регионе определяются целями его долгосрочной стратегии в регионе: стремлением противодействовать националистическим настроениям по обе стороны ирано-азербайджанской границы дабы избежать угрозы сепаратизма в иранских северо-западных провинциях, населенных азербайджанцами; поиском новых рынков сбыта иранских товаров и приложения капиталов в обход проводимой США политики международной изоляции Ирана; использованием своего выгодного географического положения для того, чтобы коммуникации, нефтегазовые и транспортные потоки проходили через его территорию.

Иран, как и Россия, в своей политике в отношении государств региона учитывает степень их включенности в недружественные ему блоки, партнерские отношения и союзы. Россия и Иран заинтересованы в создании противовеса Турции, претендующей на увеличение своей региональной роли; оба государства обеспокоены также и попытками США утвердиться на Каспии в качестве единственной сверхдержавы. Иран усматривает угрозу своей безопасности в возможности вовлечения Вашингтоном государств региона в кампанию по ограничению возможностей Ирана повышать свою обороноспособность, а Россию не может не тревожить угроза проникновения НАТО в южные государства СНГ, которые она считает сферой своих приоритетных интересов. Наконец, озабоченность Ирана вызывает не столько милитаризация всего региона, сколько Азербайджана: в Тегеране это связывают с отменой администрацией Дж. Буша запрета на поставки вооружений Азербайджану. Напомню, что американские законодатели, вняв предупреждениям азербайджанских властей относительно активизации в их

стране радикального ислама, приняли решение об отмене поправки 907 Акта в поддержку свободы конгресса США: она была принята в 1992 г. и запрещала предоставление Азербайджану военной помощи в связи с осуществлением им блокады Армении и Нагорного Карабаха. В новом решении конгресса зафиксировано положение относительно недопустимости использования Азербайджаном американской помощи, особенно военной, против Армении. Что касается последней, то этим же решением американских законодателей объем ежегодных ассигнований Армении на цели военно-технического характера возрос. Таким образом, США, укрепив позиции в Азербайджане, не вызвали при этом недовольства Армении.

Обеспокоенность Тегерана (которую разделила и Москва) вызвала возможность пролетов над Каспием американских самолетов во время антиталибской операции в Афганистане. По понятным причинам и в Москве и в Тегеране достаточно нервно реагируют и на динамику изменений в системе международной безопасности: создание военных баз США в Центральной Азии, усиливающееся присутствие США и НАТО на Южном Кавказе, планы Вашингтона использовать военную силу для охраны азербайджанского сектора Каспия и каспийских трубопроводных систем и т.п.

Другим параметром, по которым интересы России и Ирана в обеспечении региональной безопасности совпадают, являются подходы к местным этническим конфликтам, и в первую очередь к Карабахской проблеме.

Как и Россия, Иран считает ее самой серьезной угрозой региональной безопасности Закавказья и выступает за сохранение территориальной целостности Азербайджана. Но он в большей мере, нежели Россия, увязывает причины неурегулированности карабахского конфликта с влиянием Запада.

Было бы ошибочным считать политику Ирана в карабахском конфликте чисто проармянской. Иран не заинтересован в армянском военном продвижении на территорию Азербайджана, поскольку военные действия порождают проблему беженцев, в том числе и в иранских районах, населенных этническими азербайджанцами. В таких условиях угроза сепаратистских настроений становится реальной. Россия – по другим причинам – также не заинтересована в притоке беженцев и переселенцев из конфликтных зон Кавказа, поскольку за этим стоит риск роста социальной напряженности в России и возрастания конкуренции на рынке занятости.

Хотя возможности Ирана активно влиять на урегулирование карабахского конфликта имеют серьезные ограничители, совместно с Россией он может предпринять определенные усилия, направленные на сближение позиций Армении и Азербайджана.

Что касается грузино-абхазского конфликта, то и по отношению к нему Иран проявляет прагматизм: в Тегеране прохладно воспринимают облеченные в религиозные и националистические лозунги призывы абхазских лидеров поддержать движение самопровозглашенной республики к государственному суверенитету и предпочитают иметь дело с официальным Тбилиси. Иранские подходы по основным параметрам совпадают с российскими, в частности, в негативных оценках любых проявлений сепаратизма.

Приход на Каспий иностранных компаний (английские и американские владеют здесь напрямую или опосредованно 27% нефтяных и 40% газовых запасов) и внерегиональных игроков (США – в первую очередь) только подхлестнул давно начавшуюся здесь гонку вооружений. Пока по наличию военной техники и флотилии Россия остается на Каспии лидером. Ее Каспийская военная флотилия общей численностью в 15 тысяч человек включает бригаду надводных кораблей, бригаду кораблей охраны, бригаду судов обеспечения, управление поисковых и аварийно-спасательных работ, дивизион гидрографических судов, авиагруппу экранопланов и гвардейскую бригаду морской пехоты. Россия планирует усовершенствовать воздушное прикрытие каспийского военно-морского театра за счет оснащения его, в дополнении к имеющимся средствам, новыми зенитными комплексами С-300.

Иран также взял курс на резкое увеличение своего военного присутствия (в 1.5 раза) на Каспии, перебрасывая туда свои ВМС из Персидского залива. В 2003 г. была принята новая программа развития Иранской национальной танкерной компании: она предусматривает строительство серии танкеров на местных судостроительных заводах и создании в перспективе иранского танкерного флота на Каспии. Но хотя иранская военная флотилия – вторая по величине после российской, большая часть ее вооружения морально и физически устарела, и потому Тегерану предстоит еще много сделать для ее модернизации.

Позиция России, как и Ирана, в отношении проблемы милитаризации Каспия остается неизменной. Оба государства исходят из посылки: поскольку Каспий является внутренним морем прибрежных стран, то охрана морских границ является прерогативой самих этих государств, которые в услугах третьих стран не нуждаются. Милитаризация Каспия нецелесообразна и нельзя доходить в этом вопросе до абсурда, заявил 26 декабря 2003 г. в телеинтервью бакинскому телеканалу ANS замминистра иностранных дел России Виктор Калюжный. Он отметил также нецелесообразность создания каждым из пяти прикаспийских государств собственной военной флотилии на море¹.

В целом процесс милитаризации прилегающего к Каспийскому морю региона развивается на очень нехорошем фоне. Во-первых, прикаспийским государствам до сих пор не удастся договориться о правовом статусе моря, что не дает возможности установить здесь единые правила игры. Во-вторых, между некоторыми из них (Туркмения и Азербайджан, Иран и Азербайджан) не снята напряженность в двусторонних отношениях. В-третьих, ситуацию обостряют внерегиональные державы и ТНК: контролируя основные нефтяные проекты в Азербайджане и Казахстане, они претендуют на особую роль в этом регионе.

Шагом, способным сдержать милитаризацию Каспия, могло бы стать, по мнению Москвы, включение в обсуждаемую сейчас прикаспийскими государствами Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря принципа о недопустимости присутствия на Каспии вооруженных сил третьих стран. Тем более, что любое приглашение вооруженных сил

¹ Цит. по: <http://www.rian.ru/> 26.12.2003/

иностранных государств на Каспий противоречит общим соглашениям России, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркмении.

Безопасность – достаточно сложный феномен, не сводящийся только к военной сфере. Он включает в себя политические, экономические, информационно-идеологические составляющие, имеет человеческое измерение. Поэтому есть целый ряд возможных сфер взаимодействия Ирана и России, которые могут быть направлены на достижение стабильности в регионе: защита окружающей среды, совместные проекты по очистке Каспия от промышленного загрязнения и др.

Москва убеждена, что исключение Ирана из региональных процессов было бы контрпродуктивно – как с точки зрения перспектив политической стабилизации, в которой заинтересована Россия, так и ввиду развития интеграционных процессов в этом новом стратегическом пространстве. В марте 2002 года президент Ирана Мохамад Хатами посетил Москву и, хотя особо важных документов тогда не было подписано, визит, тем не менее, дал серьезный импульс развитию всего спектра российско-иранских отношений.

Позиция Ирана может измениться в случае возможного потепления отношений между Азербайджаном и Ираном. В этом случае Иран может пойти на уступки и дать согласие на присоединение к соглашению, заключенному между Россией, Казахстаном и Азербайджаном. Нормализация отношений между США и Ираном также может существенно изменить обстановку в Каспийском регионе: тогда будут сняты ограничения на участие Ирана в дележе каспийского нефтяного «пирога», а – пока отложенный – иранский вариант прокачки нефти может стать реальностью. России же придется столкнуться с серьезными вызовами ее интересов. Ведь следствием такой нормализации будет выход на каспийскую сцену Ирана – игрока, обладающего большим экономическим и военно-политическим потенциалом, являющегося серьезным конкурентом России на нефтяном и газовом рынках. Впрочем, введение в действие иранского маршрута не обязательно нанесет ущерб российским интересам. Ирану невыгодно появление на рынке новых экспортеров нефти: получив контроль над нефтяной трубой, он может поставить прикаспийским государствам жесткие условия, и их реальный экспорт будет сведен к нулю.

Подытоживая сказанное, хотелось бы отметить, что Иран и Россия на данном историческом отрезке нуждаются друг в друге, а потому взаимное координирование их действий пошло бы на пользу обеим сторонам. Но Россия и Иран, несмотря на некоторое сходство подходов к безопасному развитию в зоне Каспия, преследуют собственные национальные интересы и приоритеты, которые не обязательно будут совпадать по всем параметрам. Именно поэтому координирование действий Ирана с Россией, остающейся, несмотря на нынешнее ослабление, влиятельной военно-политической силой в регионе, пошло бы на пользу обеим сторонам.

Ю.Р. Чугунова

Правовой статус Каспия: ресурс или барьер в межрегиональном сотрудничестве и российско-иранских взаимоотношениях

Приобретение независимости бывшими республиками СССР повлекло за собой обострение геополитической ситуации в Каспийском регионе. Одним из спорных и

острых моментов стал правовой статус Каспия, который со временем превратился в эффективный инструмент реализации интересов как прикаспийских государств, так и внерегиональных стран.

Первые договоры между Россией и Персией, касающиеся побережья Каспия, относятся к первой трети XVIII века. Согласно Рештскому трактату (1732) Россия возвратила Персии южное побережье Каспийского моря, приобретенное ею в ходе Русско-персидской войны 1722-1723 годов. Россия получила право беспошлинной и транзитной торговли в Персии. В 1735 между Россией и Персией заключен Гянджинский договор «вечного союза». В XVIII-XIX веках отношения между главными державами – Россией и Персией регулировались двусторонними межгосударственными договорами, которые в зависимости от международных событий корректировались. Однако в целом они способствовали защите российских интересов. Так, в 1813 году был заключен Гюлистанский договор, а в 1828 году - Туркманчайский договор¹.

До распада СССР правовой статус Каспия определялся двумя договорами, между СССР и Ираном (договор от 25 марта 1940 г.). В соответствии с этими договорами только суда этих двух стран могли плавать по Каспийскому морю под своим флагом и только они имели право здесь на свободное судоходство и рыболовство.

Вопрос о пересмотре международно-правового статуса Каспия возник после прекращения действия договора об образовании СССР, что привело к расширению числа прикаспийских государств.

В самом начале 90-х годов проблема правового статуса Каспия определялась больше юридическими соображениями, поскольку Новые Независимые государства (ННГ) на Каспии (за исключением России) не являлись участниками прежних договоров. Этот факт во многом определил их дальнейшую позицию на переговорах по правовому статусу Каспия. Не имея никаких исторических обязательств, новые прикаспийские страны-Азербайджан, Казахстан и Туркменистан были свободны в своих действиях. Кроме того, в новой геополитической ситуации, которая стала складываться в регионе в 90-х годах, условия договоров не отвечали ни политическим, ни экономическим интересам новых прикаспийских «игроков», тем самым побуждая их к активным действиям.

Еще в начале 1992 г. Иран выступил с инициативой создания Организации регионального сотрудничества прикаспийских государств. Позднее Иран неоднократно совершал демарши с целью воспрепятствовать делению Каспия без учета его интересов.

Иранская внешняя политика преследует прежде всего собственные интересы. В рамках программ по модернизации иранской экономики немалое внимание уделяется поиску дополнительных финансовых источников, способных дать необходимые средства на осуществление задуманных мероприятий. Каспийская проблема имеет самое непосредственное отношение к поиску таких источников.

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Правовой статус Каспия: основные тенденции / Геополитика Каспийского региона, М., 2003. С. 66.

Во-первых, Иран не может быть безучастным зрителем в мировом процессе формирования нефтяного рынка. Прежде всего это касается таких аспектов, как квота добычи нефти, цены на углеводородное сырье, возможность появления на рынке новых крупных продавцов нефти и отношение к ним ведущих мировых потребителей нефти и "традиционных" стран-экспортеров.

Во-вторых, Иран рассчитывал, что сможет составить конкуренцию за право транспортировки углеводородных ресурсов Каспийского моря по своей территории. С точки зрения Ирана такой подход мог бы не только существенно пополнить финансовые доходы государства, но и способствовать укреплению и развитию регионального сотрудничества прикаспийских государств по другим направлениям, а также обеспечить энергетическую безопасность региона¹. Расчеты экспертов показывают, что иранский маршрут гораздо дешевле, чем лоббируемый США вариант Основного экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. В экономике Ирана трубопроводный транспорт играет огромную роль. Общая протяженность нефтепродуктов в Иране составляет более 12 тыс. км, из них нефтепроводов - 5 тыс. км. Наиболее протяженная магистраль – нефтепровод Абадан – Тегеран (950 км). Для Ирана развитие сети трубопроводов является одной из приоритетных задач².

В принципе Ирану нет большой необходимости разрабатывать новые месторождения: разведка и подготовка к эксплуатации новых скважин осуществляются скорее впрок, так как действует ограничитель – квоты ОПЕК. Кроме этого Ирана и так фактически "захлебывается нефтью" из месторождений Персидского залива, которая к тому же удачно расположена вблизи освоенных путей их транспортировки во внешний мир и обеспечены надлежащей инфраструктурой.

Это было одной из главных причин негативного отношения Ирана к форсированному освоению Каспия. Второй причиной было то, что ИРИ не имела больших свободных валютных резервов, которые могла бы вложить в освоение каспийских месторождений, а видеть у своих границ западные нефтяные компании Тегерану явно не хотелось. Третьей причиной были последствия ирано-иракской войны. По официальным данным "Иранской национальной нефтяной компании", за годы войны было полностью или частично разрушено 50% мощностей по добыче и переработке нефти и газа.

За последние годы Иран проводил курс на строительство новых и модернизацию действующих производственных мощностей по нефтепереработке. В результате страна фактически добилась решения вопроса о самообеспечении нефтепродуктами. Отдельные виды продукции нефтехимии импортируются, но в минимальных количествах (несколько процентов). В связи с этим новые поступления в бюджет могло бы обеспечить оказание услуг по транспортировке на внешние рынки углеводородного сырья других стран, в первую очередь прикаспийских. Иран и Саудовская Аравия являются региональными лидерами в области первичной переработки нефти на Ближнем и Среднем Востоке.

¹ Иран и проблема Каспия / Иран в современном мире. Под ред. Кожокина. М., 2003, С. 55.

² Там же. С.56.

Мощности Ирана по такой переработке составляли на 1 января 2001 г. 1,484 млн. барр. в сутки¹.

Нельзя не видеть, что в каспийской политике Ирана присутствуют также и чисто политические мотивы. Вероятно, именно поэтому Иран занял неуступчивую и, казалось бы, неконструктивную позицию по разделу Каспийского моря, предлагая разделить его на 5 равных долей. В этом случае отходящий к Ирану сектор оказался бы больше прежнего (20 вместо 8 %). Некоторые эксперты прямо указывают, что Иран препятствует окончательному определению правового статуса Каспия, не желая, чтобы нефть этого региона оказалась в руках США и европейских стран. Иран по-прежнему резко реагирует на активность Соединенных штатов в регионе.

Позиция Ирана по вопросам освоения нефтяных ресурсов Каспийского моря в течение долгого времени во многом совпадала с точкой зрения России. Юридически эта позиция базировалась на признании действующими ранее заключенных двусторонних договоров по Каспию. До середины 90-х гг. Россия выступала против раздела Каспийского моря между пятью прибрежными государствами. 6 октября 1994 г. в ООН был даже распространен документ под названием "Позиция Российской Федерации по юридическому статусу Каспийского моря". В нем Россия настаивала на том, что положения договоров 1921 и 1940 гг. должны соблюдаться всеми вновь возникшими прибрежными государствами. Необходимо учитывать, что Каспий - это не часть Мирового океана, а потому нормы международного морского права к нему неприменимы. Здесь нет территориального моря, экономических зон и континентального шельфа – т.е. тех понятий, которые составляют нормативный костяк Конвенции по морскому праву 1982 г. Иран долгое время настаивал на необходимости придерживаться заключенных ранее договоров также, считая, что Каспийское море, являясь уникальным водоемом, имеет жизненно важное значение для прибрежных государств, до окончательного определения правового статуса Каспия Иран намерен был рассматривать любые действия прибрежных государств, противоречащие существующему статусу или не получившие одобрения всех пяти прикаспийских стран, как неприемлемые, поскольку такие действия не имеют правовой базы и влекут за собой всю полноту юридической ответственности соответствующих прибрежных государств за возможные последствия². Позиция Ирана заключалась также в том, чтобы отменить все эксклюзивные деления прибрежного водного пространства с тем, чтобы большая часть моря, являющегося общим достоянием всех прибрежных государств, могла бы использоваться на основе равноправного кондоминиума. Тем не менее, Иран готов был пойти на переговоры о юридическом режиме, основанном на разделе моря на сектора. Но для такого деления Каспия следует использовать следующие критерии:

1. Принцип единогласия при принятии любых соглашений.

¹ Там же. С.63.

² Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Правовой статус Каспия: основные тенденции / Геополитика Каспийского региона. М., 2003, С.97.

2. Принцип равных прав прибрежных государств во всех вопросах - от суверенитета до использования морских ресурсов, ресурсов дна и недр.

3. Установление только одного юридического режима, который должен распространяться на все море.

4. Заключение всеми государствами соглашения по поводу беспрепятственного недискриминационного прохода судов.

5. Объявление Каспийского моря демилитаризованной зоной и использоваться только в мирных целях.

6. Приоритет должен быть отдан охране окружающей среды Каспия и принятию соответствующих мер¹.

Со временем стало очевидно, что и Россия постепенно сдает свои позиции на Каспии, проигрывая соревнование крупным западным корпорациям. России так и не удалось заблокировать дележ Каспия и его ресурсов "де-факто".

Помимо собственно неясности со статусом Каспия и сопутствующей борьбы за дележ его ресурсов, перед Россией весьма остро встали проблемы, связанные с безопасностью ее южных рубежей. Дагестан, Калмыкия и Астраханская область – субъекты Российской Федерации, имевшие выход к побережью Каспийского моря, фактически превратились в приграничные территории. Свою роль сыграл и фактор Ичкерии. Эта сепаратистская республика находилась на одном из важных транзитных маршрутов транспортировки каспийской нефти и пыталась в 1999 году осуществить экспансию на побережье. Для сохранения влияния России в регионе было решено изменить политику, сместить прежние акценты.

Еще всего в июне 1996 г. при Министерстве иностранных дел Российской Федерации была сформирована рабочая группа по Каспийскому морю. В ее задачи входила выработка предложений по вопросам правового статуса Каспия, режима эксплуатации его био- и минеральных ресурсов. Группа занималась также проблемами, связанными с транспортировкой каспийской нефти. Под руководством министерства иностранных дел Е. Примакова российская дипломатия выдвинула компромиссный план, суть которого сводилась к признанию национальной юрисдикции каждого из пяти прикаспийских государств не только за их прибрежными зонами шириной до 45 миль, но в отношении тех месторождений, которые располагались за согласованными пределами данных зон, если добыча углеводородов на этих месторождениях уже велась или должна была скоро начаться. Однако это предложение осталось нереализованным².

Москва также распространила 23 января 1998 г. заявление о намерении согласиться с позицией некоторых прикаспийских государств-членов СНГ о разделе всего дна моря на национальные сектора по "срединной" линии. 6 июля 1998 г. было подписано Соглашение между Россией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспия в целях

¹ Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. М., 1999. С.395-396

² Иран и проблема Каспия / Иран в современном мире. Под ред. Кожокина. М., 2003г., С.67

осуществления суверенных прав на недропользование. Казахстанский сектор Каспийского моря стал составлять 29,95 % или 113,5 тыс. кв. км., при протяженности береговой линии 2 тыс. км.

В апреле 2000 г. решением Совета Безопасности России была создана координационная группа при МИД РФ для решения прикаспийских проблем, а в правительстве появилась должность представителя президента по проблемам Каспия.

В январе 2001 г. во время официального визита в Баку президента России был подписан документ о намерении разграничить российский и азербайджанский сектора Каспийского моря. Азербайджанский сектор Каспийского моря составил 20,97 % , или 78,8 тыс. кв. км, при протяженности береговой линии 880 км.

Российский сектор после улаживания вопросов разграничения с двумя соседними с Россией государствами составил 16,97 % или 63,43 тыс. кв. км, при протяженности береговой линии 1250 км. При аналогичном подходе Туркменский сектор составил 20,69 % или 78,4 тыс. кв. км, при протяженности береговой линии 1080 км. Иранский сектор оставался бы наименьшим (11,42%), так как Ирану принадлежит лишь 13 % береговой линии Каспия (около 900км)¹.

Однако руководство России вовсе не стремилось открыто портить отношения с Тегераном из-за каспийской проблемы. Во время официального визита в Москву президента Ирана 12 марта 2001 г. было подписано весьма интересное совместное заявление Российской Федерацией и Исламской Республики Иран по правовому статусу Каспийского моря. В нем говорилось, что до усовершенствования правового режима Каспия стороны официально не признают никаких границ на море, а все новые решения и договоренности будут иметь силу только в случае, если будут приняты с общего согласия всех приграничных государств. В заявлении имелась также ссылка на договоры от 1921 и 1940 гг., которые признавались действительными в качестве правовой основы. Тем не менее российская позиция явно эволюционировала в сторону раздела моря на сектора.

Изменение позиции России было связано и с тем, что с приходом в Кремль президента В. Путина значительно улучшились отношения между Россией и США, а также между Россией и Западной Европой. В частности, в 2002 г. стал активно дискутироваться вопрос о возможности поставок российской нефти на рынок Соединенных Штатов

В целом с приходом нового президента каспийская политика России стала более прагматичной, учитывающей интересы крупного российского капитала. Российская дипломатия предложила сопредельным государствам (прежде всего Казахстану) осваивать спорные месторождения на Каспии совместно, используя принцип "50 на 50".

В Иране же новое тысячелетие началось с попытки усилить давление на некоторые прикаспийские государства. Более опасный конфликт Ирана с Азербайджаном развернулся из-за шельфового месторождения Араз-Алов-Шарг (в иранской версии - Алборз).

¹ Там же. С.68-69.

И все же после визита заместителя иностранных дел Ирана Али Ахани в Баку в августе 2001 г. конфликт удалось погасить. Однако 11 марта 2002 г. произошел новый инцидент. Тегеран не позволит другим государствам вести какие-либо работы в секторе площадью в 20 % акватории Каспия, на который претендует Иран исходя из принципа равного деления.

Визит же в середине декабря 2001 г. в Баку иранского представителя по вопросам Каспия М. Сафари в очередной раз не привел к сближению позиций сторон.

Россия пыталась сблизить противоположные позиции в определении правового статуса Каспия, состоящие в подходах "кондоминиум – раздел на сектора". Этому была, в частности, посвящена международная конференция "Каспий: правовые проблемы", состоявшаяся 26-27 февраля 2002 г. в Москве. На этой конференции прозвучало мнение, что методика разграничения по срединной модифицированной линии в принципе позволяет скорректировать сектора на Каспии с учетом интересов тех государств, "по отношению к которым природа оказалась менее щедрой". Очевидно, что под этим понимались возможные отдельные уступки именно Ирану, но его представитель отстаивал на конференции прежнюю позицию.

Весной 2002 г. в Москве и Баку побывал министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази, иранцы выражали недовольство давлением со стороны России. А ряд чиновников и политиков Ирана сделали заявления, которые сводились к тому, что Тегеран не должен отступать от своих требований.

В Ашхабаде 23-24 апреля 2002 г. состоялся первый саммит глав прикаспийских государств, который до этого неоднократно откладывался по самым разным причинам. Предполагалось, что в результате стороны подпишут итоговый документ – декларацию. Однако вопреки ожиданиям сторонам не удалось подписать ни одного договора о разделе морских ресурсов. Иран занял непримиримую позицию, посчитав себя обойденным. Не помогло даже предложение президента России провести следующий саммит прикаспийских государств в Тегеране.

Участники саммита так и не смогли определиться в том, какой юридический подход считать главным. Одни настаивали, что компромисс возможен на пути заключения двусторонних договоренностей, а уже достигнув здесь.

Хатами подчеркнул, что принципиальная политика Ирана в отношении Каспийского моря опирается на всестороннее сотрудничество, взаимное доверие, долгосрочный и стабильный мир, использование морских богатств с учетом интересов прибрежных государств. Он еще раз напомнил, что договоры, подписанные между Ираном и РСФСР в 1921 г., Ираном и СССР в 1940 г., являясь единственными юридическими документами, служат хорошей основой для усовершенствования правового статуса Каспийского моря с учетом новых реалий. По мнению иранской стороны, прибрежные страны должны избегать односторонней деятельности, а вопросы, связанные с правовым статусом моря, должны решаться путем переговоров в духе взаимопонимания и конструктивности. Президент Ирана заявил, что его страна, уважая суверенитет и независимость прибрежных государств, будет считать действительными связанные с Каспием другие

соглашения лишь в том случае, если они соответствуют консенсусному решению всех прикаспийских государств. Поэтому иранская сторона призывает прикаспийские страны до установления правового статуса Каспия воздержаться от деятельности на 20 %-ном участке, который она считает своей минимальной долей по недрам и поверхности моря¹.

В конце апреля иранская газета "Tehran Times" подвергла критике позицию России, назвав ее политической ошибкой. В то же время Иран не затягивал проведение саммита, чтобы не давать лишний раз повода для упреков в свой адрес.

После отъезда из Ашхабада президент России провел 24-27 апреля совещание в Астрахани. Путин отметил, что некоторые партнеры на этой встрече оказались "слабыми переговорщиками".

В середине мая 2002 г. Россия и Казахстан подписали ряд протоколов к Соглашению от 1998 г. о разграничении секторов этих государств. Речь шла не только о так называемой срединной модифицированной линии, но и о принципах недропользования при разработке конкретных месторождений.

В июле 2002 г. в Тегеране состоялись азербайджано-иранские переговоры по определению международно-правового статуса Каспия. Эти переговоры не увенчались успехом. Иран предъявил территориальные претензии в отношении ряда месторождений Азербайджана, разведанных британской компанией. Иран настаивает на выделении ему не менее 20% Каспия, в то время как азербайджанская сторона даже предлагала Тегерану совместную разработку месторождений в этом регионе. Напомним, что с точки зрения Тегерана спорными являются месторождения Араз, Алов, Шарг.

В сентябре 2002 г. в Москве было подписано Соглашение между Россией и Азербайджаном о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря. Тем самым 3 прикаспийских государства – Россия, Азербайджан, и Казахстан – согласились разделить дно Каспийского моря, а водную поверхность оставить в общем пользовании. Российская дипломатия при этом исходит из того, что следует решать неотложные вопросы, связанные с биосферой, природопользованием, рыболовством, судоходством, не дожидаясь окончательного решения основной проблемы – определения правового статуса Каспия всеми прикаспийскими государствами. В сентябре в СМИ появились сообщения о том, что президент Туркменистана на встрече с российским министром энергетики И. Юсуфовым якобы предложил Москве договариваться по Каспию без Ирана, который упорствует в своей позиции.

Специальный представитель президента Ирана по Каспию, бывший посол ИРИ в РФ Мехди Сафари утверждает, что проблему Каспийского моря надо решать по принципу кондоминиума и что двусторонние соглашения лишь замедляют общее решение проблем региона. При этом кондоминиум предусматривает совместное использование природных ресурсов.

Иранцы пытались также предлагать свой вариант оформления срединной модифицированной линии, согласно которому по обе ее стороны устанавливалась бы 10-

¹ Иран и проблема Каспия / Иран в современном мире. Под ред. Кожокина. М., 2003. С.72-75

мильная зона, охватывающая не только толщу воды, но и дно моря, предназначенная для свободного судоходства и общей хозяйственной деятельности. Это предложение не было поддержано другими прикаспийскими странами.

По мнению Баку, претензии иранской стороны на 20 % Каспийского моря противоречат нормам и принципам международного права, подрывают позитивные тенденции, которые наметились в вопросе оформления правового статуса Каспия, и имеют целью спровоцировать конфликт, аналогичный азербайджанско-туркменскому. В ответ на заявление Азербайджана иранская сторона сообщила: статус Каспия до сих пор не определен и ИРИ действует на основании подписанного между Ираном и СССР в 1921 г. соглашения.

В настоящее время активность нефтедобывающих компаний в иранском секторе Каспийского моря не столь высокая, как в секторах других прикаспийских государств.

Правда надо отметить, Иран принимает активное участие в программах по экологическому оздоровлению Каспия, что является крайне важным для всех прибрежных государств, в ситуации неопределенности статуса Каспия и связанных с этим проблем, возникает много экологических проблем.

Нельзя забывать, что Каспийское море представляет собой уникальный природный объект и единый экологический комплекс, значительные участки северной части Каспия, прилегающие к российским берегам, являются заповедными зонами, имеющими большое значение для сохранения и воспроизводства биологических ресурсов. Каспий содержит мировой генофонд каспийской белуги, севрюги, шипа, почти 90% мировых запасов осетровых. По мнению некоторых наблюдателей, «экспортная ценность биоресурсов Каспия соизмеримо с поступлением средств от экспорта каспийской нефти, а сам этот экспорт не требует сложных инфраструктур огромных капиталовложений».

В Каспийском море водятся 12 видов рыб и 156 подвидов из 17 семейств. Рыбные ресурсы Каспия оцениваются в 2,9 млн. т. На Каспии обитают уникальные каспийские тюлени, численность которых составляет 450-500 тыс. особей. Беспозвоночные животные, населяющие Каспий, представлены 6725 видами. Береговая флора насчитывает 357 видов высших растений из 185 родов и 35 семейств. Каспийский фитопланктон включает 449 видов и разновидностей, его продуктивность оценивается в 2-2,2 млрд. т биомассы в год.

Между тем даже 10 г нефти в 1 куб. м воды являются губительными для икры рыб. Тонна нефти загрязняет 12 кв. км моря, вызывая гибель птиц, рыб, а иногда и людей, которые питаются рыбой. Это непосредственно затрагивает интересы Дагестана, Астраханской области, Калмыкии¹.

По расчетам американских ученых, прикаспийские государства только из-за потери осетрового промысла в будущем будут терять ежегодно около 6 млрд. дол. За последние годы экологическая ситуация на Каспии резко ухудшилась. В частности, произошла массовая гибель тюленей, вдвое уменьшилась численность промысловой кильки-основного питания осетровых.

¹Иран и проблема Каспия / Иран в современном мире. Под ред. Кожокина. М., 2003. С.80-81.

В заключение стоит отметить еще один сюжет. 24 июля 2003 г. была организована пятисторонняя встреча представителей специальной рабочей группы по выработке конвенции о правовом статусе Каспийского моря. По итогам нынешнего Московского заседания эксперты говорят о возможном прорыве в решении проблемы. Дело в том, что Иран теперь готов конструктивно сотрудничать с другими прикаспийскими странами. Как известно Иран настаивал на разделе дна, толщи, поверхности на равные национальные сектора. Но в последние месяцы Иран и Россия заявили о готовности к определенным компромиссам. В свою очередь Виктор Калужный (спецпредставитель РФ по Каспию) подчеркнул, что Россия предлагает Ирану «думать не о процентах, а о ресурсах».

Министр иностранных дел РФ Игорь Иванов заявил, что российская сторона предлагает создать 15-мильную прибрежную зону, подлежащую национальной юрисдикции, в которой каждое из государств имело исключительное право на рыболовство. А остальную акваторию Россия предлагает сделать общей для всех. Также Игорь Иванов предложил обсудить в следующий раз проблему Каспия уже на уровне глав внешнеполитических ведомств.

Таким образом, несмотря на существование различных экономических, политических и иных интересов по вопросу ресурсов Каспия между региональными державами, ТНК, сверхдержавами, международными организациями, затягивание в определении правового статуса Каспия перестает отвечать интересам всех «игроков» этого процесса. Приоритетными в определении статуса Каспия должен быть баланс интересов прикаспийских стран. Это обусловит благоприятное развитие отношений между Ираном и Россией, которые всегда останутся прежде всего стратегическими партнерами.

А.К. Дегтярев

Образ Ирана в системе идеологических координат национализма

Рационализация российской внешней политики, отступление, дает повод к «достаточным» рубежам. Во-первых, в какой степени принцип экономической целесообразности, адекватности внешнеполитических приоритетов уровню экономического развития государства отвечает национальным интересам? Во-вторых, может ли политика быть свободной от идеологических конструктов и смыслов? И, наконец, не означает ли провозглашенный тезис просто констатацию факта, что Россия необратимо становится «периферийной», находящейся вне мирового ядра страной?

Российско-иранские отношения представляют фокус проблем, накопившихся во внешнеполитической деятельности. Затянувшийся спор с Соединенными Штатами об иранской программе атомной энергетики были бы интересны узкому кругу экспертов, если бы не выявили амбивалентность политических притязаний и неясность геополитических перспектив. Кажется, попытка сыграть в чисто экономические интересы терпит крах из-за стремления американских партнеров заморозить российско-иранские контакты. Это нечто большее, чем желание отодвинуть Россию на вторую роль сходной

сделкой по строительству атомной электростанции в Бушере. Российское высшее руководство сформулировало основную цель – интеграцию в цивилизованный (североатлантический) мир, но за рассуждением о европейском векторе, о вступлении в глобальные политические структуры проглядывают определенные идеологические измерения. С позиции глобализма Иран не соответствует критериям демократии, открытого общества, не входит в группу государств с рыночной экономикой и подозревается в «пособничестве» мировому терроризму. Для российских либералов Иран выпадает из системы современного мирового порядка, и Россия обязана исполнять американские рецепты по «блокаде», давлению или даже конфронтации с радикальным исламским режимом. Есть, однако, веские возражения против безупречной приверженности идеалам глобализма. Реально Иран принадлежит к тем немногим странам, с которыми Россию не разделяют территориальные, идеологические, экономические и культурно-исторические барьеры. Более напряженно складываются отношения с Азербайджаном и Грузией, взявшими курс на сотрудничество с США в постсоветском пространстве. Большинство россиян считает Иран «дружественной страной» или дает «нейтральные оценки». Казалось бы, наличие потенциала сотрудничества и позитивное общественное мнение предвещает российско-иранским отношениям долгую и безоблачную жизнь. В действительности российская политическая элита приняла дух «граждан мира», как писал российский философ А. Панарин [1, с.482], или воспринимает исламское общество через призму «конфликта цивилизаций», словно забывая о существовании 98 млн. российских граждан-мусульман и о пассивности исламского режима в Иране. Что может быть альтернативой либеральной конструкции одномерного порядка, Рах Атегесана, есть ли в российском обществе идеологическое обоснование политики национальных интересов?

Зарубежные комментаторы недавних думских выборов поспешили заявить об «успехе националов». Нам кажется, что подобные утверждения рождены из теории стигматизации или «арсенала» бывшей советологии. Политический «штаб» Вл. Жириновского, перфоманс и релятивизм Дм. Рогозина позволяет говорить о склонности к эксплуатации социально-протестных настроений, замещении реальных проблем социального неравенства и социальной деградации «историцизмом» и постмодернистской имитацией, но ни один не может быть замечен в последовательном отстаивании «национально интегрированного» государства или «особого пути» России. От того, что отмеченные политики играют в консерватизм и гипертрофируют национальную ущемленность миллионов российских граждан, национализм не перестал быть идеологическим аутсайдером, интеллектуальным занятием интеллигенции и маргинальной радикальной молодежи. Однако, волна не только «бытового», «массового» национализма характеризует поворот российского общества от «общечеловеческих ценностей» к самоидентификации и определению «других». В иранско-российских отношениях отсутствует история «господства – подчинения»: ни одна из сторон не претендует на особые исторические «узы» и не выступает лидером, что свойственно диалогу Россия – США. Более того, Иран очаровывает перспективой «третьего пути»,

антиглобальным реализмом и уходом от изъянов зависимости, транснационализации. В пылу идейного родства как-то забывается, что «иранский» путь исходит из иных принципов, «светской теократии» и опоры на собственные силы. Общество, пережившую не «догоняющую» модернизацию, осуществило по канонам теории современности рывок в прошлое, что близко желанию националистов вернуться к «московской Руси», по крайней мере, в системе политического устройства и нравственного состояния общества. Иными словами, националисты оценивают отношения с Ираном, как уникальную возможность «вызвать» интерес национально ориентированных слоев общества к жизни по стандартам традиционности. Внешнеполитическое кредо национализма выражается в семантическом партикуляризме, взаимодействии ради суверенности наций. Геополитические притязания национализма, как я уже писал, «продольны», медианны, ограничиваются «разломами», Иран никогда не являлся «Палестиной», в нем нет «исторически влекущего», что вызывает ассоциации с Киевом и Царьградом. По соображениям логики «исторического основания» оговаривается внешний союз государств, одобрения заслуживает наведение мостов с Востоком, антигегемонизм, аналогия «многополярности».

Известный американский исследователь Э. Смит отмечает «потребность в романтизме», так присущих национализму в отсталых странах [2, с.108]. Возможно, русский национализм при всей ярости критики «комирдорского», «периферийного» капитализма так и не сформулировал конкурентоспособной программы экономического возрождения. Не будучи уверенным в своих силах осуществить мобилизационный процесс, использует «политический фольклор» града Китеша, то есть соединяет неэффективный опыт самодостаточного развития и восстановления социальной справедливости. Реинтерпретация основных положений «исламской революции» на языке «православной цивилизации» проистекает из антиглобализма, универсализма православных принципов и исторической негативной диалектики. Расхождение обнаруживается в деталях: исламский историзм, и в этом его основное отличие от национализма, надэтничен, апеллирует к «умме», экстерриториальной, духовно гомогенной общности. Национализму каждый раз приходится решать сложнейшую проблему «интеграции чужих», выбирать между «национальной гомогенностью» и «национальным государством». Иран – полиэтническое государство (персы, азербайджанцы, курды, белуджи), где действует конфессиональный принцип и культурно-языковые различия, включающие идентичность замещаются делением «мусульмане – не мусульмане». Национализм несет «грех атеизма», как бы не говорили о православном государстве (С. Бабурин), и в лучшем случае возникает призрак «византийства» с «огосударствлением» церкви. В интенциях националистов есть «соборность», понимаемая, как «корпоративное государство», иранское общество настроено на «презумпции веры», высшем авторитете исламского духовенства. Секуляризованность национализма, его «брак» с модернизацией привлек последнего шаха Реза Пехлеви, но проект «великого Ирана» с доисламской мифологией и гедонистической эмансипацией современности обрушился под натиском «базара», традиционного общества,

политического патриархата. Я склонен считать, что реконструкция Ирана является поводом к размышлениям о русской национальной революции, идея которой вынашивается представителями новых националистов (М. Калашников).

Р. Генон указывает на «смутность» западного традиционализма (читай национализма) при столкновении с Примордиальной традицией Востока [3, с. 29]. Он критически отзывается о способностях националистов вернуть состояние сверхрациональной мудрости и эзотерической жизни.

Национализм является «отпрыском» профанной философии и профанных целей обретения «одиноким» человеком общественного инстинкта. Умма, и в этом можно согласиться с Э. Геллнером, обходится без государства, вернее государство представляет вынужденный компромисс традиционного общества с глобальным порядком.

Для русских националистов государство «сакрально», что приводит к конформизму, уклонению от гражданской оппозиции диктатуре бюрократии. В Иране исламские ассоциации контролируют государственные институты, вмешиваются в их деятельность при подозрении в отступничестве, светской ереси. Националисты демонстрируют готовность стать политической элитой, взять на себя ответственность в национально-государственном строительстве. Образ Ирана содержит коннотацию «обретенного смысла», успешности Уммы как альтернативы западному гражданскому обществу, но никто из националистов не решится объявить Джихад светскому государству. Поле битвы переместится в сферу идей, проективности, мифотворчества. В идеологии, подчеркивал К. Мангейм, есть тоска по коллективизму в дифференцированном обществе [4, с. 60] и, конечно, интегрированное иранское общество ближе к идеалу националистов, чем крайне атомизированная социальная среда. Онтология политического сходства не является причиной воспроизведения иранского опыта на российской почве. Русским националистам ближе искания Ле Пэна, Фрая, Хайдера, так как в их представлении выгодно проявлять европейскую «христианскую солидарность», неоконсерватизм. Иран – «естественный» союзник в сохранении мира «наций» и замечателен своей причастностью к «Востоку», отказом быть «пешкой» в играх на политический шахматной доске. (З. Бжезинский).

Утверждение, что Иран не выступает «дирижером» в мировом антиглобалистском движении из-за конфликта с правозащитниками и феминистками односторонне. Антиглобализм является по идеологическим основам постмодернистским римейком идеологии Просвещения, шиистский интегрзм с принципом «таухад» направлен на созидание «программы общества», где знания и технологии подчинены сакральной традиции имамата. Русские националисты также испытывают отчуждение к проекту «альтернативной глобализации», но по конфессиональным и «нациецентристским» основаниям не могут принять позиции борьбы с «миром тьмы». Интересно, что иранское общество исповедует «оборонительный» ислам, что объяснимо поражением в борьбе за лидерство в мировой Умме. Как бы то ни было, к Ирану нельзя выразить претензии в насаждении фундаментализма или поощрения антирусских настроений в районах компактного проживания мусульман. Политика «дружественного нейтралитета»

направлена на то, что Россию и Иран больше сближает, чем разъединяет, формирует позитивную дискриминацию по отношению к южному соседу.

В геополитическом сценарии национализма Иран квалифицируется как «потенциальный союзник», целенаправленно конструируется привязанность к географической карте, обозначаются рубежи «выживания» русской нации. Можно предположить, что перспектива потери территории за Уралом в обозримом будущем, заставляет задуматься о границах со Степью, исламским миром. Такая политическая проективность основана на ощущении «безысходности», которой отмечен современный русский национализм. Чувство «близости» с судьбой Ирана усиливается по мере того, как националисты ощущают русских «народом в осажденной крепости», антагонистическая рефлексия свойственна и шиитам, которые являются «меньшинством», «чужими среди своих» в исламской Умме.

Наиболее емко эту негативную идентичность выразил философ А. Панарин, разделив «ойкуменическую миссию Православия» и национально-освободительные цели ислама [1, с. 220]. И здесь становится очевидным, что русский национализм «заблокирован» идеей мессианства: являясь приверженцами модернизации, строительства национального государства, теоретики национализма попали в ловушку «мироспасительной миссии», четвертого Рима. Если принять, что Кум так и не стал Меккой, иранский опыт обретает позитивный смысл. В начале 80-х годов духовное руководство страны решило принять «добровольный изоляционизм», сместило вектор внешнеполитической стабильности для «внутреннего обустройства». Русский национализм, напротив, так и не осознал факта «потери Империи», остался жить представлениями о «славянском историцизме».

Между тем российское государство постоянно трансформируется в «господство ограниченного суверенитета», который по определению немецкого исследователя У. Бека не в состоянии предотвратить шок национализации, когда фактически сталкиваются представления о правах граждан, национальном принуждении и национальной символике в пределах суверенного политического пространства [5, с. 34]. Безусловно, националистов привлекает независимая политика, которую исповедует государство с относительно скромным экономическим и внешним потенциалом. Россия, по убеждению А. Проханов, пала жертвой Заговора, не хватает сильной политики воли, национально ориентированной элиты. Современная история Ирана убеждает в ином: общество должно быть готово к неизбежным ограничениям в гедонистических ориентациях, чтобы явить приверженность идеалам независимости. Большинство россиян озабочены «бедностью», «низкими зарплатами», что сближает нас с латиноамериканским обществом, где существует «национализм бедных», замешанный на зависимости и ненависти к богатому Северу и одновременно культивируется «материальный успех», мечта стать «гражданином цивилизованного государства».

Парадоксально, но, отринув традиции доисламского прошлого периода, иранское общество показывает верность «сакральной традиции», что нельзя безоговорочно сказать об обществах органической модернизации (Таиланд, Япония). Идеократия национализма

(В. Кожин) основана на исключении гражданского общества, хотя Э. Геллнер намекает на обусловленность этничности возникновением модульного человека, личности достижительного типа [6, с. 135]. Именно «воображаемая идентичность» национализма ориентирует адептов на поиск эмпирических доводов (аргументов) в пользу платоновского государства «мудрецов». В иранском обществе духовный авторитет проистекает не из «высокой культуры», а принятия традиции «мученичества». Светская жизнь, и здесь чувствуется влияние манхейства, определена быть несовершенной, верующий обязан не допустить триумфа «Зла». Политика запрета на роскошь и растление отвечает запросам общества, избравшего путь «мирской аскезы». Русский национализм огорчен упадком духовности, и помыслы направлены на «нейзанизацию», возвращение к истокам крестьянской общины. Иранская революция опиралась на «мелкую буржуазию» и средние городские слои, которые предпочли материальному комфорту умеренность, солидарность умы. Метания национализма между «евразийской идентичностью» и стремлением к европейскому «националистическому интернационализму» вскрывает нетерпение грядущего возрождения, интерес в поколениях умеющих «любить и верить». Твердая вера в возрождение, о которой страстно писал И. Ильин [7, с. 333], подразумевает опору в трансцендентальной или эмпирической модели. Сами того не подозревая, иранцы представляются людьми «сакрального знания», не отягощенными предубеждениями, «культурой исключительности», в чем часто обвиняются европейцы.

Открытым остается вопрос о том, как интегрировать опыт строительства «традиционного общества» в российскую действительность, как защитить духовную субстанцию перед властью денег, объявить крестовый поход «вестернизации» или терпеливо дожидаться регенерации элит, возникновения национального консенсуса относительно путей стратегии развития России. К. Поппер, приложивший немало усилий для разоблачения «историцизма», призывает к «практической политике», попытке «сделать добро в этом мире» [8, с. 316]. Иранский народ избрал путь «закрытого общества», который с точки зрения идеологии либерализма бесперспективен.

Современный глобализируемый мир может приближаться к неуправляемому порядку, если исчезают нормы комплементарности и уважения национального суверенитета. Национализм безупречен в критике модели глобализации и уязвим, как «альтернатива» миросистемности (И. Валлерстайн). Вероятно, исчерпав исторические аргументы, можно обратиться к геополитике, последнему прибежищу национализма, и сразу национализм принимает образ уютного национального дома, доместицирует образ во многом незнакомой страны. Конечно, гностические аргументы рационализируют «дорациональные» установки на исторический возраст и медиаторность русской цивилизации. Провозглашенная в российской политике концепция прагматизма, деидеологизации в реальности страдает «виной за имперское прошлое», комплексом «ученичества» и чем больше продлится период имитации и сдачи позиции, тем большую популярность обретают идеи внешнеполитического экспансионизма. Иранско-российские отношения представляют тот редкий пример коммуникативной рациональности, когда государства, преследуя различные политические цели, уверены в соблюдении забытых

принципов «неприсоединения». Воображаемый Иран национализма – проекция на кризисное общество ожиданий интегрированности и профетизма. Иран в системе национальных интересов России – союзник по экономическим, политическим, геополитическим параметрам. Традиционные стратификационные идеологии (либерализм, национализм, марксизм) содержат программу утверждающих действий [9, с. 156]. Современный мир не податлив социально-структурным объяснениям и задача внешней политики – выстроить модели взаимодействия с государствами, обретающими статус участников реляционистских конфигураций. Русский национализм так и не превратился в новое общественное движение, в реализацию «нации без государства», что является для нас свидетельством архаичности российской политики, доминирования инсценировок и идеологической бессубъектности.

Примечания

1. Панарин А.С. Православная цивилизация. М., 2002.
2. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2003.
3. Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
5. Бек У. Что такое глобализация? М., 1995.
6. Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995.
7. Ильин И. О грядущей России. Джорджтаун, 1992.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.

Ю.Л. Дургарян

Армяно-иранские отношения и разрешение карабахского конфликта

Армения и Иран – древнейшие страны Востока, судьбы которых не раз переплетались в ходе истории, причем зачастую весьма драматичным образом. Современный Иран является одним из приоритетных направлений внешней политики Республики Армения. Состояние и тенденции развития отношений двух стран, прежде всего, заставляют сомневаться в справедливости расхожих суждений о непримиримом антагонизме христианской и мусульманской цивилизаций. Несколько иначе воспринимается и образ террористического государства, который прочно закрепился за Ираном во многих странах Запада. Министр иностранных дел РА Ваган Папазян отмечал по этому поводу: «Мне приходилось слышать упреки в том, что в Армении «закрывают глаза» на международную репутацию Ирана, но на наших двусторонних отношениях никогда не сказывались проблемы «фундаментализма».

Необходимо отметить также, что современный Иран в каком-то смысле представляет собой достаточно уникальное явление. Это единственная страна, на практике доказавшая,

что она может выжить, сохранить свою самобытность и контроль над собственными природными ресурсами в условиях беспрецедентного многолетнего давления со стороны Соединенных Штатов и их западных и восточных союзников. Внутри- и внешнеполитический курс Ирана действительно независим от вмешательства извне.

Отношения между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран получили широкое развитие вследствие неблагоприятной внешнеполитической обстановки, сложившейся с распадом Союза ССР и обретения бывшими закавказскими союзными республиками государственной независимости. Существует мнение, что иранское руководство не было в восторге от распада СССР. Поэтому Тегеран признал новые независимые государства лишь после выяснения мнения Москвы.

Армения оказалась лишенной выходов во внешний мир. Большую часть границы Республики Армения составляют рубежи с Азербайджаном и Турцией, т. е. с государствами, занявшими во многом сходную позицию по изоляции Армении от остального мира. Граница с Грузией также не могла рассматриваться в качестве реального «окна», так как эта республика вскоре оказалась втянутой в долгую череду ожесточенных гражданских и межнациональных конфликтов. Единственным надежным выходом во внешний мир, таким образом, явился небольшой участок сухопутной границы с Исламской Республикой Иран в районе г. Мегри. Этот район Армении, приобретая большую важность в качестве коммуникационного коридора, тем не менее, не мог полностью обеспечить должное функционирование армяно-иранских связей: отсутствовала необходимая инфраструктура для подобных отношений. Единственная железная дорога проходила из Еревана далее в Азербайджан через Нахичевань, где был расположен и пограничный пункт - Джульфа, обеспечивавший железнодорожную связь Закавказья с Ираном. В условиях резкой конфронтации Еревана и Баку этот железнодорожный путь оказался для Армении потерянным. В районе армяно-иранской границы не было и современных шоссейных дорог. Эти обстоятельства еще более усложняли и без того непростую ситуацию. Поэтому армяно-иранские контакты значительно расширились после открытия 26 декабря 1995 г. автомобильного моста через пограничную реку Араке. Возведение моста длиной 192 м. длилось три года. Тем временем на Араксе действовала временная понтонная переправа. Строительство обошлось почти в 2,46 млн. дол., причем 900 тыс. дол. предоставила иранская сторона. Мост дает возможность выхода на торговые пути Ближнего и Среднего Востока.

Иран достаточно сдержанно развивал отношения с Республикой Армения. 9 февраля 1992 г. в Тегеране министрами иностранных дел Армении и Ирана было подписано соглашение, по которому стороны договорились обмениваться посольствами. Иран также дал согласие на поставки природного газа в Армению, предложил сотрудничество в строительстве нефтеперерабатывающего завода и обговорил право транзита иранских товаров через территорию Армении.

Стоит отметить активное участие Ирана в попытках урегулировать карабахский конфликт в 1992 г., что было высоко оценено президентом Армении Л. Тер-Петросяном. «Первым шагом» Ирана на пути урегулирования карабахского конфликта назвал свое

пребывание в Баку министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти, находившийся в феврале 1992 г. в регионе по приглашению руководства Азербайджана и Армении. «Проблема Карабаха должна решаться только мирным путем, за столом переговоров, и Иран готов взять на себя посреднические обязательства в прекращении этой кровопролитной войны, продолжение которой не нужно никому». Об этом заявил глава МИД ИРИ на пресс-конференции, состоявшейся после его беседы с президентом Азербайджанской Республики Аязом Муталибовым. Иранская сторона предложила ряд действенных, конкретных проектов и мер по стабилизации обстановки в регионе. «Чтобы их реализовать, нужно согласие обеих конфликтующих сторон, и мы рассчитываем на их добрую волю», - подчеркнул министр. Он опроверг слухи, появившиеся в ряде зарубежных и российских средств массовой информации, что в боевых действиях в Карабахе на стороне Азербайджана якобы сражались иранские наемники.

Прибыв в Ереван, Али Акбар Велаяти провел переговоры со своим армянским коллегой Раффи Ованесяном. Армянская сторона изложила свои подходы по разрешению карабахского кризиса, высоко оценила посреднические усилия Ирана по поиску путей политического урегулирования этой проблемы. По словам пресс-секретаря МИД Армении, иранский гость выразил сожаление, что не смог посетить НКР, подчеркнул, что посредническая инициатива Ирана является миссией доброй воли и учитывает интересы всех заинтересованных сторон. С учетом того, что министр иностранных дел Армении Р. Ованесян направлялся в Нью-Йорк для участия <в сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой республика должна была быть принята в международное сообщество, глава внешнеполитического ведомства Ирана выразил готовность оказать содействие посланцам Армении в начальный период ее присутствия в ООН. Состоялась также встреча А. А. Велаяти с вице-президентом Армении, главой правительства республики Гагиком Арутюняном, на которой обсуждались вопросы политического и экономического сотрудничества между двумя странами. Али Акбар Велаяти встретился с депутатами Верховного Совета республики, председателями различных партий и общественных организаций. Высокого гостя приняли также президент Армении Л. Тер-Петросян и председатель Верховного Совета Бабкен Аракцян. Они дали высокую оценку стремлению Ирана содействовать политическому решению карабахского конфликта. Иранскому министру была разъяснена позиция Армении в этом вопросе, заключающаяся в том, что Армения не имеет территориальных претензий к Азербайджану и ее устраивает любое решение, устраивающее самих карабахцев. В свою очередь Али Акбар Велаяти отметил, что Иран заинтересован в установлении дружественных отношений между Арменией и Азербайджаном и намерен сам установить с этими государствами такие же отношения.

На пресс-конференции по итогам этого визита президент Армении Л. Тер-Петросян напомнил, что Иран был среди первых стран, признавших независимость Армении, и заявил, что он приветствует миротворческую миссию Ирана, его заинтересованность в восстановлении мира в регионе и готовность к посредничеству в поисках мирного политического решения карабахской проблемы.

В свою очередь Али Акбар Велаяти назвал очень ценными, содержательными и полезными проведенные переговоры с армянским руководством. Касаясь миротворческой миссии Ирана по урегулированию карабахского конфликта, министр отметил, что цель этой миссии - создать условия для «преодоления трудностей» во взаимоотношениях между Арменией и Азербайджаном. Велаяти выразил мнение, что стороны придут к согласию, и будут искать пути к мирному решению проблемы. Свои визиты в Баку и Ереван он назвал «первым шагом, который должен быть продолжен».

В середине марта 1992 г. заместитель министра иностранных дел Ирана Махмуд Ваэзи представил пакет предложений Ирана по урегулированию ситуации в Нагорном Карабахе. Ваэзи совершал поездку в Закавказье в рамках посреднической миротворческой миссии Ирана для проведения переговоров по прекращению огня в регионе. Гостя принял президент Армении Л. Тер-Петросян. М. Ваэзи ознакомил его с предложениями Ирана, которые в целом получили одобрение азербайджанской стороны в ходе переговоров иранского дипломата с руководством этой республики.

Иран выступал за создание, вслед за достижением договоренностей о прекращении огня, возможности контроля за соблюдением договоренностей. Как посредник иранская сторона обязывалась создать во всех горячих точках Карабаха комитеты по контролю, в состав которых предполагалось включить представителей ИРИ.

Со своей стороны, президент Армении Л.Тер-Петросян подчеркнул, что механизм урегулирования конфликта будет действовать лишь в случае достижения договоренностей между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Он вновь напомнил, что Армения не является активной стороной на этих переговорах. Кроме того, сказал он, новые власти Азербайджана, повторяя ошибки прошлого, вместо локализации конфликта стремятся расширить его границы и вовлечь в него Армению. По мнению президента Армении, об этом свидетельствует очередная транспортная блокада Армении, которая не способствует созданию соответствующей атмосферы на многосторонних переговорах и является прямой попыткой давления на Ереван. Согласившись с доводами армянской стороны, иранский дипломат заявил о нецелесообразности обуславливать снятие транспортной блокады Армении ходом переговоров, как это пыталась делать азербайджанская сторона.

В ходе визита заместитель министра иностранных дел Ирана встретился также с главным советником Армении по вопросам национальной безопасности Ашотом Манучаряном. Махмуд Ваэзи провел переговоры и с руководством Нагорного Карабаха. В результате было принято предложение иранской делегации о прекращении огня сроком на неделю. Армянская сторона заявила, что сделает все возможное для соблюдения моратория и недопущения срыва мирных инициатив, выдвинутых Ираном. По мнению карабахских лидеров, необходимо было также в соответствии с иранским вариантом урегулирования в ближайшие дни снять блокаду Нагорного Карабаха. Махмуд Ваэзи заверил, что передаст руководству Азербайджана заявление властей НКР о необходимости признания Нагорного Карабаха полноправной стороной в переговорах.

Между тем вступившее в силу соглашение о прекращении огня, достигнутое противоборствующими сторонами при посредничестве Ирана, неоднократно нарушалось.

Таким образом, участие Ирана в событиях в Закавказье дало основание президенту Армении Л. Тер-Петросяну заявить на IV съезде Армянского общенационального движения, что нормальные взаимоотношения Армении с соседними государствами, прежде всего с Ираном и Турцией, - это краеугольный камень внешней политики республики. Касаясь армяно-иранских отношений, Л. Тер-Петросян подчеркнул, что у обеих стран есть общие политические интересы, и в последнее время отношения между ними развиваются в нормальном и ускоренном русле. «Очень скоро, - отметил Л. Тер-Петросян, - мы почувствуем реальные результаты этих отношений».

Фактически, Иран оказался единственной страной, которая не прекратила своих попыток выполнить роль посредника в карабахском конфликте, организовывать переговоры между Азербайджаном и Арменией. Это в очередной раз продемонстрировало, что Иран способен вести гибкую внешнюю политику в отношении государств Закавказья, не становясь на позиции одной из конфликтующих сторон, развивая при этом деловые отношения со всеми странами.

«Голубая Мечеть» как символ армяно-иранской дружбы

Действующая «Голубая Мечеть» в центре Еревана является символом армяно-иранской дружбы.

Договоренность о реконструкции мечети имеет для иранской стороны особое значение, - считает советник по культуре, руководитель культурного центра Ирана при посольстве Исламской Республики Иран в Республике Армения - Могсен Абуталеби. Иран с благодарностью воспринял договор о реконструкции мечети, подписанный в 1995 г., и в течение последующих 5 лет проводил в мечети ремонтно-восстановительные работы, которые проводились на основе архивных материалов, а строительные материалы изготавливались в Иране по особой технологии. Благотворительный фонд «Боньяд-и Мустазефан ва Джанбазан» финансировал все ремонтные работы.

«Голубая Мечеть» площадью 7000 кв. м. была построена в 1765 г. (1144 г. по персидскому календарю) по приказу Хосейна Али Хана - в то время губернатора города Еревана.

В юго-восточной части мечети находится минарет высотой 24 м., имеется 28 павильонов, библиотека в северной части, основной зал и купол в южной части, и внутренний двор. Периодически в библиотеке проводятся занятия по изучению персидского языка. Это уникальная возможность поближе познакомиться с древней культурой.

«Голубая Мечеть» действовала с первых дней постройки и до начала Первой мировой войны. Говорят, что мечеть сохранилась благодаря гениальному армянскому поэту Егише Чаренцу. Дело в том, что во двор мечети, где по сей день, растет тутовое дерево, нередко заглядывал поэт и, устроившись под ним, пил чай. Во время войны был дан приказ уничтожить все 8 (или 9 мечетей), построенных на территории Армении, и они были уничтожены. Но по предложению Е.Чаренца в единственной мечети, которая

сохранилась до наших дней, устроили склад боеприпасов, что и спасло «Голубую Мечеть» от разрушения.

После второй мировой войны и до 1995 г. на территории мечети располагался музей истории и природы Еревана. В нем хранились и демонстрировались дошедшие до наших дней, а также найденные археологами и представляющие ценность для культуры и истории Армении старинные предметы.

Недавно участники Проекта Летней Школы, собравшиеся в Ереване, в Российско-Армянском (Славянском) государственном университете на международную конференцию по изучению трансформации конфликтов и путей установления мира на Южном Кавказе, побывали в «Голубой Мечети».

Вот первые впечатления представителей различных регионов, впервые побывавших в «Голубой Мечети».

Так, представитель из Грузии - Георгий Масалкин (кандидат философских наук, доцент Батумского государственного университета) в гостевой книге записал: «Как прекрасно и символично то, что в центре Еревана, в мусульманской мечети, гидом служит прекрасная женщина- католичка».

А вот представительница из Абхазии - Далила Пилия (доцент кафедры политологии Абхазского государственного университета) пишет: «Маленький оазис в центре Еревана - «Голубая Мечеть», на первый взгляд удивляет человека. Но стоит войти во двор, походить по еще недостроенным, но уже уютным комнатам, послушать очаровательного гида - армянки (католички) - это тоже особенность мечети, увидеть, как соседи относятся к ней, становится ясно, что армянский народ из истории унаследовал не только историческую память, но и глубокую культуру толерантности и уважения к Богу».

Сам факт существования «Голубой Мечети» в Ереване очень важен, считает Рауф Раджабов (председатель общественного объединения «Мир, демократия, культура») из Азербайджана.

В настоящее время реконструированная «Голубая Мечеть» является не только мусульманской святыней, но также и памятником культуры. Мечеть свидетельствует также о том, что для мусульман в Армении созданы все условия и в республике нет случаев притеснения по расовым признакам или вероисповеданию. Если в Армении есть одна мечеть, то в Иране есть 60 действующих церквей, большая часть из которых - армянские.

В последнее время контакты между Ираном и Арменией имеют устойчивую тенденцию к расширению. Связи укрепляются не только на уровне глав государств, правительств и парламентов. Их участниками становится более широкий круг субъектов. В Армении созданы специальные постоянные правительственные комиссии, для того чтобы следить за ходом выполнения заключенных соглашений, для совместной работы над юридической базой, регулирующей отношения между Арменией и Ираном, а также для оперативного реагирования на разные конфликтные ситуации.

Следует отметить, что сотрудничество Армении с Ираном играет позитивную роль не только для двусторонних контактов, но и в целом для региона.

Иран и Армения - соседние государства, имеющие многовековую историю, уходящую в глубь столетий. Они имели и имеют добрые отношения, и следует сделать все возможное, чтобы события в Карабахе и вокруг него не сказались на их дальнейшем развитии.

Примечания

1. Армения: проблемы независимого развития / Под общей ред. Е.М. Кожокина. М., 1998.
2. История Древнего мира. М., 1983. Т. 3. С. 201-202.
3. Информационное агентство Арминфо. Август, 2003.
4. Независимая газета. М., 1997. 21 мая.

Материалы «КАВКАЗОВЕДЧЕСКОГО СЕМИНАРА» на тему «Иран и Россия в геополитике Каспийско-Черноморского региона» (20 февраля 2004 г.)

К. Белкина

Сотрудничество в ядерной области России и Ирана: история и современность

В современном мире стратегическое партнерство держав, таких крупных и столь близких друг к другу географически, каковыми являются Иран и Россия, играют значительную роль в сфере обеспечения региональной безопасности с целью создания благоприятной обстановки для развития взаимовыгодного экономического и культурного партнерства. Дипломатические отношения России с Ираном имеют давнюю историю, в ходе которой были многочисленные подъемы и падения. В отдельные периоды четырехсотлетних отношений они были и очень дружественными, и весьма враждебными. В последнее время российско-иранское партнерство развивается достаточно бурно. Оно строится на прочной и развитой договорно-правовой основе. Широкие перспективы для двустороннего взаимодействия на долгие годы вперед были открыты подписанием в Москве 12 марта 2001 г. Президентом РФ В.В. Путиным и Президентом ИРИ С.М.Хатами Договора об основах взаимоотношений принципах сотрудничества между нашими странами. Большие возможности и перспективы имеет сотрудничество Ирана и России в военно-технической, экономической, торговой, транспортной сферах и, конечно же, в сфере ядерной энергетики. Важность развития ядерного партнерства подчеркивается как Ираном, так и Россией. Это сотрудничество подвергается критике и даже обвинениям со стороны США, Израиля и ряда других стран. Вашингтон не доволен стремлением Ирана развивать на своей территории атомную энергетику, так как, по мнению американцев, это служит лишь прикрытием для создания ядерного оружия. Но данное обвинение очень спорно. Как известно, Иран присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия и согласился на контроль Международного

агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Конечно, само по себе развитие ядерной энергетики так или иначе несет опасность ядерного оружия, но такая угроза существует везде. И здесь дело – в усовершенствовании техники, исключающей или, по крайней мере, резко ослабляющей столь нежелательные последствия. Требовать же от той или иной страны вообще отказаться от ядерной энергетики несправедливо, да и нереально.

В целом, партнерские отношения России и Ирана в сфере атомной энергии начались в 1992 году, когда было подписано соглашение о строительстве атомной станции в Бушаре. Согласно ему Россия обязалась поставить в Иран один реактор типа ВВЭР-1000, ядерное топливо для него и обеспечить подготовку иранских специалистов в данной сфере. От Ирана требовалось обеспечивать своевременное финансирование и возвращать отработанное ядерное топливо для дальнейшего захоронения его на территории России. Но после того как неполный текст «Соглашения» появился в прессе, западные СМИ заговорили о существовании «секретной» части соглашения, которая якобы содержит обещание России поставить Ирану «критичную» ядерную продукцию, в частности технологию обогащения урана. В 1998г. под давлением США Украина отказалась от контракта на изготовление заводом «Харьковская турбина» турбин для АЭС Бушер. А в августе 2000 г. посол Ирана в России М.Сафари заявил, что ядерный реактор, строящийся в России, готов на 40%. При условии отсутствия задержек в финансировании, проект планировалось реализовать, таким образом, не ранее 2005-2006 гг., но ситуацию при этом осложняла нерешенность к тому времени вопроса о хранении ядерных отходов строящейся АЭС. Таким образом, осуществление данного проекта растянулось на многие годы, и даже был на грани срыва, но стороны смогли найти компромиссное решение. Так, 25 декабря 2002г. Иран и Россия подписали соглашение об ускоренном завершении строительства АЭС. Под соглашением поставили свои подписи глава иранского агентства по атомной энергии Г.Агазде и глава Минатома России А.Румянцев. Была также достигнута договоренность об образовании комиссии по изучению вопроса о строительстве еще одной АЭС. Россия заявила, что в ближайшие 10 лет будет поставлять для реактора ядерное топливо. При этом на пресс-конференции в Тагеране российский министр атомной энергетики А.Румянцев сообщил, что Россия заинтересована в участии в строительстве еще шести атомных станций в Иране (в Араке, в Натанзе и в ряде других городах). В свою очередь, Г.Агазде заявил, что Ирану нечего скрывать и обратился к МАГАТЭ с просьбой направить в страну группу инспекторов для проверки ее деятельности в ядерной области.

В конце прошлого года Секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Х.Ровани заявил, что Иран принял решение приостановить процесс обогащения урана и вручил МАГАТЭ письмо о согласии подписать дополнительный протокол к «Договору о нераспространении ядерного оружия». Кроме того, Иран решил принять строгую ядерную проверку со стороны МАГАТЭ. Наша страна рассматривает этот шаг иранского руководства как свидетельство настроя Тагерана последовательно двигаться по пути обеспечения полной транспарентности своей ядерной программы. Данные уступки были очень своевременны, так как в настоящее время уже завершено 80% строительных

работ на АЭС в Бушаре. По плану все строительные работы завершатся до конца этого года, а сдача в эксплуатацию намечена на 2005г.. И в противном случае решение о запуске первого блока АЭС повисло бы в воздухе. В целом, хотя США будет и дальше оказывать давление, решение Ирана откроют новый путь для российско-иранского сотрудничества в ядерной области. Как отметил В.В. Путин, в настоящее время в данном сотрудничестве нет уже «никаких препятствий». Россия и Иран договорились, что в ближайшее время начнутся переговоры по вопросам строительства второго энергоблока на АЭС в Бушаре. Российская сторона уже представила Ирану технико-экономическое обоснование, связанное со строительством этой электростанции.

Таким образом, продолжительное развитие ядерного сотрудничества с Ираном отвечает экономическим интересам России, интересам ее безопасности и географического положения. И, как заявил официальный представитель МИД России А.Яковенко в одном из своих интервью, Россия твердо настроена на продолжение сотрудничества с Ираном вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. Отношение к Ирану как к дружественному государству и доброму соседу стало частью российской политической традиции и разделяется как в руководстве, так и рядовыми гражданами Российской Федерации.

А. Пацев

Иран в геополитической конструкции И.И. Дусинского

Отношения с Ираном всегда занимали важное место во внешнеполитических доктринах Российской империи, геополитических проектах военных, чиновников, ученых. Остановимся на взглядах И.И. Дусинского, который являлся продолжателем идей Н.Я. Данилевского и предложил перед I Мировой войной панславянское видение геополитического будущего Российской империи. В книге «Основные вопросы внешней политики России» (1910, переиздана: Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003) существенное внимание уделено российско-персидским отношениям в начале XX в. И.И. Дусинский обосновывал в книге установление по «вектору Юг» геополитически мотивированные естественные границы Российской империи и соответствующее разграничение границ с соседями. Он отмечал, что российско-персидская граница нуждалась, в свете его подхода, в незначительном изменении и должна быть достигнута «без расстройства дружественных отношений обеих стран, отношений, сохранение и упрочение коих представляется в высшей степени желательным».

Автор предлагал довольно сложную геополитическую реструктуризацию, по которой Персия при новом разграничении уступала России узкую полосу вдоль всей своей северной границы (северную без Тавриза часть Азербайджана, большую часть Гилана, Мазендеран и Астрабад и небольшую порубежную часть Хорасана, исключая г. Мешед). В замен Россия должна была способствовать более значительному расширению границ Персии на восток и запад, вплоть до распространения границ на всю территорию Иранской возвышенности. Подобные геополитические рекомендации были в духе начала

XX в., но их практическая реализация неизбежно втягивала Россию в острый военный конфликт с Англией и Афганистаном. Впрочем, реализацию идей сухопутного соединения Кавказа и Туркестана И.И. Дусинский ставил как стратегическую, а не сиюминутную задачу. И.И. Дусинский был противником механического расширения территории империи, не актуальным полагал для России при ее уровне экономического развития борьбу за рынки сбыта, но главное внимание уделял проблеме геополитической естественности границ, что обеспечивало безопасность окраинам, империи в целом.

Он негативно оценивал политику империи в отношении Персии после присоединения России к Антанте. Следуя в фарватере британской политики в регионе, российская внешняя политика фактически не учитывала национальных интересов, как России, так и Персии. По его мнению, «за последние годы наша политика в Персии может содействовать не упрочению, а лишь уничтожению русско-персидской дружбы и переходу персов в лагерь наших ожесточенных врагов».

Исходя из принципа, что «Россия, властительница суши, может стремиться лишь к морю, а отнюдь не за море», И.И. Дусинский выступает против проектов военного выхода России к берегам Персидского залива. Понимая экономическое значение Персидского залива, автор отводил основную роль в обеспечении здесь российских интересов системе международных договоров. Все, что было несовместимым с устойчивой русско-персидской дружбой, он полагал «противным русским интересам».

Взгляды И.И. Дусинского на геополитические интересы России в начале XX в. в отношениях с Ираном, как и его общая панславянская концепция в современных условиях имеет в основном исторический интерес. Однако, его принципиальная мысль, что «великая Персия» должна всегда быть другом и союзницей России, ее оплотом на Дальнем Юге», является аксиомой внешней политики современной Российской Федерации.

М. Погосян

Перспективы торгово-экономического сотрудничества Ирана и России

В последнее десятилетие XX в. отношения России и Исламской республики Иран характеризовались динамизмом и поиском перспективных направлений, которые могли бы расширить сотрудничество. Последнее с обеих сторон рассматривается как стратегическое. На самом деле, и Иран и Россия имеют достаточно близкие позиции, связанные с геополитической ситуацией в регионе, примыкающей к их границам – проблемой Таджикистана, правового статуса Каспийского моря, расширения НАТО на восток и т.д. Для России Иран рассматривается и в качестве и конкурента и в качестве партнера. Он занимает стратегическое положение, связанное с Турцией и Ираком, Афганистаном и Пакистаном. На юге имеет выход в Персидский залив, а на севере ему принадлежит южный сектор акватории Каспийского моря. Здесь он граничит с новыми закавказскими государствами – Азербайджаном, Арменией и Туркменистаном. Иран

входит в пятерку главных обладателей запасов природного газа. Кроме того, в его недрах находятся огромные запасы нефти.

Но хотелось бы отметить, что одной из традиционных составляющих сотрудничества России и Ирана являются экономические связи. Еще в дореволюционный период между Россией и Ираном существовали довольно широкие торгово-экономические связи. На Россию приходилось около 60% внешней торговли Ирана.

Успешно эти связи развивались в советское время, но после исламской революции Иран стал рассматривать СССР как идеологического противника. Исчезновение СССР и изменения в мире подтолкнули иранских лидеров к серьезной корректировке политического курса в отношении России, воспринимаемой в качестве чуть ли не одного из главных стратегических союзников.

Хотелось бы отметить, что расширению взаимных торгово-экономических связей и выходу обеих стран на международные рынки способствовал заключенный в 1980 г. между СССР и Ираном договор о транзите, по которому стороны предоставляли друг другу взаимовыгодные условия перевозок грузов через территории обоих государств

Таким образом, Иран – традиционный и крупный торговый партнер России, объем торговли с которым постоянно растет. В 2000 г. объем товарооборота между Россией и Ираном составил 603 млн. долл., что на 20% выше показателей 1999 г. (550 млн. долл. экспорт в Иран, 53 млн. долл. – импорт из Ирана). В 2001 г. товарооборот составил 930 млн. долл. При этом и Россия и Иран заинтересованы в расширении и укреплении двусторонних экономических связей. Доказательством этому служит регулярное проведение российско-иранских консультаций по вопросам торгово-экономического сотрудничества и т.д.

Основными направлениями торгово-экономического сотрудничества между Россией и Ираном являются энергетика, в том числе и атомная, металлургия, нефтегазовая и химическая промышленность, транспорт. С 1997 г. наблюдается активизация деятельности российских компаний на энергетическом рынке Ирана. Структура российского экспорта в Иран представлена черными и цветными металлами, металлоизделиями (41% в общей стоимости экспорта). В структуре импорта из Ирана преобладают пищевые продукты и табак, доля которого составляет около 40%. Кроме того закупаются разные товары широкого потребления, некоторые строительные и отделочные материалы, химические товары, руды и др.

Двумя сторонами активно обсуждаются крупные перспективные проекты в области самолетостроения. Следует отметить, что Россия строит экономические отношения с Ираном, стараясь не создать угроз безопасности третьим странам, но с оглядкой на Запад. В вопросах обеспечения внешнеторговых транзитных перевозок российских и иранских грузов огромное значение имеет Южно-российский округ. С распадом СССР кардинально изменилось геополитическое положение северокавказского региона. Он стал сферой интересов многих государств Востока и Запада. Юг России стал практически единственным звеном, связующим Россию со странами Среднего и Ближнего Востока,

Юго-Восточной Азии, Средиземноморья, кратчайшим и экономически выгодным транспортным путем, обеспечивающим связи между Европой и Азией.

Транспортные коммуникации Юга России могут обеспечить максимально эффективное наземное и воздушное сообщение между рынками России и Ирана, что создаст благоприятные условия для экономического развития самого региона. Т.к. здесь развита транспортная инфраструктура: железные дороги, автомобильные, морские и речные порты, глубоководные судоходные пути, аэропорты.

Развитие порта Махачкала и строительство нового порта Оля на Северном Каспии (что было заложено в « Программе развития ЮФО до 2005 г.») создают дополнительные транспортные возможности обеспечения товарооборота между Россией и Ираном. Используя российские порты на Каспии и Черном море при существенном сокращении транспортных затрат и времени доставки грузов позволит повысить загрузку транспортных коммуникаций Северного Кавказа и Северного Каспия. Эта задача имеет большую политическую и социально-экономическую значимость, т.к. позволит увеличить поступления в бюджет всех уровней, создать новые рабочие места и увеличить занятость населения региона, привлечь дополнительные источники финансирования и обеспечить рост промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Кроме того сократятся затраты грузовладельцев (в 3,5 раза) на транспортировку грузов этим путем по сравнению с традиционными схемами перевозок, предусматривающим использование морского транспорта и портов Азово-Черноморского бассейна.

Открытие паромного сообщения между российскими и иранскими портами на Каспийском море обеспечит международные перевозки по маршруту, проходящему в стороне от очагов межнациональных конфликтов, облегчит выполнение таможенных операций при пересечении третьих стран – Азербайджана и Армении и являющемуся кратчайшим в связях со многими регионами России и европейскими странами.

Таким образом, Иран и Россия должны стремиться расширять и укреплять торгово-экономическое сотрудничество, от чего в итоге выиграют обе стороны. И в этом огромную роль играет и будет продолжать играть транзитное положение нашего региона – Черноморско-Каспийско-Кавказского.

Сведения об авторах

Алибекова Патимат Магомедовна – к.ф.н., доцент кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета, старший научный сотрудник отдела литературы Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН

Белкина Ксения – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Вдовченков Евгений Викторович – ассистент Ростовского Института Сервиса при Южно-российском государственном университете экономики и сервиса

Веркин Вячеслав Сергеевич – соискатель ИППК РГУ

Дегтярев Александр Константинович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Добаев Игорь Прокопьевич – д.ф.н., зам. директора Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

Дургарян Юлия Левоновна – юрист-международник (г. Ереван)

Дьячук Игорь Алексеевич – к.с.н., начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новочеркасского военного института связи

Емельянова Надежда Михайловна – к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Лихошерстов Евгений Николаевич – к.пед.н., доцент, начальник Новочеркасского военного института связи

Малышева Дина Борисовна – д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (г. Москва)

Пацев Александр – студент 4 курса отд. «Регионоведение»

Погосян Марина – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Суслов Дмитрий Вячеславович – аспирант Института США и Канады РАН, международный корреспондент «Независимой газеты» (г. Москва)

Туаллагов Алан Ахсарбекович – д.и.н., ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (г. Владикавказ)

Ханбабаев Кафлан Муслимович – к.ф.н., доцент, заместитель Председателя Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религий (г. Махачкала)

Черноус Виктор Владимирович – к.полит.н., доцент, директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

Чугунова Юлия Ростиславовна – студентка 4 курса отд. «Регионоведение»

Шевелев Владимир Николаевич – д.ф.н., профессор, зам. директора ИППК при РГУ по учебной работе

Содержание

В.В. Черноус

Иранский след в истории Юга России

РАЗДЕЛ 1. ИРАН И ЮГ РОССИИ В ПРОШЛОМ

А.А. Туаллагов

Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников

Е.В. Вдовченко

Миграция носителей сарматской археологической культуры из Подонья на территорию Среднего Дуная в I в. до н. э. – I в. н. э.

Н.М. Емельянова

Иран в истории Осетии

П.М. Алибекова

Персидский язык и литература в Дагестане

К.М. Ханбабаев

Из истории дагестано-иранских культурных связей

И.П. Добаев

Роль и место неправительственных религиозно-политических организаций в экспорте Ираном «исламской революции» в 80-х гг. XX в.

РАЗДЕЛ 2. ЮГ РОССИИ И ИРАН В XXI В.

Д.В. Сулов

«Иранский вопрос» в мировой политике XXI века и его возможное решение

Е.Н. Лихошерстов, И.А. Дьячук, В.С. Веркин

Геополитический аспект российско-иранских отношений

В.Н. Шевелев

Внешняя политика современного Ирана: геополитические интересы на Кавказе и Юге России

Д.Б. Малышева

Каспийский вектор ирано-российского взаимодействия

Ю.Р. Чугунова

Правовой статус Каспия: ресурс или барьер в межрегиональном сотрудничестве и российско-иранских взаимоотношениях

А.К. Дегтярев

Образ Ирана в системе идеологических координат национализма

Ю.Л. Дургарян

Армяно-иранские отношения и разрешение карабахского конфликта

**Материалы «КАВКАЗОВЕДЧЕСКОГО СЕМИНАРА» на тему
«Иран и Россия в геополитике Каспийско-Черноморского региона»**

К. Белкина

Сотрудничество в ядерной области России и Ирана: история и современность

А. Пацев

Иран в геополитической конструкции И.И. Дусинского

М. Погосян

Перспективы торгово-экономического сотрудничества Ирана и России

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Центра системных региональных исследований и прогнозирования
ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

2001

- Вып. 1. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 188с.
- Вып. 2. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 215 с.
- Вып. 3. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 80 с.
- Вып. 4. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 156 с.
- Вып. 5. Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 196 с.

2002

- Вып. 6. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.
- Вып. 7. Добаев И.П. Исламский радикализм. Отв. ред. А.В. Малащенко. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 120 с.
- Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 126 с.
- Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 194 с.
- Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.
- Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.
- Вып. 12. Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 168 с.
- Вып. 13. Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие). Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.

2003

- Вып. 14. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 160 с.
- Вып. 15. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Составитель Г.Д. Петрова. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 140 с.
- Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 264 с.

Вып. 17. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Изд. СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 18. Ладыженский А.М. Адады горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2003. Изд-во СКНЦ ВШ. 219 с

Вып. 19. СМИ в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д, 2003. Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с

2004

Вып. 20. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д, 2004. Изд-во СКНЦ ВШ. 288 с

Вып. 21. Басханова Л. С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004. 150 с.

Вып. 22. Иранский мир Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004. 174 с.

Готовится к печати сборник «Традиционализм и модернизация на Юге России».

**Центр системных региональных исследований и прогнозирования
Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей
гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете и
Института социально-политических исследований РАН**

Создан в сентябре 1999 года

Основные задачи:

- Создание информационной базы данных по Южному федеральному округу;
- Организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных (северокавказских) научных исследований;
- Проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров по регионалистики;
- Разработка образовательных проектора и программ в области регионоведения.

Центр действует в комплексе с кафедрой теоретической и прикладной регионалистики ИППК при РГУ и Студенческим информационно-аналитическим центром.

С 2001 года издает серию научных проблемных сборников и монографических исследований «Южнороссийское обозрение».

Более подробно о результатах деятельности Центра можно узнать на <http://www.ippk.rsu.ru>

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследований по гуманитарной и социальной проблематике Северного Кавказа.

Контактный адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160,
ИППК при РГУ, к. 208.

Телефоны: 65-34-51.

Факс: 64-49-33.

E-mail: center@ippk.rsu.ru